

№ 1 (40) 2021

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Выходит четыре раза в год.
Издается с 2008 года

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-культурные явления и процессы

Марков А. П.

Западная цивилизация эпохи постмодерна:
симптомы заката, альтернативный проект будущего 5

Золотухина-Аболина Е. В., Ингерлейб М. Б.

Два идеала «человека будущего»: поиски XX века 18

Воеводина Л. Н., Хубаева А. М.

Конструирование идентичности в актуальной визуальной
культуре 29

Гертнер С. Л., Китов Ю. В.

Клуб как объект культурологического анализа 36

Скоробогачева Е. А.

Фантастичность восприятия архитектурных образов Венеции
в культуре России конца XVIII – XX веков 48

Литературоведение

Марков А. В.

Филологическая социология культуры:
М. Л. Гаспаров и В. Н. Топоров в споре о популярном акмеизме 57

Неженец Н. И.

Эстетическая мысль А. П. Чехова 66

Фёдорова Е. А., Бесогонова С. А.

Мифологизация образа великого инквизитора
в рецепции В. В. Розанова, А. М. Горького, А. А. Золотарёва 76

Технологии социально-культурного воспитания

Головлева Т. А., Мацукевич О. Ю.

Развитие практик любительского творчества за рубежом 87

Баландина Г. А.

Технологии проектирования рекреативно-анимационных программ для молодёжи 93

Лоханина М. Е., Пискунова Н. И.

Развитие коммуникативных компетенций педагогов дополнительного образования (хореография) в рамках программы повышения квалификации «Социальные танцы» 100

Профессиональное образование в сфере культуры

Атаманова Е. Т.

«Всё лучшее зарождается в провинции...»: вуз как культурно-образовательный феномен в провинциальном регионе 109

Новожилова Т. Н.

Формирование ценностных ориентаций студентов вуза культуры в контексте их профессиональной подготовки 122

Делий П. Ю.

Отечественная система профессиональной подготовки духовиков в контексте компетентностно-ориентированной парадигмы образования 133

Жуков А. Д.

Диагностика сформированности медианавыков у современных студентов 143

№ 4 (39) 2020

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

SCIENTIFIC INFORMATION JOURNAL FOR
UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

Published four times a year.

Published since 2008

CONTENTS

Social and Cultural Phenomena and Processes

Markov Alexander P.

Postmodern Western civilization: symptoms of decline
and scenarios of the future 5

Zolotukhina-Abolina Elena V., Ingerleyb Mikhail B.

Two ideals of the "man of the future": the search
for the twentieth century 18

Voevodina Larisa N., Khubaeva Anna M.

The construction of identity in the modern visual culture 29

Gertner Svetlana L., Kitov Yuri V.

Club as an object of culturological analysis 36

Skorobogacheva Ekaterina A.

The fantastic perception of the architectural images of Venice
in the Russian culture of the late XVIII – XX centuries 48

Literary Studies

Markov Alexander V.

Philological sociology of culture: Mikhail Gasparov
and Vladimir Toporov in the dispute about popular acmeism 57

Nezhenets Nikolay I.

Aesthetic thought of Anton Chekhov 66

Fedorova Elena A., Besogonova Svetlana A.

Mythologization of the image of the Grand Inquisitor
in the reception of Vasiliï Rozanov, Maksim Gorky, Aleksei Zolotarev 76

Technologies of Social and Cultural Education

Golovleva Tatyana A., Matsukevich Olga Yu.

Development of amateur art practices abroad 87

Balandina Galina A.

Technologies for designing recreative-animation programs for youth 93

Lokhanina Maria E., Piskunova Natalia I.

Developing communicative competencies of extra-curriculum
dance teachers as integrative part of advanced teachers' education
programme in "Social Dance" 100

Professional Education in the Culture

Atamanova Elena T.

"All the best is born in the province...":
University as a cultural and educational phenomenon
in the provincial region 109

Novozhilova Tatiana N.

Formation of value orientations of students of higher education
institutions of culture in the context of their professional training 122

Deliy Pavel Yu.

The Russian system of professional training of spiritual teachers
in the context of the competence-oriented paradigm of education 133

Zhukov Andrey D.

Diagnostics of the formation of median skills in modern students 143

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: СИМПТОМЫ ЗАКАТА, АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПРОЕКТ БУДУЩЕГО

УДК 008

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-5-17>

Александр Петрович МАРКОВ,

доктор педагогических наук, доктор культурологии,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: markov_2@mail.ru

Аннотация: В статье представлен анализ условий и факторов «духовной капитуляции» западной цивилизации, связанной с эрозией «культурного кода» и деформацией классического образа человека. Автор характеризует симптомы исчерпанности «прометеевского духа» Запада, исследует исторические корни регрессии европейского гуманизма. Деформация метафизических матриц культуры и глобальный антропологический кризис переводят европейскую культуру в «точку бифуркации», которая вносит неопределённость в образы и сценарии будущего. Глубинные метафизические причины, лежащие в основе системного кризиса, минимизируют шансы на «консервативное оздоровление» западной цивилизации. В качестве альтернативы неолиберальной концепции мироустройства рассматривается «евразийский проект», отвергающий диктатуру рынка и мировой финансовой «капиталократии», признающий этнокультурное и цивилизационное многообразие как великую ценность и важнейшее условие коэволюционного развития народов и государств.

Ключевые слова: постмодерн, «прометеевская культура», гуманизм, неолиберализм, «культура жрецов», «евразийский проект».

Для цитирования: Марков А. П. Западная цивилизация эпохи постмодерна: симптомы заката, альтернативный проект будущего // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 5–17. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-5-17>

POSTMODERN WESTERN CIVILIZATION: SYMPTOMS OF DECLINE AND SCENARIOS OF THE FUTURE

Alexander P. Markov, D.Sc. in Pedagogic Sciences, D.Sc. in Cultural Studies,
Honored worker of science of the Russian Federation, Professor
of the St. Petersburg University of the humanities and social sciences,
St. Petersburg, Russia, e-mail: markov_2@mail.ru

Abstract: The article analyzes the “spiritual surrender” of Western civilization in the postmodern era, associated with the erosion of the “cultural code” and the deformation of the classical image of a person. The author characterizes the symptoms of the exhaustion of the “Promethean spirit” of the West, explores the historical roots of the regression of European humanism. The deformation of the metaphysical matrices of culture and the global anthropological crisis translates European culture into a “bifurcation point” that introduces uncertainty into the images and scenarios of the future. The deep metaphysical reasons underlying the systemic crisis minimize the chances of a “conservative recovery” of Western civilization. An alternative to the neoliberal concept of the world order can be the “Eurasian project”, which rejects the dictatorship of the world financial “capital” and the market-capitalist economic system, recognizing ethnocultural and civilizational diversity as a great value and the most important condition for the co-evolutionary development of peoples and states.

Keywords: postmodernity, “Promethean culture”, humanism, neoliberalism, “culture of priests”, “Eurasian project”.

For citation: Markov A. P. Postmodern Western civilization: symptoms of decline and scenarios of the future. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 5–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-5-17>

Европейский постмодерн: исход в стихию язычества

Лейтмотивом философско-культурологических дискуссий последнего времени стала проблема «гибельной траектории» развития западной цивилизации эпохи постмодерна, которая строит своё настоящее и будущее на тотальном нигилизме по отношению к великим достижениям предшествующих культурных эпох, неудержимо скатываясь «от полноты к опустошённости» (К. Ясперс). Деструктивный характер капиталистической системы неоднократно отмечали отечественные и европейские гуманистари. «Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять ... человечество не может достичь политического и духовного единства, следуя западным путём. В то же время совершенно очевидна насущная необходимость объединяться, ибо в наши дни единственная альтернатива миру – самоуничтожение, к чему подталкивает человечество гонка ядерных вооружений, невозполнимое истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и демографический взрыв» [17, с. 598, 599]. Неизбежность смены парадигмы развития человечества была зафиксирована в докладе «Римского клуба» 2018 года, в котором содержится жёсткая критика капитализма эпохи неолиберализма, а также призыв к интеллектуальной элите мира сформировать концепцию «альтернативной экономики» и вернуться к «новому Просвещению», которое может спасти планетарную цивилизацию «холистическим мировоззрением»¹.

¹ Доклад был подготовлен двумя президентами клуба при участии тридцати четырёх членов этой авторитетной международной организации (см.: «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2019/12/doklad-rimskogo-kluba-2018.pdf>).

Индустриальная и информационная революции, поставив на грань гибели всё живое, показали иллюзорность надежды на разум, который должен был исправить «вывихнутый XX век». Набирающая обороты «цифровая эра» приближает переход мира к «шестому технологическому укладу», с перспективой тотальной автоматизации и роботизации производства, которая почти полностью исключает человека из хозяйственной жизни. На фоне экологического и экзистенциального кризиса всё активнее обсуждается «трансгуманистическая идея» достижения бессмертия путём создания искусственного «постчеловека» как «небиологической самоорганизующейся системы» [8]. Экспансия глобальных проблем стимулирует понимание обречённости экстенсивного пути развития, ведущего к хищническому потреблению ресурсов, усиливает критику научно-технологического прогресса как «тупиковой ветви» развития цивилизации. Рыночно-капиталистическая система хозяйствования и диктатура мировой финансовой капиталократии стали «экологическим могильщиком человечества» (А. И. Субетто). «В безумной стадной гонке» мир вплотную приблизился «к краю бездны», к границе «коллективного родового самоубийства». Экологи всё чаще говорят «о реальности экологического Апокалипсиса и Армагеддона» [6, с. 7].

На фоне катастрофического обострения глубинных противоречий и проблем гуманитарный Логос начинает обретать черты религиозной эсхатологии, свидетельствуя о том, что «наш век канунный» – уж слишком многое говорит в пользу такого пессимистического прогноза [14, с. 1135]. В результате деструктивной динамики западный мир вступает в «эпоху рвущихся нитей» истории, во времена «глобального эволюционного перелома», остановить который уже невозможно [5]. «Духовную капитуляцию» приближают разломы на метафизическом уровне: европейская цивилизация вошла в стадию «предельной усталости» от перенапряжения, вызванного давлением «прометеева технологического порыва» (А. Панарин). Сдаёт свои позиции рождённый «осевым временем» Логос, «энергетично остуженный» эпохой модерна и онтологически выхолощенный постмодернистским нигилизмом. «Нынешний кризис – это не кризис отдельных обществ, а всей макрокультурной системы, пришедшей в I тыс. до н.э. на смену Древнему миру, и которую уместно назвать логоцентрической ... Слово исчерпало свои культуротворческие возможности, и постмодерн подвёл под ними черту. Слово, погружаясь в энтропию релятивизма, более не является ни двигателем культурной динамики, ни маской самой Культуры» [15, с. 13].

Воистину, «порвалась связь времён» – деформация метафизических матриц культуры и глобальный антропологический кризис концептуально меняют ценностно-нормативные контуры человека, сформированного «осевым временем». Набирает обороты эрозия «культурного кода»,

размывание традиционных критериев идентичности – национально-культурных, гендерных, социальных, профессиональных. Рушится тот «неделимый атом», который много веков обеспечивал «вертикальную» устремлённость европейской культуры «к небу», в сферу духа. Беспощадный рыночный отбор «расчеловечивает» человека, лишая его ключевых душевных энергий – стыда, совести, милосердия, прощения, веры, надежды, любви. Рыночная доминанта, раскрепощая стихии алчности и зависти, убивает мотивацию социального участия, которая лежит в основе структур гражданского общества. Лишённое энергии солидарности общество теряет способность к взаимопомощи и самозащите, оно становится «дисперсной средой», существующей под знаком энтропии деструктивной системой, производящей асоциальные и криминогенные «антитела», разрушающие цивилизационную инфраструктуру [13].

В результате глобальных подвижек западноевропейская цивилизация оказалась в «неравновесном состоянии» – она переживает «критический момент бифуркации», максимально повышающий неопределённость завтрашнего дня. «Точка бифуркации» предполагает две взаимоисключающие модели будущего: а) конструктивную, обеспечивающую воспроизводство базовых культурных универсалий и препятствующую росту энтропии; б) регрессивную, усиливающую дезорганизацию мира и расширяющую пространство хаоса. Эти модели отличаются вектором и результатами лежащего в их основе «сценария будущего»: «нисхождение» в деструктивные для человека и культуры стихии (в том числе и далёкого языческого прошлого) или «восхождение» к духовным высотам, выстраданным человеческой историей в многовековой борьбе с силами хаоса и зла.

Логика развития западной модели мироустройства вписывает её в «стратегию нисхождения» – её «реформационный потенциал», значительно подорванный «фаустовским духом» и «экстравертированной ментальностью» европейского модерна, окончательно выхолощен постмодернистским пессимизмом и нигилизмом. Экспансия постмодернистской парадигмы становится следствием глубинного кризиса европейского гуманизма, результатом исчерпанности ресурсов «прометеевского духа» западного мира, замыслов и смыслов логоцентрической культурной парадигмы (О. Шпенглер назвал такой этап культурной динамики «метафизической усталостью»). Современное западное общество проваливается в стихии «культуры жрецов», реабилитируя деструктивный опыт и антигуманные практики далёкого языческого прошлого. «В атмосфере нашей эпохи явственно запахло новым дионисийством, готовым легитимировать асоциальные практики новых сверхчеловеков глобализма и перечеркнуть универсалистские принципы демократического Просвещения установками нового социал-дарвинизма, расизма и избранничества» [13].

«Языческий постмодерн» ускорил «нравственный коллапс» западной культуры, он «убил человека», разобрав его «на фрагменты, функции, эпифеномены, симулякры, ризомы, трансгрессии, семиозисы ...» [7, с. 481]. Неизбежным итогом «распоясавшейся низменности» становится «духовное гниение» и моральная регрессия. «Вихрь нисхождения» лишает человека ключевых атрибутов, отличающих его от животного: стыда и совести – того «правдивого голоса нашего глубинного Я», которого «нельзя ввести в заблуждение, как ум, или извратить, как волю» [11]. Умолкающая совесть есть «признак глубочайшего нравственного падения мира» [11].

Исторические корни регрессии европейского гуманизма

Истоки такого настоящего и будущего – в глубоком прошлом западной цивилизации. На исходе «тёмного царства» Средневековья вершиной европейской цивилизации становится гуманизм: «гуманисты и протестанты бунтовали, потому что ощущали обычный, но всегда болезненно воспринимаемый более тонкими умами разрыв между идеалом и действительностью, который достиг огромных размеров к концу средневековья» [3, с. 244]. Бунтари-гуманисты делали всё, чтобы дискредитировать традиционный авторитет: они требовали свободы для творцов в науке и искусстве, отстаивали права каждого выбирать приемлемый для него образ мышления. Центром гуманистической парадигмы становится человек. «Собственная история Запада как духовной и цивилизационной реальности начинается только с XV века, когда эпоха Ренессанса обозначила собой движение от теоцентризма к антропоцентризму. В отличие от Востока, постренессансный Запад свёл вечность ко времени, онтологические ценности – к инструментальным, соборность – к индивидуализму. Бесспорным достижением европейской цивилизации стал суверенный индивид как субъект права и культуры, однако утрата таким субъектом субстанционального (классического) духовного содержания привела его к опасным экзистенциальным опытам со свободой, вплоть до союза с Мефистофелем (Фауст)» [7, с. 481]. Гуманисты верили в лучшее будущее. И действительно, первые два века Просвещения отличаются оптимистическим и реформаторским пафосом, верой в возможность радикального изменения мира, в котором будет меньше страданий и больше счастья. Основные идеи эпохи: материализм и «натурализм», отрицающий всё сверхъестественное, вера в неизбежный прогресс общества, неприязнь к традиции и социальной иерархии, идеал свободы и равенства [3, с. 302]. Именно разум был положен в основу «правильного мировоззрения» и совершенствования порядка: постижение законов природы в их «социальном разрезе» становится программой правильного поведения, которая в итоге вытесняет «противоестественное» в мире. Но печальная судьба этого интеллектуального и культурного движения говорит

о том, что благие пожелания, основанные на культе человеческой гордыни, заканчиваются моральной энтропией и духовной деградацией того, во имя блага которого всё и задумывалось. «Оптимистический дух» Просвещения по поводу ведущего к «земному раю» материального прогресса и «морального совершенствования» общества на основе познания законов природы в значительной мере был «погашен» уже событиями конца XVIII – начала XIX века: бесчинствами французской революции – этого «испытательного полигона» для гуманистических и пацифистских заветов, наполеоновским режимом диктатуры и террора, породившим двадцатипятилетнюю войну – «самую дорогостоящую и кровопролитную из всех войн, которые до того времени знало человечество» [3, с. 234].

Значимым фактором деградации «европейского гуманизма» стала специфическая ментальность народов и этносов западноевропейского пространства, сохранившая на биопсихическом уровне деструктивные (или субпассионарные – Л. Гумилёв) энергии *эроса* и *танатоса*, которые так и не смогла заблокировать средневековая христианская антропология. Именно этим можно объяснить периодические «приступы» насилия в истории западной цивилизации. Средневековая Европа «знаменита» охотами на ведьм и кострами инквизиции, крестовыми походами, которые принесли страдания и жертвы народам Востока, разрушили процветающие города Ближнего Востока и Малой Азии. В XX веке Европа стала источником мрачных тоталитарных режимов с массовым террором и геноцидом. Политика колониального господства и расистские теории деформировали сознание европейцев, они питали шовинизм и расизм, способствовали внедрению в массовое сознание культа силы и национальной исключительности. В первой половине XX века Запад становится источником двух мировых войн, а во второй половине насилие продолжает торжествовать в геополитической стратегии и практике «гегемона» англосаксонского мира – США¹. Америка периодически становится источником событий, прообраз которых укладывается в «символику Апокалипсиса»: бессмысленная с военной точки зрения атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, военные события во Вьетнаме, где «доблестный американский солдат» предстал в «первобытном образе» насилия, не имеющего границ и человеческого оправдания. Развязанные США бесконечные войны (в Афганистане, во Вьетнаме, в Ираке, в Сирии), ввергая общество в вакханалию насилия, переводят его в первобытное состояние варварства [18, с. 591, 594]. Периодические «взрывы» насилия в американской истории объясняются не только геополитической миссией «града на холме», но и встроенностью «гена насилия» в ментальные

¹ По остроумному замечанию А. Панарина, глобальная экспансия Америки в своих архетипических глубинах представляет атаку разбойничье пиратского общества викингов на народы и культуры, которые агрессор никогда не считал равными себе.

матрицы народа, история которого началась, как известно, с геноцида индейцев – с уничтожения целого народа древнейшей цивилизации. Нельзя исключить, что именно эта «апокалиптическая ситуация», с её отвратительным «ритуалом жертвоприношения» древнейшего народа, породила архетипический комплекс агрессии, который систематически воспроизводится в геополитической стратегии и политике США.

Симптомы истощения «прометеевского духа»

Ключевой причиной истощения цивилизационного замысла и наступления эпохи торжества неоязыческого постмодерна стала целенаправленная деформация, начиная с эпохи Ренессанса, христианской антропологии, которая завершается на заключительной стали европейского модерна. Печальный итог западной цивилизации своим талантом пророка предвидел Фридрих Ницше, показав трагедию утраты абсолютных критериев и ориентиров, удерживающих духовную вертикаль мира, истоки экзистенциального кризиса человечества, падающего в бездну неизвестности, безнадёжности и отчаяния. Свой пессимистический вывод Ницше сделал в ситуации массовой секуляризации западной мысли, которая своим научным позитивизмом вытеснила христианские энергии интуиции и веры: духовно опустошённая средневековая схоластика и «холодное доктринёрство церкви» породили массовый пессимизм и «волю к ничто». «То, о чём я повествую, это история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: появление нигилизма ... Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то попытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе» [12]. Ключевым источником кризиса является профанация христианского духа: «Бог мёртв! ... И это мы его убили! Как утешиться нам, убийцам из убийц? Самое святое и сильное, чем обладал до сей поры мир, – оно истекло кровью под ударами наших ножей, – кто оботрёт с нас кровь? Какой водой очистимся? Какие искупительные празднества, какие священные игрища ни придётся изобретать нам? Не слишком ли велико для нас величие этого подвига? Не придётся ли нам самим становиться богами, чтобы оказаться достойными его?» [12].

Прогноз Ницше в полной мере подтверждает эпоха постмодерна, с её «оргиями потребления» и культом золотого тельца, пренебрежением к духовности и морали, кризисом национального государства, распадом нравственных норм, обеспечивающих жизнедеятельность больших и малых человеческих общностей. При этом моральная регрессия общества органично вписывается в стратегию «культурной политики», которую инициирует и финансирует новая «раса господ» глобального мира. Вот только один факт в пользу такого утверждения: ведущие интернет-сервисы и стриминговые платформы сегодня активно пропагандируют зашкали-

вающий агрессией «треш-стрим», так называемый вебкам-модельный бизнес, участники которого зарабатывают себе на жизнь трансляцией в онлайн-режиме откровенно порнографических сцен. Современный Интернет предоставляет неограниченные возможности саморекламы сторонникам «изумрудной любви», различным школам и движениям «бой-лаверов», призывающих организовать «изумрудную революцию» и запретить уголовное наказание за растление детей. В «глобальной паутине» набирает обороты кампания по «разтабуированию греха», преследующая цели перемещения в зону «культурной нормы» суицида и эвтаназии, перевода в группу «допустимых» сексуальных практик инцеста и педофилии¹.

В постмодернистском хаосе завершает свой «исторический триумф» неолиберализм – распадом ключевых системообразующих институтов и удерживающих его теоретических конструкций, включая гуманизм, свободу, демократию, права человека. Эпоха постмодерна деформировала ключевую ценность западной цивилизации, входящую в ядро европейского гуманизма, – свободу как условие духовного самоопределения личности, абсолютного противостояния внутреннему внешнему. «Всепоглощающая толерантность» и соответствующим образом «подготовленное» общественное мнение становятся «репрессивными машинами» борьбы с инакомыслием и человеческой индивидуальностью. Выжженная изнутри постмодернистским нигилизмом неолиберальная свобода ввергает лишённого духовного измерения субъекта в моральный хаос и агонию саморазрушения, она расширяет спектр маргинальных антропологий и практик, пространство девиаций и трансгрессий. При этом обретающие культурную легитимность практики моральной деградации общества подаются идеологами неолиберализма как «высшее достижение западноевропейского гуманизма». В частности, такой «гуманизм» находит выражение в политике «тонких подходов» к минимизации деструктивных явлений. Эту стратегию ещё называют «биополитикой», подлинный смысл которой состоит в переводе почти всего спектра девиации в область нормативного, культурно легитимного поведения, ибо прямой запрет встречает сопротивление и провоцирует протестные формы поведения. Апофеозом западной рациональности и толерантности считается миграционная политика Европы, которая впускает в страну беженцев с Ближнего Востока, руководствуясь при этом, как это ни парадоксально звучит, идеей минимизации терроризма: под камерами и контролем полицейских терактов будет меньше, чем

¹ Такого рода «гуманная инициатива» нашла отражение в «Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств» (DSM-5) – авторитетном справочнике Американской психиатрической ассоциации (см.: Семейная политика. Американские психиатры признали педофильные склонности «сексуальной ориентацией» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.familypolicy.ru/read/1810>).

если бы замыслы и группы террора «созревали» в развороченном ближневосточном мире. Или ещё один штрих такой политики: органам правопорядка запрещается пресекать пьянство молодёжи на площадях и улицах, которое нередко сопровождается избиениями, вандализмом и изнасилованиями. Но пусть лучше молодёжь «делает это под наблюдением тысяч камер в зоне быстрой реакции полицейских. А не в спальнях районах, где сам факт содеянного обнаружат только к утру» [4, с. 95]. Такую же логику власть исповедует по отношению к легализации абортов, однополых браков. Эта чудовищная логика оправдания и пропаганды нравственного распада с неизбежностью ведёт к торжеству языческого хаоса, убивающего гуманистические достижения человеческой цивилизации. Результатом духовного одичания становится откат в «новое варварство», которое, «в отличие от первобытного варварства, вряд ли может стать податливым объектом нового просвещения, ибо вооружено опытом и аргументами самого искушённого нигилизма» [13].

Надежды на «консервативное оздоровление» Запада как типа цивилизации (в том числе путём возврата к «здоровому прошлому» Просвещения и модерна) минимальны. «Маскультовый тоталитаризм агрессивных меньшинств» (В. Третьяков), диктатура толерантности и политкорректности превращают когда-то великую европейскую культуру в зону нравственного вырождения. «Орфические энергии» духовно иссушают культуру, которая «утрачивает способность различать верх и низ, правду и кривду, серьёзное и смешное, мужское и женское, полёт и падение, жизнь и смерть, Бога и сатану» [7, с. 481]. Увлечённый конструкцией прогрессирующего «грешного рая», Запад и не заметил, что продуктом его усилий стал «нравственный ад». Покинув сферу духа, европейский человек в итоге сам оказался покинутым – причём самым главным, без чего человек превращается в животное: покинутым чувством долга и стыда, способностью отличать добро от зла. Чтобы «вырваться из смертельного пике саморазрушения», Европе необходим решительный выход из стихии постмодерна, с его принципами «безумно-самоубийственной толерантности», политкорректности и мультикультурализма, поворот от паразитарной виртуально-теневой «параэкономии» и рыночного тоталитаризма с его «естественным отбором», от изуродованного диктатом рынка института демократии, ей необходим отказ от утративших всякий смысл «классических фетишей» европейского гуманизма. Но энергия и ресурсы такого обновления уже иссякли. В схватке «сил усложнения» с силами упрощения «Запад, каким мы его привыкли видеть и понимать, скорее всего, “битвы титанов” не переживёт, и эстафета усложнения перейдёт к другим народам и культурам. Прежде всего, дальневосточным» [15, с. 7, 17]. Не случайно сегодняшняя агония нелиберальной концепции мироустройства квалифицируется гуманитариями как «очевидный конец» европейской истории» [10].

«Евразийская альтернатива» будущего

«В переводе динамики мировых разломов и столкновений в континуум коэволюционного развития народов и государств» [9, с. 510] ключевую роль призвана сыграть Россия – как важное звено современного миропорядка, во многом определяющее «вектор глобального развития и безопасности» [9, с. 510]. У России есть интеллектуальные и духовные ресурсы проектирования многополярного и мультикультурного будущего, спасающего мир от экспансии энергий «снисхождения», которые расширяют пространство регресса и зону энтропии в ключевых институтах государства, культуры и общества. Но реалистичность такого сценария зависит от способности власти и духовной элиты вывести страну из деградирующей «матрицы истории», задаваемой «Большим Западом», ключевыми элементами которой являются беспощадная конкуренция и диктатура рынка, неолиберальная свобода «от», господство транснационального капитала [10]. Веру в «исход» Отечества из «неолиберального хаоса» даёт нам формула национальной идеи Вл. Соловьёва (1888): «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [16]. Отказ от своей исторической миссии неизбежно ведёт к унифицированному однообразию, превращая культуру и народ «в этнографический материал» для иных цивилизаций (Н. Я. Данилевский).

«Проект восхождения» (убедительный, по крайней мере, для огромного географического и культурного пространства «Большой Евразии») предполагает системное продвижение «евразийской идеи» как реальной альтернативы неолиберальной версии мироустройства. «Нам, в очередной раз подвергшимся демонизму национального самоотказа и раскола, предстоит в ближайшем будущем решать для себя “лермонтовскую” проблему выбора между православным и евразийским способами обретения нового примиряющего синтеза. Во внешнем, геополитическом смысле, это означает: либо идти путём православной “второй Европы”, найдя в ней своё место и предотвратив попытку её окончательного растворения в атлантической системе – либо вернуться в Большую Евразию, реинтерпретируя свою культурную традицию так, чтобы она раскрылась навстречу индо-буддийскому и конфуцианско-буддийскому мирам» [13]. Обретая статус геополитической оси Евразии, Россия становится «не только естественным центром для формирования Евразийского союза, но и мощным стабилизирующим фактором становления и развития глобального мира» [9, с. 510]. Для этого Россия обладает уникальными геополитическими свойствами, которые диктует её трансконтинентальное пространство: «срединное положение» на евразийском континенте, обеспечивающее статус интегрирующего «хартленда», роль «посредницы между двумя мирами» (В. О. Ключевский). «В становлении евразийской идентичности России одновременно участвовали объективные

условия – огромное пространство с уникальной природой и ландшафтом, а также субъективный фактор – славянский и тюркский этнокультурный субстрат. Вот почему Россия по своей идентичности больше, чем государство-нация, это особый тип цивилизации, воплощённый в геополитическом образовании – Евразия» [9, с. 510]. Огромные русские пространства «с позитивно-научной точки зрения представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [2, с. 64]. Своей историей Россия воплотила тип цивилизации, богатство которого зависит не от масштабов эксплуатации «отсталых» регионов мира, а от этнокультурного разнообразия и уровня самостоятельности входящих в его состав народов (Н. Я. Данилевский). Сформировавшийся на принципах соборности и терпимости, русский суперэтнос стал цементирующим духовным субстратом евразийского пространства. В перспективе на платформе евразийской парадигмы может возникнуть уникальный «межконфессиональный консенсус великих мировых религий – на основе актуализации содержащегося в них “классового” содержания, обращённого к отверженным, угнетённым и гонимым» [14].

Подводя итоги, обозначим три ключевых тезиса, вокруг которых разворачивается смысловая аргументация статьи. Во-первых, глубинные метафизические и экзистенциальные причины и факторы системного кризиса западной цивилизации минимизируют её шансы на оздоровление, причём не только в логике сценариев откровенно деструктивного постмодерна, но и классического модерна, системно исчерпавшего конструктивные ресурсы мятежного «фаустовского духа» в результате многовековой «прометеевской экспансии». Во-вторых, альтернативой неолиберальной концепции мироустройства, откровенно исповедующей антигуманные идеологемы и практики социал-дарвинизма и расизма, попирающей социальную справедливость и откровенно игнорирующей моральную ответственность, является «евразийский проект», принципиально отвергающий рыночно-либеральный тоталитаризм и власть оторванного от системы производства фиктивного капитала. Мировоззренческие контуры евразийского будущего – культурная многополярность мира, отказ от логики конфронтации и утверждение принципов диалога и сотрудничества, признание этнокультурного и цивилизационного многообразия как великой ценности и важнейшего условия «коэволюционного развития народов и государств» (В. Н. Купин) [9]. Этнокультурное многообразие в евразийской концепции становится фактором минимизации в мире хаоса и ведущей к гибели энтропии, выступает инструментом борьбы «с мировым

уравниванием», важнейшим условием жизни, повышающим разность потенциалов как противоположность равенству – смерти (П. А. Флоренский). В-третьих, консолидирующим центром «евразийского континента» может и обязана стать Россия как духовно состоявшаяся цивилизация, обеспечившая на предыдущих этапах своей истории синтез европейских и азиатских начал на основе примата закона кооперации – над законом конкуренции, доминанту солидарности и справедливости – над «экономическим тоталитаризмом» и либеральной свободой, вырывающей человека из духовного Универсума и обрекающей его на экзистенциальную пустоту, торжество альтруизма и любви – над индивидуализмом и эгоизмом.

Список литературы

1. *Алтуфьев Д.* Зеркало Иблиса // Альманах «Острог». – 2017. – № 14. – С. 57–64.
2. *Бердяев Н. А.* Судьба России. – Москва : Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
3. *Бринтон К.* Истоки современного мира = The shaping of modern thought : история западной мысли / перевод с английского Виктор Франк. – Roma : Aurora, 1971. – VIII, 467, [3] с.
4. *Зинченко А.* Анатомия «загнивания» // Альманах «Острог». – 2017. – № 14. – С. 94–96.
5. *Зиновьев А. А.* Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба [Электронный ресурс] // Проблемы национальной идеологии : стенограмма Восьмого заседания Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 года : [веб-сайт]. – URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>
6. *Зубаков В. А.* Эндозоологическое отравление и эволюция : стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10»). – Санкт-Петербург : Фонд развития РФ, 2002. – 86 с.
7. *Казин А. Л.* Евразия в свете православия // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отдел научного сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва, 2020. – С. 481–486.
8. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий : вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–22.
9. *Купин В. Н.* Евразийская идентичность России как цивилизационно-геополитический феномен и фактор глобальной безопасности // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отдел научного сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва, 2020. – С. 505–510.
10. *Кургинян С.* О будущем коммунизма [Электронный ресурс] // Завтра.ру [веб-сайт]. – 7 ноября 2018 года. – URL: https://zavtra.ru/blogs/o_budushem_kommunizma
11. *Мацейна А.* Великий инквизитор [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/book/matseyna_antanas/velikiy_inkvizitor.html

12. Ницше Ф. Весёлая наука. – Москва : Литагент «Фолио», 2013. – 560 с.
13. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / Российская академия наук, Институт философии. – Москва : ИФ РАН, 2005. – 188 с.
14. Панарин А. С. Православная цивилизация / сост., предисл. В. Н. Расторгуев ; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
15. Пелипенко А. Русская матрица : последний путь // Альманах «Острог». – 2017. – № 14. – С. 5–18.
16. Соловьёв Вл. Русская идея [Электронный ресурс]. – URL: <https://rodon.org/svs/ri.htm>
17. Тойнби А. Дж. Постижение истории : сборник : перевод с английского / сост. А. П. Огурцов ; вступ. ст. В. И. Уколовой ; заключ. ст. Е. Б. Рашковского. – Москва : Прогресс, 1991. – 736 с.
18. Хренов Н. А. Трансформация цивилизационной идентичности России в ситуации евразийского поворота // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отдел научного сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва, 2020. – С. 582–597.

ДВА ИДЕАЛА «ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО»: ПОИСКИ XX ВЕКА

УДК 008

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-18-28>

Елена Всеволодовна ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА,

доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Михаил Борисович ИНГЕРЛЕЙБ,

старший преподаватель кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного Федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: ingerleyb@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена разным версиям представлений об идеальном человеке как «человеке будущего». Авторы полагают, что в обществе не существует единого общезначимого антропо-культурного идеала, а присутствуют, как минимум, два основных взгляда: идеальный человек как человек элиты в противоположность недостойным массам и гуманистический образ «лучшего человека» как представителя идеи человеколюбия и равенства. Авторы обращаются к идеям Фридриха Ницше, либерально-экономическим взглядам, художественной литературе, показывая тип «образцового человека» социал-дарвинизма, ориентированного на эгоизм и эксплуатацию. Как показывают авторы, «элитно-ориентированными» могут быть и концепции, полагающие себя высоко духовными. В противоположность антигуманным воззрениям в статье рассматриваются взгляды раннего Карла Маркса, формулирующего для всего человечества идеал личности, освобождённой от всех видов отчуждения, кратко описываются гуманистические модели «нового человека», принадлежащие таким выдающимся авторам-гуманистам XX века, как персоналист Эммануэль Мунье и фрейдомарксист Эрих Фромм. В статье подчёркивается, что, с одной стороны, гуманистический образ «эталонного человека» всегда связан с представлением об обществе будущего как лучшем мире, а с другой – что гуманистические идеи, в том числе светские, так или иначе восходят к христианству. В завершение статьи авторы делают выводы о необходимости культивирования гуманистического идеала человека, отвергающего эгоизм и эксплуатацию других и предлагающего путь благожелательной коммуникации.

Ключевые слова: человек будущего, идеал человека, антропо-культурный идеал, эгоизм, социал-дарвинизм, гуманизм, элита и массы, демократия, Другой, коллективизм.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00581 «Социокультурные стратегии формирования позитивных образов будущего».

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В., Ингерлейб М. Б. Два идеала «человека будущего»: поиски XX века // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 18–28. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-18-28>

TWO IDEALS OF THE “MAN OF THE FUTURE”: THE SEARCH FOR THE TWENTIETH CENTURY

Elena V. Zolotukhina-Abolina, DPhil, Professor at the Department of History of Foreign and Russian Philosophy, the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, the Southern Federal University, Rostov on Don, Russia, *e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru*

Mikhail B. Ingerleyb, Senior Lecturer at the Academy of Psychology and Educational Sciences, the Southern Federal University, Rostov on Don, Russia, *e-mail: ingerleyb@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to different versions of the idea of the ideal person as the “Future Man”. The authors believe that there is no single general anthropo-cultural ideal in society, but there are at least two basic views: the ideal person as a person of the elite as opposed to the unworthy masses, and the humanistic image of the “best man” as a representative of the idea of humanity and equality. The authors believe that there is no single general anthropo-cultural ideal in society, but there are at least two basic views: the ideal person as a person of the elite as opposed to the unworthy masses, and the humanistic image of the “best man” as a representative of the idea of humanity and equality. The authors turn to the ideas of Nietzsche, liberal-economic views, fiction, showing the type of “exemplary person” of social-Darwinism, focused on selfishness and exploitation. As the authors show, “elite-oriented” can be concepts that assume themselves highly spiritual. In contrast to the inhumane views, the article examines the views of the early Karl Marx, who formulates for all mankind the ideal of a person freed from all kinds of alienation, briefly describes the humanistic models of the “new man” belonging to such outstanding humanist authors of the twentieth century as the personalist Mounier and Freudomarxist Fromm. The article emphasizes that, on the one hand, the humanistic image of the “standard man” is always connected with the idea of the society of the future as a better world, and on the other – that humanistic ideas, including secular ones, somehow date back to Christianity. At the end of the article, the authors draw conclusions about the need to cultivate the humanistic ideal of a person who rejects selfishness and exploitation of others and offers a path of benevolent communication.

Keywords: Future Man, the ideal of man, the anthropo-cultural ideal, selfishness, social-darwinism, humanism, elite and masses, democracy, the Other One, collectivism.

Acknowledgements: The publication was supported of Russian Foundation for Basic Research No. 20-011-00581 “Sociocultural strategies for the formation of positive images of the future”.

For citation: Zolotukhina-Abolina E. V., Ingerleyb M. B. Two ideals of the “man of the future”: the search for the twentieth century. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 18–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-18-28>

Постановка вопроса

Целью нашей статьи является краткий обзор ведущих, на наш взгляд, представлений XX века о чертах «идеального человека», время которого ещё не пришло, но к реализации образа которого надо стремиться. Идеал «прекрасного человека будущего», час которого ещё не пробил, тесно связан с представлением о гармоничном обществе, которое тоже располагается в перспективе грядущего и лишь готовится нынешним этапом развития человечества.

Сразу стоит отметить, что идеал человека, так же как и идеал общества, никогда не является единым и однозначным, и далеко не всякий «образ будущего человека» – это образ поистине гуманистический, прекраснородушный и романтический. Авторы, выражающие глубинные интересы разных социокультурных классов и страт, обладающие разными моральными убеждениями, создают существенно различные представления о том, каков же он – «будущий герой», и как много этих «героев» должно обретаться в человечестве. Думается, собственно *гуманистический* подход, вырастающий как из христианских идей, так и из пафоса Просвещения, связан всё-таки с прорисовкой желаемых черт, которые могут и должны стать присущи абсолютному большинству обитателей нашей планеты. Это подход, который вполне можно связать с кантовским категорическим императивом, вмещающим неизбирательное доброжелательство. В противоположность ему сугубо *элитаристский* подход тесно связан с убеждениями, которые восходят к идеям Г. Спенсера и нередко именуются социал-дарвинизмом. Согласно такому подходу, члены разных групп будущего социума должны иметь и будут иметь не только разные свойства, но также разные возможности и разное качество жизни. Они всегда будут радикально не равны в своих достоинствах, так как лидирует всегда сильнейший, и именно сильнейший является «идеальным новым человеком», заслуживающим и господствующего статуса, и всех благ жизни. Взглянем же коротко сначала на идеи элитаристов, чтобы потом перейти к выяснению собственно гуманистической позиции.

«Будущий человек» социал-дарвинизма

Говоря о социал-дарвинизме или тяготении к воспеванию элитарности и черт элитариев, мы имеем в виду не только политологические или социологические, но прежде всего *философские взгляды*. Дело в том, что, в отличие от философии, дисциплины, претендующие на эмпиричность и объективность, обращены к рассмотрению «внутренней логики» возникновения элит, к механизмам их смены (В. Парето, Г. Моска и другие), к теме «способности к управлению», но не озабочены человеческими качествами «образцовых людей», которым противопоставляется всё остальное общество. Философы и писатели в этом отношении гораздо более красноречивы.

Одной из ключевых философских фигур, задавших образ образцового человека как «сверхчеловека», был, конечно, Фридрих Ницше, оказавший огромное влияние на XX век. Как бы мы ни ценили тонкость и глубину его мысли относительно пересмотра старой онтологии и гносеологии, в вопросах «образа идеального человека» он далёк от гуманизма, и кантовское благоволение ко всем без разбора ему глубоко чуждо. «Эксплуатация, – пишет Ницше, – не является принадлежностью испор-

ченного или несовершенного и примитивного общества: она находится в связи с *сущностью* всего живого, как основная органическая функция, она есть следствие действительной воли к власти, которая именно и есть воля к жизни. – Положим, что как теория это новость, – как реальность это *изначальный факт* всяческой истории; будем же настолько честны по отношению к себе!» [6]. Люди для Ницше делятся на господ и рабов, на полных сил «знатных» персон, чья мощь избыточна, и «подлый» плебс, который, конечно, и в будущем никуда не денется (именно для них, ничтожных и слабых вырожденцев, Ницше и согласен оставить христианство), но который не имеет перспективы развития. Будущее за сверхчеловеком, который «по ту сторону добра и зла» и способен выдержать наибольшее количество страданий, не обращаясь к Богу.

«Неэлитное» человечество автора тяжело раздражает, а его «человек будущего» – откровенный себялюбец, он «естественно высокомерен», гонор – нормальное состояние «знатной души». «Рискуя оскорбить слух людей невинных, – пишет Ницше, – я говорю: эгоизм есть существенное свойство знатной души; я подразумеваю под ним непоколебимую веру в то, что существу, “подобному нам”, естественно должны подчиняться и приносить себя в жертву другие существа» [6].

Понятно, что Ницше не выносит демократию, люди для него принципиально не равны и «идти в будущее» должны лишь те, у кого есть тенденция вырастать в «сверхлюдей», их черты – образцовые: это «звёзды», которые чтят себя, обладают колоссальными притязаниями, они мстительны и безжалостны.

Стоит заметить, что властное тяготение к прославлению элитарности и выдвиганию идеала «человека будущего» как «человека узкого круга» характерно нередко и для таких, в остальном вполне гуманных, авторов, как Хосе Ортега-и-Гассет [7]. Но это не удивительно, всякое однозначное различие элиты и масс, причём по смутному критерию, приводит к полаганию позитивных перспектив лишь для избранных, противоположных толпе. И хотя Ортега-и-Гассет изо всех сил стремится подчеркнуть, что его «массы» – это не классы или иные устойчивые социальные группы, а некие самодовольные «средние люди», которые встречаются в любых слоях общества, всё равно получается, что позитивной оценки заслуживают только «творцы культуры».

Вообще, тема творчества, глубоко связанного с силой, энергией и властью и одновременно противостоящего демократии как господству «стада», становится ведущей в буржуазно-либеральной мысли. И благ, и будущего заслуживают только «господа жизни»: общество действительно превращается в социальные джунгли, где все перспективы – только за наиболее сильными, богатыми, холодными к чужим чувствам – за теми, кто бескомпромиссно и последовательно пресле-

дует собственные интересы. Богатые должны богатеть, а бедные – беднеть, это – закон. В условиях свободного рынка выживает сильнейший, и это – единственное подлинное поле свободы, о чём нам говорит книга Фридриха Хайека 1944 года «Дорога к рабству» [11].

Идеал достойного «человека будущего», который презирает аутсайдеров и велит неудачнику плакать, через тринадцать лет нарисует в своей книге писательница Айн Рэнд [8]. Её герои, Дагни Таггерт, Хэнк Риарден, Франсиско д'Анкония, Джон Голт, – это бизнес-элита, люди образованные, богатые, творческие, трудолюбивые, владельцы больших капиталов, двигатели технического прогресса. Они во многом привлекательны, за исключением того, что они глубоко презирают всё, чем не являются они сами. Их бесит любое сопротивление их проектам, любые требования профсоюзов и «левые» тенденции, всякая попытка других защитить свои права наперекор интересам «богатых и знаменитых». В сущности, они согласны с ницшеанским утверждением, что другие люди – несовершенное «быдло» – обязаны приносить себя в жертву планам финансовых и интеллектуальных гигантов, за которыми – будущее, ибо без них вся производственная и социальная жизнь немедленно погибнет.

Название «социал-дарвинизм» недаром относят к подобным либерально-буржуазным представлениям об устройстве общества и об «образцовых людях» в нём, о людях, за которыми будущее. Законы и правила биологического выживания и доминирования здесь однозначно перенесены на культуру, где правит бал сильнейший. Однако представление об эталонном «человеке будущего», который определит пути человечества, в противовес людской «массе», не имеющей ни лица, ни влияния, бывают характерны и для тех учений, которые претендуют на высокую духовность. Примером подобного воззрения является традиционализм. Так, в 1990-х годах в альманахе «Милый ангел» была заявлена традиционалистская программа перестройки общества: «Третьим уровнем Реставрации Традиции является восстановление сословной иерархии. Если некоторые религиозные традиции (в частности, Христианство, Ислам и Буддизм) не говорят явно о необходимости социальной иерархии, то на практике там, где эти традиции побеждали на социальном уровне, сословная, кастовая иерархия всё равно целиком и полностью сохранялась, меняя лишь свою идеологическую специфику. В других же случаях (Индуизм, Конфуцианство, Синтоизм и т.д.) кастовая система прямым и сакрализованным образом сопряжена с самой экзотерической стороной традиции. Социальная иерархия, основанная на дифференциации внутренней природы различных типов людей, является необходимым условием подлинно сакральной цивилизации. Анти-иерархические тенденции всегда шли рука об руку с анти-духовными, анти-традиционными и анти-религиозными тенденциями» [4]. Понятно, что идеология жёстко-

иерархического сословного общества вообще не проектирует некую подготовку «людей будущего» и не строит утопически-прекрасных картин «благополучия для всех», но зато полагает, что средневековье, спроецированное на обозримый период, позволит занять все главенствующие посты посвящённым, чьи мистико-эзотерические умения недоступны и непонятны обычным людям. Это уже как бы и не «дарвинизм», ибо речь идёт о во всех смыслах до-дарвиновских временах, но ни о гуманизме, ни о гуманности здесь говорить не приходится, поскольку портреты основной массы населения такого «будущего средневековья», думается, можно увидеть на картинах Иеронима Босха и Питера Брейгеля-старшего.

Критикуя стремление ряда идеологов недавнего прошлого (да и современности) видеть «эталон человека будущего» исключительно в образе избранной элиты властей предрержащих, мы вовсе не стремимся утвердить необходимость уравниловки. Люди, конечно же, не равны ни по способностям, ни по умениям, ни по желанию трудиться и творить. Идущая от Аристотеля идея о распределительной и воздающей справедливости работает во все времена. Когда люди поступают и действуют, они должны вознаграждаться сообразно их стараниям и достижениям, но дело в том, что та же справедливость требует дать возможность каждому получить хорошие результаты и высокие достижения. И в этом смысле единственно гуманным выступает подход, при котором «эталонный образ человека», идеал, к которому надо стремиться, предлагается всему человечеству, а не заведомо избранным представителям элиты, выделенной по тем или иным основаниям. Авторами-гуманистами формируется образ более высокого уровня развития, совершенства, к которому имеет право идти каждый, хотя на пути многих людей, конечно, стоят объективные препятствия. И этот путь не должен быть путём неизбежного риска погибнуть и превратиться в ничто в социальном и психологическом смысле, это не путь битвы или смертельного бега, но такая дорога, на которой социум и культура способны поддержать любого, у кого есть добрая воля к развитию и достижению.

Обратимся к гуманным и демократическим образам «нового человека». Очевидно, что его эталонные черты не могут нести в себе ни эгоизма, ни желания иметь рабов и принимать жертвы. Это черты «идеального человека будущего», который позитивно относится ко всем и к любому, полагая, что любой «собрат по человечеству» достоин и счастья, и справедливости.

«Будущий человек» в гуманистической парадигме

Идея гуманистического образа «нового человека» была ещё в XIX веке предложена Карлом Марксом в ранних работах. Продолжая идеи Просвещения в отношении человека как разумного существа, Маркс

указывает на необходимость избавить человечество от отчуждения и эксплуатации, для того чтобы родился новый человек: универсальный, свободный, разумный, способный творить, в том числе «по меркам красоты». С точки зрения Маркса, упразднение частной собственности открывает путь к возвращению человеку его человеческой сущности, к избавлению от гнёта и нищеты, к постепенному исчезновению дикости, безграмотности и убожества. «Мы видим, – пишет молодой Маркс, – как на месте политико-экономического богатства и политико-экономической нищеты становятся богатый человек и богатая человеческая потребность. Богатый человек – это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда» [3].

Собственно, ударная революционная роль пролетариата, согласно Марксу, важна для общества потому, что революция призвана вернуть отчуждённую сущность всем людям, а не только одним пролетариям – классу, наиболее угнетённому и униженному. Классики марксизма были весьма далеки от какой-либо идеи избранности и элитарности для отдельных групп: они хотели избавить от «звериного оскала капитализма» и от принципов социал-дарвинизма человечество как таковое, потому речь и идёт о «конце предыстории» и «начале собственно человеческой истории». Сегодня можно искать промахи в рассуждениях гениальных авторов позапрошлого века, можно рассуждать об утопизме их чаяний, но в одном нельзя им отказать – в подлинно гуманистическом подходе к образу «человека будущего», под которым имеются в виду все люди грядущего коммунизма, без исключения.

Советская идеология, с её установкой «при коммунизме – от каждого по способностям, каждому – по потребностям», а при социализме «от каждого по способностям – каждому по труду», строила образ будущего человека как честной, правдивой, трудолюбивой личности, не терпящей розни между людьми. Кроме патриотизма и верности делу коммунизма, «Кодекс строителя коммунизма», определяющий черты советского человека, стремящегося в будущее, вменял гражданам такие черты, как:

- «коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;
- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат;
- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей» [2].

Совершенно очевидно, что речь не может идти о качествах и чертах «узкого круга избранных» при пренебрежении к остальным. Социали-

стические и коммунистические идеи о «новом человеке», так же как «об обществе будущего», лишены тенденции к элитаризму и утверждению эгоизма как человеческого достоинства. И хотя жизнь как всегда далека от идеала, всё же был значим и сам идеал, спроецированный на будущее, а именно – человек, уважающий право на развитие и достоинство любого другого человека, к какому бы кругу он ни принадлежал, тем более что при социализме уже предполагалось отсутствие эксплуататоров и ярых врагов, с которыми необходимо бороться. В этом смысле, как ни странно, коммунистический идеал довольно близок к кантовскому повелению неизбирательной благожелательности. Человек социализма – тот, кто движется к благородству, щедрости и душевному здоровью «нового человека коммунистического общества». Это хорошо отражено в романе Ивана Ефремова «Час Быка», в котором показана эпоха коммунизма. Учитель, дающий урок истории, размышляет: «Как понять чудовищные массовые психозы в конце ЭРМ – Эры Разобщённого Мира, приводившие к уничтожению культуры и избиванию лучших? Молодые люди ЭВР – Эры Встретившихся Рук – безмерно далеки от всего, что связано с истерически напряжённой нервозностью и страхами прошлых времён ...» [1].

Необходимо подчеркнуть, что марксистские идеи в немалой степени повлияли и на христианский персонализм Эммануэля Мунье, выдвинувшего программу нового общества и нового человека, и на социально-утопические идеи Эриха Фромма, прямо называвшего себя фрейд-марксистом. А ведь и Мунье, и Фромм – выдающиеся гуманисты XX века, и сколь ни казались бы нам прекраснодушными их взгляды, в этих взглядах – огромная нравственная энергия, способная и сегодня воодушевлять и философские поиски, и политико-идеологические движения.

Мунье излагает свои взгляды в ряде работ, но в концентрированном виде – в работе «Персонализм» [5], написанной в 1949 году. Он рисует здесь идеал человека, к которому ведёт персоналистское миропонимание, и подчёркивает, что этот образ человека укоренён в традиции – в установках христианства. Подлинный человек видится автору как личность, которая никогда не дана нам заранее, как источник творчества и самотворчества. Он должен принять в свою душу Царство Божие и воплотить его на земле, хотя это не может полностью исключить его греховности. Совершенно очевидно, что христианско-гуманистический посыл Мунье исключает какое-либо родство его идей с ницшеанскими или социал-дарвинистскими мотивами.

«Идеальный человек» Мунье посясторонен и телесен, он тесно связан с природой и должен гуманизировать её, вернуть вещам их достоинство, потерянное в грехопадении, искупить в труде и себя, и материю. Несмотря

на техническую экспансию, должна наступить «эра личностей», и поскольку свобода личности отягощается множеством зависимостей, персоналисты – это «трагические оптимисты».

Согласно Мунье, персоналисты – не индивидуалисты, для них «Мы» должно предшествовать «Я», в действительности мы владеем только тем, что отдаём другим или чему посвящаем свою жизнь. Личностное существование открывается Другому и способно отказываться от себя, способно понимать и нести ответственность за Другого. Живительная сила подлинного человека-личности состоит не в материальных притязаниях мелкобуржуазного индивидуализма, не в экзистенциалистском устремлении к смерти, а в бескорыстном великодушии. Экономика личности – экономика дарения. Верность, постоянство, щедрость, коллективизм – это то, что характеризует «идеального человека». Интересно, что Мунье скрыто полемизирует с Жаном Полем Сартром, отвергая понимание свободы как спонтанного выбора. Он также не делает из свободы фетиш, как это делают экономисты-либералы, жаждущие элитарности и статуса «господ мира», предназначая свободу только для своего круга. Нет смысла в выборе «между чумой и холерой», полагает Мунье, осуществление свободы хорошо только тогда, когда оно направляет мир к персонализации – к тому, чтобы полноценными, творческими личностями стали все – даже природные царства. И главное на этом пути то, что Мунье называет вовлечённостью, то есть обращение к активным действиям, к реальному этическому выбору, который влияет в том числе на экономику. Как видим, Мунье формирует гуманистический антропологический идеал, ориентированный на фигуру Христа и имеющий тенденцию движения к трансперсональному – так как истинная личность включает в себя всю вселенную.

В свою очередь, известный психоаналитик Фромм, не исповедовавший лично христианскую веру, а занимавший промежуточную позицию между безрелигиозностью и склонностью к мистицизму, тоже создаёт образ «лучшего человека», в котором видит именно «человека будущего», то есть формирует антропологический и культурный идеал образцовой личности. Впрочем, в своих текстах он всё равно обращается к истории христианских идей, не оставляя их в стороне. И если в 1955 году в работе «Здоровое общество» его интерес сосредоточен на теме желательного социального устройства, то через двадцать лет в произведении «Иметь или быть?» он уже обращается непосредственно к теме нового типа личности. Впрочем, это не удивительно, всё-таки Фромм – психолог и тесно связывает черты нового жизненного устройства с человеческим характером, типичными чертами индивидов.

Условиями возникновения нового человека, по Фромму, должны стать ликвидация контрастов богатства и бедности, переориентация с облада-

ния на бытийность – процесс и результат деятельности, отказ от безграничного роста экономики и «иррациональных потребностей». Новые люди Фромма – это «люди вообще», а не представители элиты, клана или привилегированной группы. Выделим и процитируем некоторые важные моменты, с помощью которых Фромм описывал внутренний мир «человека будущего»:

– «Готовность отказаться от всех форм обладания ради того, чтобы в полной мере *быть*...

– Осознание того факта, что никто и ничто вне нас самих не может придать смысл нашей жизни и что только полная независимость и отказ от вещизма могут стать условием для самой плодотворной деятельности, направленной на служение своему ближнему...

– Стремление умерить, насколько возможно, свою отличность, ослабить чувство ненависти, освободиться от иллюзий...

– Развитие способности к любви, наряду со способностью к критическому, реалистическому мышлению.

– Освобождение от нарциссизма и принятие всех трагических ограничений, которые внутренне присущи человеческому существованию» [9].

Фроммовскому «идеальному человеку» чуждо высокомерие и чванство, в других своих работах [10] он подчёркивает, что эгоизм – это неумение себя любить, это незнание себя и убогая попытка компенсировать это неумение утеснением других. Истинная же любовь к себе предполагает также любовь и уважение к другим людям. «Гуманистическая этика», которую Фромм возводит к Аристотелю и Спинозе, это этика, связанная с благожелательной коммуникацией, где никто не является парией и изгоем, но каждому при его личных усилиях доступны и свободное действие, и внятный, здравый взгляд на мир.

Краткие выводы

Любой процесс воспитания и образования прямо или косвенно связан с созданием образа «идеального человека», одобряемого гештальта, на который равняются подрастающие поколения. Практически каждый подросток время от времени думает: «Я хочу быть таким, как...» А образцы, представленные в кино и книгах, в компьютерных играх и на просторах Интернета, так или иначе ориентированы на одну из моделей – либо на «господина из элиты», презирающего «безгласную массу» и «безмозглую толпу», либо на великодушного и щедрого гуманиста, способного даже в слабых или злых людях найти человеческое. Первый образ, ориентированный на животный эволюционный принцип «победа за сильным и агрессивным», направлен на конфронтацию и конфликт, второй, реализовать который субъективно сложнее, на понимание, сопереживание, помощь и веру в людей. Думается, очень важно при всех труд-

ностях текущей социальной истории предлагать молодёжи достойную гуманистическую модель «человека будущего» и установку на то, что лучшие черты человеческой природы способны в полной мере воплотиться в реальных персонах – не сегодня, так завтра.

Список литературы

1. *Ефремов И. А.* Час Быка. – Москва : АСТ, 2018. – 950 с.
2. *Калтахчян С. Т., Петров Ю. П., Калтахчян В. Т.* Хрестоматия по марксистско-ленинской философии. – Москва : [Госполитиздат], 1961–1962. – Том 3. – 1962. – 800 с.
3. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений / Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – Москва : Госполитиздат, 1956.
4. Милый ангел № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://arcto.ru/article/325>
5. *Мунье Э.* Персонализм // Манифест персонализма / [перевод с французского И. С. Вдовиной и В. М. Володина]. – Москва : Республика, 1999. – С. 459–552.
6. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Сочинения : в 2 томах. – Москва : Мысль, 1990. – Том 2. – 829 с.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры : [сборник : перевод] / [вступ. ст. Г. М. Фридлендера, с. 7–48]. – Москва : Искусство, 1991. – С. 309–349.
8. *Рэнд А.* Атлант расправил плечи. Москва : Альпина паблишер, 2021. – 1408 с.
9. *Фромм Э.* Иметь или быть? // Величие и ограниченность теории Фрейда / [перевод с английского А. В. Александровой]. – Москва : АСТ [и др.], 2011. – С. 185–443.
10. *Фромм Э.* Человек для самого себя // Психоанализ и этика : [сборник : перевод] / [вступ. ст. П. С. Гуревича]. – Москва : Республика, 1993. – С. 19–191.
11. *Хайек Ф. А. фон* Дорога к рабству : перевод с английского. – Москва : Новое издательство, 2005. – 264 с.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В АКТУАЛЬНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-29-35>

Лариса Николаевна ВОЕВОДИНА,

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия, e-mail: lvovodina5@mail.ru

Анна Махарбековна ХУБАЕВА,

магистрант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия

Аннотация: В статье анализируется влияние визуальной культуры на формирование индивидуальной и коллективной идентичности. Современная культура в значительной степени состоит из визуальных образов и знаков, которые сопровождают человека с рождения, вписываются в хаотичную социальную реальность, репрезентируют нормативные и ценностные модели, создают социальную мифологию в обществе со сложно дифференцированной структурой и сбоем ценностных иерархий. Идентичность индивида рождается и подтверждается в процессе интеракции индивида с обществом, с референтными группами как поставщиками репертуара наличных идентификаций. Визуальная информация легка для восприятия реципиента, она конструирует информационную среду, что свидетельствует о рецептивных преимуществах визуальных символов. Несмотря на то, что с визуальной культурой связано множество опасений, возможно, визуальная культура – это и есть то поле, которое позволяет рассказать о своём уникальном опыте, обозначить свою идентичность.

Ключевые слова: социальная идентичность, культурная идентичность, визуальный образ, цифровая культура, визуальная культура, массовое сознание, социальная мифология, культурные стереотипы, социальные и культурные коммуникации.

Для цитирования: Воеводина Л. Н., Хубаева А. М. Конструирование идентичности в актуальной визуальной культуре // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 29–35. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-29-35>

THE CONSTRUCTION OF IDENTITY IN THE MODERN VISUAL CULTURE

Larisa N. Voevodina, DPhil, Professor at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: lvovodina5@mail.ru

Anna M. Khubaeva, Undergraduate at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the influence of visual culture on the formation of individual and collective identity. Modern culture largely consists of visual images and signs that accompany a person from birth, fit into a chaotic social reality, represent normative and value models, create social mythology in a society with a complexly differentiated structure and a failure of value hierarchies. The individual's identity is born and confirmed in the process of the individual's interaction with society, with reference groups as suppliers of the repertoire of available identifications. Visual information is easy for the recipient to perceive, it constructs an information environment, which indicates the receptive advantages of visual symbols. Despite the fact that there are many fears associated with visual culture, perhaps visual culture is the field that allows you to tell about your unique experience, to define your identity.

Keywords: social identity, cultural identity, visual image, digital culture, visual culture, mass consciousness, social mythology, cultural stereotypes, social and cultural communications.

For citation: Voevodina L. N., Khubaeva A. M. The construction of identity in the modern visual culture. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 29–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-29-35>

Современная культура в значительной степени состоит из визуальных образов и знаков, которые сопровождают каждого человека с самого рождения, вписываются в хаотичную социальную реальность, репрезентируют нормативные и ценностные модели, создают социальную мифологию в обществе со сложно дифференцированной структурой и сбоем ценностных иерархий. Именно по этой причине изучение воздействия визуальной культуры на формирование идентичности современного человека представляется крайне актуальным. Чтобы решить данную задачу, необходимо рассмотреть генезис и семантику концепции идентичности в научном дискурсе, а также определить роль визуальной культуры в современном культурном пространстве.

За последние десятилетия в гуманитарных и социальных науках особое значение приобрела проблема идентичности, связанная с осознанием личности самой себя, своего положения в структуре групповой идентификации. Концепт «идентичность» пришёл на смену более традиционным понятиям, в частности, таким как «самосознание», «самоопределение». На протяжении всей жизни человек сталкивается с необходимостью самоопределения и социального выбора, связанных с поиском своего места в мире и формированием представления о своём «Я».

В контексте социокультурных изменений современного общества всё сложнее говорить об идентичности как устойчивой форме представления. Американский психолог Э. Эриксон был одним из тех, кто включил термин «идентичность» в научный дискурс в 60-е годы XX века [8]. В научных исследованиях концепта идентичности, начиная с работ Эриксона, идентичность трактуется в виде динамического процесса организации жизненного опыта, который формирует индивидуальное «Я».

Эриксон по-своему интерпретирует взаимную регуляцию общества и личности, он отходит от разделения на объективную и субъективную реальность, считая, что для понимания идентичности нужно учитывать все возможные интеракции индивида, все референтные системы: родственные связи, исторический, социальный контекст.

На процесс идентификации влияет множество факторов, но в первую очередь – культура, которая окружает индивида и сопровождает его всю жизнь. Подходы к определению культуры с каждым годом только множатся, однако в контексте данной статьи мы будем опираться на понимание культуры как совокупности практик, институтов и систем классификации, посредством которых внедряются определённые ценности, убеждения, компетенции и формы поведения [10]. Важность культуры для формирования идентичности личности прослеживается на протяжении всей истории человечества.

В процессе формирования личности и поиска места в мире индивид сталкивается с проблемой самоопределения, утратой самоидентификации, переживает кризисы идентичности. Идентичность, самоощущенность индивида рождается и подтверждается в процессе интеракции индивида с обществом, с референтными группами как поставщиками репертуара наличных идентификаций. Идентичность – это осознание своей принадлежности, тождества с типовыми социальными и культурными категориями. Существует также некая диалектическая взаимосвязь между групповой и личностной идентичностью. «Я-идентичность» является совокупностью личностной и групповой идентичностей [7]. Именно в сходстве, различии и эмпатии проявляются этапы конструирования идентичности [11, с. 15].

Учитывая, что индивид соотносит себя с различными социальными, культурными группами, важной задачей для него является осознание собственной уникальности, неповторимости и сохранение себя как личности, сепарация от групповой идентичности и принятие личной ответственности за собственное существование и личностный выбор.

В современном динамичном мире не только положение индивида в обществе, но и позиции, к которым он стремится, быстро трансформируются и не могут служить основой для какого-то устойчивого представления. Британский социолог З. Бауман отмечал, что идентичность – это не частный вопрос конкретного индивида о собственном «Я», так как на её формирование влияет множество внешних социальных и культурных факторов.

В этом контексте важным является также и то, что ограниченное число составных частей даёт практически неограниченное количество сочетаний. Поэтому и сама идентичность превращается в бесконечный процесс идентификации в условиях глобализирующегося мира [1].

Современная социокультурная среда может быть проинтерпретирована с помощью ризоматической концепции, которая была впервые введена в гуманитарный научный дискурс французскими философами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. В ризоме нет статичных, закреплённых позиций, какие бывают в структуре; она представляет всё существующее как негарантированное, ненадёжное, подвижное и мимолётное. В этой ситуации нет постоянной идентичности, индивид всегда децентрирован, будучи выведенным из состояний, через которые он проходит [3].

Социолог культуры С. Холла утверждает, что идентичности являются не самогенерирующими или внутренними по отношению к самим себе, а культурными «от самого начала до самого конца», поскольку они формируются в процессе аккультурации. Внутреннее ядро субъекта не является автономным, а формируется по отношению к «значимым другим» – они опосредуют для субъекта ценности, значения и символы, то есть культуру [12].

Таким образом, идентичность – это обусловленные культурным контекстом привязки к предметным позициям дискурсивных практик. Кроме того, точки различий, вокруг которых могут образовываться культурные и социальные идентичности, многочисленны и разрастаются. Определение класса, гендера, этнической принадлежности, национальности, политической позиции перестаёт быть закреплённым во времени.

На волне цифровой революции, появления новых беспрецедентных возможностей, связанных с повсеместным распространением информационно-коммуникативных технологий, Интернета, мобильных телефонов и т.п. происходят значительные изменения в скорости, масштабах и способах социальных коммуникаций. Они переносятся в цифровую среду, приобретают глобальный характер, изменяют повседневную жизнь людей, систему образования, социально-экономическую и культурную сферы, а также сознание современного человека, его мировоззрение и мировосприятие, коллективную и индивидуальную идентичность: «Мода, компьютерная игра, социальная сеть, электронное правительство – эти и многие другие формы организуют вполне содержательную среду обитания и восприятия современных людей. Их влияние на восприятие отдельного человека определяется тем, что они, материализуясь во вполне реальные объекты, активизируют компоненты воображаемых коллективных идентичностей и формируют готовность к действию согласно принятому групповому социальному коду» [6].

Современный человек получает доступ к технологическим средствам, благодаря чему он становится активным потребителем и создателем сотен и тысяч изображений, фотографий, селфи. Особенно этот процесс связан с повсеместным распространением мобильных телефонов. Неминуемо сокращается под натиском визуальной культуры сфера при-

ватного, личного, она выставляется напоказ, демонстрируется и теряет свою интимность.

В этом нестабильном внешнем контексте всё сильнее возрастает значение визуальных образов. Каждую секунду миллионы людей делают фотографии, загружают видео в Интернет, смотрят контент блогеров, «скроллят» новостную ленту. Визуальные образы заполняют собой коммуникативное поле и формируют нашу жизнь, и это, конечно, сильно влияет на процессы идентификации. Важным тут является такое явление, как «иконографический поворот», обозначенное американским теоретиком культуры Дж. Т. Митчелом, который в книге «Иконология. Образ. Текст. Идеология» описал характерную черту современной культуры: образность стала намного важнее текстуальности [5]. За последние десятилетия закономерно сменился и фокус социальных исследований. Как отмечала британский философ Дж. Роуз, именно культура стала призмой, через которую следует изучать различные социальные процессы, в том числе и социокультурную идентичность [13].

Конечно, это вызывает ряд опасений. Н. Мирзоев обозначает такое следствие окуляроцентричной культуры как ослабление критического мышления. К. Баркер полагает, что телевизионные новости производят понимание мира, которое постоянно объясняет его в терминах наций, воспринимаемых как «естественные» дефиниции. Это может привести к тому, что будут скрыты как классовые разделения общественных образований, так и искусственный характер национальности. А представления гендера в рекламах, которые изображают женщин как домохозяйек или объектов для любования, сводят их к этим категориям [9].

Благодаря тому, что визуальная информация так легка для восприятия реципиента, она действительно может конструировать мифологические модели, в том числе и деструктивные, что свидетельствует о рецептивных преимуществах визуальных символов: визуальная информация кажется нам объективной и верной лишь на основании своей наглядности [9].

Визуальная информация в современном мире становится преобладающей, она окружает нас повсюду. В этом контексте стоит упомянуть знаменитое эссе В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», где он обращает внимание на масштабы распространения визуальных текстов культуры [2]. Его тезисы только набирают актуальность, так как мы находимся в ситуации, когда человек с рождения окружён устройствами вывода визуальной информации.

В структуралистских исследованиях мы встречаем эпистемологическое предположение, что репрезентация является прямым выражением социальной реальности. Однако более поздние исследования, основанные на постструктурализме, рассматривают все репрезентации как культурные конструкции, а не как отражение реального мира. Следовательно, в цен-

тре внимания находится то, что репрезентации означают в контексте социальной власти и какие у них последствия в контексте гендерных и иных отношений.

Через властные отношения стереотип обозначает границы между «нормальным» и «ненормальным». Например, в контексте современной рекламы конструируются визуальные образы женщины, связанные с традиционалистским стереотипным восприятием роли женщины как матери, домохозяйки, возлюбленной и т.д. [9, р. 102]. Вопрос здесь не в том, являются ли образы, навязанные визуальной культурой «истинными или ложными», а в том, какие культурные стереотипы она формирует и каковы последствия такого воздействия на массовое сознание.

Возможно, проблемы и страхи, связанные с визуальной культурой, не являются её сущностными недостатками. Напротив, визуальная культура – это поле, на котором с социальными проблемами возможна работа и где «визуальный активизм» (Н. Мирзоев) способствует решению многих острых социальных, политических и культурных проблем. Не случайно основной площадкой для активности в Интернете стала социальная сеть Instagram, основной функционал которой – обмен визуальной информацией, в которой затрагиваются проблемы этнической, культурной, гендерной и других идентичностей.

Также нельзя не упомянуть одну из важных на данный момент область визуальных технологий, которая определила новый жанр, – иммерсивную журналистику. Она является очень перспективной не только из-за своих невероятных технологических возможностей, но и благодаря воздействию на дискурсивные позиции, из которых складываются социальные и культурные идентичности. Например, известная журналистка Нонни де ла Пенья работает в своих проектах с темами насилия на почве нетерпимости. Она использует реальные случаи деструктивных практик для конструирования своих фильмов. Также важным в этом контексте является фильм, в котором поднимается тема политических беженцев из Сирии, Южного Судана и т.п. Безусловно, освещать проблемы этнических меньшинств крайне важно в условиях современной глобализирующейся культуры, иначе велика вероятность их маргинализации.

М. Фуко писал, что дискурс позволяет говорящим людям появиться. Несмотря на то, что с визуальной культурой связано множество опасений, возможно, визуальная культура – это и есть то поле, которое позволяет рассказать о своём уникальном опыте, обозначить свою идентичность и сделать мир лучше.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / перевод с английского под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.

2. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости : избранные эссе / [предисловие, составление, перевод и примечания С. А. Ромашко] ; Немецкий культурный центр имени Гёте. – Москва : Медиум, 1996. – 240 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / [перевод с французского Д. Кралечкина]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 670 с.
4. Мирзоев Н. Как смотреть на мир. – Москва : Ад Маргинем пресс, 2019. – 340 с.
5. Митчел Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология / [перевод с английского В. Дрозда]. – Москва : [б. и.] ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2017. – 237 с.
6. Немчина В. И. Доминирующие стратегии идентификации конструирования коллективностей // Гуманитарий Юга России. – 2014. № 3. – С. 121–128.
7. Хабермас Ю. В. В поисках национальной идентичности. – Донецк : Донбасс, 1999. – 123 с.
8. Эрикссон Э. Идентичность : юность и кризис : перевод с английского / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – Москва : Прогресс, 1996. – 342 с.
9. Barker Ch. *Cultural studies: theory and practice*. – London Calif. : SAGE Publications, 2000. – 484 p.
10. Bennett T. *Culture: a reformers science*. – Sydney : Allen and Unwin, 1998. – 262 p.
11. Ferguson H. *Self-identity and everyday life*. – Routledge, London and New York, 2009. – 214 p.
12. Question of cultural identity/ edited by Stuart Hall, Paul du Gay. – Los Angeles : SAGE Publications, 1996. – 208 p.
13. Rose G. *Visual methodologies: an introduction to researching with visual materials*. – Los Angeles : SAGE Publications, 2012. – 386 p.
14. *Visual culture* / edited by Chris Jenks. – London : Routledge Publications, 1995. – 269 p.

КЛУБ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

УДК 130.2:379.8

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-36-47>

Светлана Леонидовна ГЕРТНЕР,

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия, e-mail: gertnerlana@gmail.com

Юрий Валентинович КИТОВ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия, e-mail: ykitov@gmail.com

Аннотация: Основным аспектом, который в статье подвергается анализу, является многообразие возможных толкований клуба и клубной деятельности, что не способствует чёткости представления о клубе как социокультурном институте. Анализу также подвергается существующее сегодня заблуждение, связанное с тем, что в условиях социализма развитие клубов было наиболее благоприятным, а классики марксизма разработали категорию свободного времени и организованных форм объединения рабочих настолько досконально, что нынешние теоретики культуры и практики осуществления культурной деятельности в сфере свободного времени добавить в понимание клубной деятельности ничего не в состоянии. А значит, и призыв «назад в СССР» оказывается лучшим вариантом достижения идеальной организованной формы досуга, к которой относятся клубы. В статье на материале анализа первоисточников, в которых рассматривается необходимое и свободное время марксистами, доказывается, что не всё из них оказывается применимым для характеристики общества, сложившегося в современной России.

Ключевые слова: клуб, необходимое и свободное время, свободное время и капитализм.

Для цитирования: Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Клуб как объект культурологического анализа // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 36–47. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-36-47>

CLUB AS AN OBJECT OF CULTUROLOGICAL ANALYSIS

Svetlana L. Gertner, DPhil, Professor at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russia, e-mail: gertnerlana@gmail.com

Yuri V. Kitov, DPhil, Full Professor, Head of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russia, e-mail: ykitov@gmail.com

Abstract: The main aspect that is analyzed in the article is the variety of possible interpretations of a club and club activities, which does not contribute to the clarity of

the idea of the club as a sociocultural institution. The analysis also exposes current misconception associated with the fact that socialism offered to clubs most favorable environment for the development, and the classics of Marxism developed the category of free time and organized forms of workers' unification so thoroughly that the current theorists of culture and those who are carrying out cultural activities in the sphere of free time, can add nothing to the understanding of clubs. Therefore, it seems that the call "back to the USSR" turns out to be the best option for achieving an ideal organized form of leisure, which includes clubs. In the article, based on the analysis of primary sources, in which categories of the necessary and free time are analyzed was proved that not all the Marxists' ideas are applicable to characterization of clubs' activities in the modern Russia.

Keywords: club, necessary and free time, leisure time and capitalism

For citation: Gertner S. L., Kitov Yu. V. Club as an object of culturological analysis. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts.* 2021, no. 1 (40), pp. 36–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-36-47>

Современный россиянин, не являющийся представителем профессионального сообщества учёных – специалистов в области социально-культурной деятельности, обращаясь к понятию «клуб», сталкивается с таким разнообразием его определений, которое не позволяет не только определить его общие культурные основания, но и порой найти таковые в принципе. Так, известный сайт, предоставляющий словарные определения клуба, предлагает его толкование от общественной организации, объединяющей «группы людей в целях общения, связанного с политическими, научными, художественными, спортивными и другими интересами» [7], до объединения инвесторов, «не располагающих крупными финансовыми средствами, для проведения совместных проектов по инвестированию» [1]. При этом ни в психологическом, ни в историческом, ни в словаре по искусству, ни философском, ни в религиозном словаре определение клуба вообще не представлено. Там же, где понятие клуба всё-таки находит отражение, то в качестве ассоциирующихся с ним слов только 32-е из предлагаемого списка, «клуб по интересам», имеет культурологическую нагруженность, в то время как последовательность предшествующих ассоциаций оказывается не только далёкой от культурных функций клуба, но даже шокирующей: «танцы, музыка, дискотека, алкоголь, люди, ночь, девушки, диджей, бар, веселье, вечеринка, знакомства, тусовка, коктейль, парни, молодёжь, наркотики, ночной клуб, ночной, танцпол, танцевать, интерес, выпивка, клубок, секс, стриптиз, отдых, друзья, свет, клубный, бармен, клуб по интересам ...» [11]. Так как ассоциативная терминология дана не в алфавитном порядке, то следует предположить, что она отобрана по принципу наиболее часто встречающихся в обыденной жизни словосочетаний, поскольку ниже даны предложения со словом «клуб». Получив, таким образом, словарное представление о клубе,

современный россиянин вряд ли предположит, что довольно длительное время в СССР существовала даже учебная дисциплина «Клубоведение», знание которой требовалось не только специалистам со средним, но и высшим образованием для того, чтобы получить работу в клубе. Поэтому только в специализированном вузе – вузе культуры – или на специализированном сайте можно сегодня найти определение клуба, которое имеет значение, способное быть использованным в культурологии: «КЛУБ – государственный и (или) общественный социальный институт, организующий просветительную работу, культурный отдых и творчество личности и социума в сфере свободного времени на основе самостоятельности, добровольности, инициативы с целью формирования их общественно ценных качеств» [6].

Другой проблемой, препятствующей применению культурологического критерия к изучению клуба, является приоритет количественного показателя над качественным. Количественный показатель, на существенные слабости которого указывали специалисты культурно-досуговой сферы в прошлом, сегодня утвердился в качестве основного при оценке не только деятельности клубов, но даже национальных проектов. По всей видимости, сфера культуры испытывает на себе давление критериев оценки блогеров, ранжирование ценности которых строится по экономическому показателю и зависит от количества привязанных к блогу людей. Блогерские критерии оказываются настолько доминирующими в сознании современных чиновников, курирующих культурно-досуговую деятельность, что они включаются в методические рекомендации, по которым оценивается деятельность клубов. Так, считается, что клуб является не пространством развития культуры его участников, а местом предоставления услуг, качество которых определяется не развитием личности, а стандартами, регламентами и нормативными документами: «Руководитель учреждения должен обеспечивать развитие учреждения, способствовать развитию системы менеджмента качества предоставления услуг (ГОСТ Р 9004), осуществлять внутренний контроль предоставления услуг на их соответствие утверждённым (учреждением, вышестоящими органами управления, надзорными организациями) требованиям (стандартам, регламентам и другим нормативным документам), ожиданиям потребителя. Порядок (регламент) и сроки осуществления контроля, показатели оценки качества предоставления услуг и эффективности деятельности учреждения утверждаются руководителем учреждения» [5].

При этом не остаётся сомнений в том, что если речь идёт об услугах, а в их предоставлении основным считается количество людей, которые их получили, то и рассчитывать, что критерии качества услуг будут определяться культурными критериями, а не маркетингом и логистикой,

абсолютно не приходится: «Ключевым оценочным показателем качества трафика является показатель “Посещаемость сайта”, отражающий число посетителей сайта. В целях получения лучшего эффекта целесообразно анализ посещаемости выполнять за более длительный период в интервале 3–6 месяцев. Анализ позволит вскрыть узкие места в содержании трафика и выполнить доработку отдельных фрагментов (англ. snippet – отрывок, фрагмент) и сделать их привлекательными» [10, с. 2].

Сложно вместе с тем возложить ответственность только на чиновников и веб-сайты за введение в заблуждение современного россиянина в отношении сущности клуба или за количественный показатель эффективности его деятельности, освободив от ответственности культурологов. Так, обращаясь к объяснению новых феноменов культуры, возникших под влиянием современных социокультурных процессов, известный искусствовед, продюсер, куратор Московского Дома Фотографии Ольга Свиблова, раскрывая содержание понятия «пост-интернет искусство», прибегла к принятой в её сообществе формуле определения искусства через «.art». Объясняя, что в возникших сегодня условиях цифровой реальности критерием отнесения предмета к искусству является его заявительный характер со стороны творца и количественный – со стороны получателя. Свиблова, таким образом, постулирует новую реальность искусства. Иными словами, сущность искусства, по её мнению, зависит сегодня от того, считает ли искусством то, что презентует человек, его размещающий под именем «.art», и сколько человек с этим соглашается: «Так как же мы узнаем, где в Интернете искусство, как отличить шедевр в Инстаграме, – а в Инстаграме бывают шедевры, там их полно. Как отличить, что это искусство. Отличить очень просто. Если человек, который свой Инстаграм создаёт как Artist, ставит .art. Если у него есть метка .art – он говорит: “Я вам не просто снял, как я вчера на рыбалку ездил, – я вам шедевр снял – искусство фотографии ... А дальше время покажет, будут ли рейтинги, потому что вы понимаете, как только мы в онлайн, мы в рейтингах, а у рейтинга нет плюса и минуса, у рейтинга есть число. Это кардинальное изменение нашего мира ...» [9]. Если кто-то считает, что подобное никоим образом не является возможным с определением сущности клуба, то ему просто следует войти в Интернет для того, чтобы встретить следующее: «.club, часто стилизованный под .CLUB, а иногда и под dot-club, является доменом верхнего уровня. Он был предложен в новой программе общих доменов верхнего уровня ICANN и стал доступен широкой публике 7 мая 2014 года. Club Domains, LLC – это реестр доменных имён для строки» [8]. Сайт namecheap предлагает зарегистрировать за небольшую плату свой клуб с этим расширением, сообщая, что это «лучший выбор для создания сообществ». На самом сайте следует объяснить, какие сообщества можно создавать с этим доменом: «Вы можете

использовать его, например, для своего шахматного клуба, теннисного клуба или веб-сайта клуба иностранных языков. Это также подходящее расширение для общественных мест для проведения мероприятий, ночных клубов и VIP-ассоциаций» [14]. Тем самым с приходом цифровой культуры клуб выходит за пределы своей социальной институциональности в плане своего происхождения и принимает форму индивидуального предложения с последующей институционализацией через количество согласившихся считать его клубом участников.

Наряду с отмеченной выше тенденцией, для прояснения предмета исследования, предложенного в данной статье, следует обратить внимание на дискуссию в современной культурологии о сущности человека, которая направляет его к клубам как организованным формам досуга, и о досуге как таковом. Труд как необходимое время и досуг как свободное переосмысляются в своём отражении и выражении сущности человека. Безусловное понимание труда и досуга как форм временного существования человека сегодня трансформируется. Это происходит как под влиянием таких существенных процессов, как цифровизация, глобализация, создание и разрушение государственных и экономических союзов, так и вследствие существенных изменений в природе человека. Если ранее труд понимался как «целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует её в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей» [12, с. 667], то сегодня труду отказывают в такой характеристике. Его родовая человеческая сущность, постулированная К. Марксом, проблематизируется. Остановимся на данной тенденции более подробно. Маркс закреплял за трудом характеристику родовой сущности человека, поскольку, по его мнению, труд – это то, что отличает человека от всех иных форм жизни и живых существ. Маркса поддерживал другой классик марксизма – Ф. Энгельс, который посвятил труду одну из своих работ, где родовую сущность труда для человека доказывал не столько с философской позиции, сколько с использованием эволюционной методологии [13]. Исследование труда в марксизме позволило закрепить за ним функцию обеспечения целостности человека. Другими словами, то, что труд являлся родовой сущностью человека, классики марксизма взяли в качестве объяснения человеческой целостности. Отсюда следует сделать вывод о том, что человеческая целостность, понимаемая в рамках марксистской методологии, не может быть достигнута за пределами труда. Если продолжить логику понимания марксистами труда и целостности человека и довести её до логического предела, то выходит, что для человека досуг, хотя и является вещью желательной, но не необходимой для обеспечения целостности. Первым приближением к такому выводу о человеке, который вытекает из его марксистского пони-

мания, является то, что марксисты относят труд к необходимому времени, а досуг – к свободному. Тем самым свободное время, хотя и характеризует человека, является для него важным, но подчинённым необходимому времени и, следовательно, должно быть употреблено во благо своему более важному антиподу – труду. Такое положение вещей оказывается ещё более странным, если принять во внимание, что марксисты оперировали методом диалектики в анализе социальных процессов, которую по идее должны были бы применить и для характеристики целостности человека и определить в нём общее в единстве труда и досуга. Однако, как свидетельствует Маркс, труд «... вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её общественным формам» [3, с. 195]. Свободное время оказывается неравнозначным труду уже по тому основанию, что в первой отделяющей человека от других живых существ общественно-экономической формации – первобытно-общинном строе – «уровень развития производительных сил был столь низок, что весь затрачиваемый в процессе производства труд едва обеспечивал существование членов общины» [12, с. 667]. Тут не до досуга. Современные критики марксизма не уделили внимание данному вопросу, в то время как сторонники, в особенности специалисты в сфере свободного времени, приняли такое положение вещей как должное и категорию свободного времени заимствовали у Маркса уже готовой, когда она появляется в качестве отличия свободного времени при капитализме от такового при коммунизме. Вместе с тем важным для культурологического понимания свободного времени является культурологический способ его выведения, в то время как у Маркса способ выведения свободного времени оказался политэкономическим. Несмотря на возражение Э. В. Ильенкова: «Понимание всеобщего понятия, лежащего в основании всей системы категорий науки, применённое здесь Марксом, вовсе не может быть отнесено за счёт специфики предмета политической экономии. Оно отражает в себе всеобщую диалектическую закономерность развёртывания любой объективной конкретности – природной, общественно-исторической или духовной» [2, с. 168], приходится констатировать, что свободное время у Маркса не имеет духовной самостоятельности и оказывается зависимым от капитала. Констатируя, что свободное время в классовом обществе является качеством, которым обладают лишь немногие, то, что для культуролога является безусловно значимым – искусство и науку, Маркс рассматривает не как причины создания свободного времени, а капитала: «Капитал добавляет сюда то, что он всеми средствами искусства и науки увеличивает прибавочное рабочее время народных масс, так как его богатство непосредственно заключается в присвоении прибавочного рабочего времени; ведь *непосредственной целью* капитала явля-

ется *стоимость*, а не потребительная стоимость» [4, с. 217]. Дальнейшая зависимость свободного времени от капитала оказывается связанной с тем, что капитал производит его помимо своей воли: «Таким образом, капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества ко всё сокращающемуся минимуму и тем самым – для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития. Но постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой – в превращении этого свободного времени в прибавочный продукт» [4, с. 217].

Маркс подходит к проблеме свободного времени со стороны объяснения его возникновения как объективного следствия протекания исторического процесса. В случае с капитализмом оказывается, что капитал объективно, даже не желая того, производит свободное время не только для буржуазии, но и для наёмных рабочих. Свободное время первых не подлежит проблематизации, буржуа обладает им по определению. Что касается наёмного рабочего, то его свободное время возникает как необходимость восстановления сил после рабочего дня для нового включения в процесс производства. Увеличение свободного времени при капитализме у наёмного рабочего Маркс объясняет увеличением производительности труда. Чем больше свободного времени оказывается у рабочего, которое он может использовать уже не только на восстановление своих сил, но и на своё развитие, например, для получения новых знаний, тем производительнее будет его труд на капиталиста: «Свободное время – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности – разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства» [4, с. 217].

Маркс, таким образом, ставит проблему свободного времени, перед которой оказывается капиталист: уменьшение свободного времени и перевод его в необходимое ведут к созданию прибавочной стоимости на примитивном уровне; увеличение свободного времени ведёт к созданию прибавочной стоимости на прогрессивном уровне – путём задействования новых знаний. Однако и в том, и в другом случае причиной и следствием свободного времени является капитал.

Следует отметить, что Маркса интересуют и организованные формы объединения людей, однако не в сфере свободного времени и не как следствие наличия у них культурных интересов. Маркс обращается к характеристике организованных рабочих, борющихся за уменьшение рабочего времени. И хотя свободное время не является целью такой борьбы, оно присутствует в ней опосредованно, в виде побочного эффекта уменьшения рабочего времени. Поскольку необходимое время и свободное

время у Маркса диалектически связаны между собой, а рабочее время является частью необходимого, то его уменьшение оказывается обратно пропорционально увеличению свободного времени. Борьбе наёмных рабочих за сокращение рабочего дня Маркс посвятил целую главу из своей книги «Капитал», где он подробно описывает историю рабочего движения за сокращение рабочего дня с середины XIV века до 50-х годов XIX века. Поскольку нас интересует свободное время, а потому в задачи данной статьи не входит анализ организованных форм объединения людей на основе экономических интересов для определения влияния на их необходимое время, то мысли Маркса в данном случае оказываются малоприменимыми. Вместе с тем свободное время и в данном случае оказывается задействованным, правда, в виде нежелательной для капитала субстанции: «Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, для празднования воскресенья – будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье, – то всё это чистый вздор ... при своём безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего времени» [4, с. 275].

Какой вывод можно сделать из предпринятого выше анализа? Во-первых, изучение мыслей Маркса относительно вовлечения культуры в капитал показывает, что понятие культурного капитала, вводимое П. Бурдьё, является не удивительным открытием, осуществлённым на основе построения новой культурологической методологии, а простым перефразированием механизма создания прибавочной стоимости прогрессивным путём, показанным Марксом. Во-вторых, что современные думские дебаты о переходе на четырёхдневную рабочую неделю, ведущем к увеличению свободного времени, являются не фазой перехода к новому, более прогрессивному уровню развития общества, а к прогрессивной форме извлечения прибавочной стоимости. В-третьих, марксистское понимание свободного времени оказывается недостаточным для его применения в современной культурологии для характеристики причин, по которым люди в сфере свободного времени стремятся к организованным формам досуга. Маркса интересуют организованные формы объединения рабочих как условие экономической борьбы, а не как условие для полноценной реализации своих культурных интересов. Иными словами, для Маркса и его последователей объединение в условиях свободного времени должно вестись для того, чтобы изменить свою экономическую реальность, в то время как культуролога интересует изменение культурной реальности человека.

Вместе с тем некоторые наблюдения Маркса, касаемые исторического капитализма, могут быть полезными и для анализа его современных форм, а значит, и для прояснения того, какие формы принимает сегодня диалектика взаимодействия необходимого и свободного времени и как это отражается в таких организованных формах последнего, коими являются клубы. Так, принимая во внимание то обстоятельство, что сущностной характеристикой капитала является его увеличение, а это достигается за счёт прибавочной стоимости, одним из выводов будет тот, что объединения людей в сфере свободного времени, в случае их финансирования капиталом, должны в итоге приводить если не к увеличению, то, по крайней мере, к сохранению прибавочной стоимости. Отсюда финансируемые частным капиталом клубы должны рассматривать досуг не как безусловное качество современного человека, а как обусловленное капиталом качество своего увеличения, то есть как товар. Было бы ошибочно рассматривать платные услуги как существенную характеристику клуба при капитализме, хотя и они содержат в себе отражение отношений, определяемых капиталом, но не в существенной форме. Платные услуги обеспечивают функционирование клуба, не создают прибавочной стоимости, а потому не являются определяющей характеристикой современного клуба. Более важным является то обстоятельство, когда перед нами финансируемые частным капиталом клубы организовываются для получения прибыли не для их участников, а для себя. Имеются в виду в данном случае не элитные клубы, объединяющие держателей большого капитала, а клубы, в которые объединяется большинство людей, не обладающих крупным капиталом. Значимость таких клубов для их создателей будет заключаться в том, чтобы объединяемые в них на основе своих интересов люди использовали время, проведённое в клубной деятельности с пользой для своей рабочей деятельности. К такого рода клубам можно отнести те, в которых даётся возможность улучшения своей профессиональной деятельности. Профессия как таковая становится индикатором того, что качества, которыми обладает человек, предлагая их на рынок, являются адекватными производству или услуге и способными принести прибавочную стоимость. Отсюда те, кто интересуется повышением своего профессионального уровня, по определению должны быть поддержаны организациями бизнеса, где они работают. Однако это происходит не всегда. Причина заключается в том, что получение большей прибыли не всегда лежит в увеличении производительности труда, связанной с использованием человеческого ресурса. Большие возможности в ряде случаев предоставляются вследствие диссоциации капитала от человека, деятельности компании от составляющих, предполагающих включение человека. Даже в тех случаях, когда используется человеческий ресурс, он не используется как человеческий капитал, то есть не как те качества

его культуры, которые могут быть представлены к рыночному обмену, а как географическая локация. Так, перемещение производства в страну, где уровень заработной платы ниже, даёт возможность получения большей прибыли, поэтому интерес к организации досуга в стране с более высоким уровнем заработной платы оказывается экономически нецелесообразным. Другой стороной участия частного бизнеса в организованном досуге для своих наёмных рабочих, который будет подчиняться логике увеличения капитала, будет деятельность, связанная с отвлечением их от участия в деятельности, препятствующей увеличению капитала, наиболее нежелательными результатами которой была бы «антикапиталистическая деятельность».

Иными словами, частный капитал, исходя из логики прибавочной стоимости, вовлекается в организацию свободного времени своих наёмных рабочих существенным образом либо для формирования профессиональных качеств, либо для отвлечения от существующего способа эксплуатации. Формы и методы клубной работы в данном случае оказываются подчинёнными вышеуказанным тенденциям.

Сферой, где не действует логика капитализма, является государственная деятельность. Вернее, деятельность государства в области организации свободного времени. Как показывает практика, даже в капиталистическом мире, который утвердился в современной России, её культурная политика направлена на предоставление человеку условий достижения своего счастья и контакта с культурой. Государству оказывается необходимым, чтобы человек вовлекался в организованные формы досуга уже потому, что от развития, которое он в состоянии получить в условиях своего свободного времени, зависит развитие всех остальных граждан. Вместе с тем не следует видеть в деятельности советского государства в области организованного досуга большую заботу о человеке, нежели в аналогичной деятельности современного российского государства. В СССР досуг оказывался подчинённым идеологии. Так сложилось потому, что идеал общественного развития лежал за пределами его практического достижения, а потому его достижение носило гипотетический характер. Деятельность учреждений культуры должна была транслировать гипотетический образ своим гражданам, подчиняя этому и клубную работу. Современный мир, несмотря на все возникающие трудности, работает с реалиями настоящего. В нём клуб как социокультурный институт не может не отражать в себе все противоречия современного мира, сочетая в своей деятельности логику развития капитала с логикой развития человека. Отсюда и многообразие толкований его деятельности, с которым сталкивается современный россиянин.

Таким образом, актуальность поднимаемой в статье темы состоит в выявлении современной социокультурной сущности клубов как форм орга-

низованного проведения свободного времени. Сокращение сети клубных учреждений, осуществляемое в России после состоявшейся в 1990-е годы смены общественно-экономической системы, продолжается и теперь. Данное обстоятельство является основанием для распространённой точки зрения о том, что клубная деятельность в советской России была её «золотым веком», к которому следует вернуться сегодняшним учреждениям культуры. Поэтому руководителям всех уровней, от решений которых зависит судьба клубных организаций, работающих в сфере свободного времени, следует брать пример с советского периода.

Вместе с тем выводы, к которым приходят авторы, свидетельствуют, что классики марксизма рассматривали свободное время только как экономическую категорию, поэтому использование их идей для культурологии требует адаптации, которая не всегда оказывается безупречной. Поскольку современная Россия является капиталистическим государством, то анализ капитализма Маркса, как и отношения капитала к свободному времени, в некоторых своих чертах предоставляет возможность понять современные процессы в социокультурной деятельности.

Современный россиянин, желающий воспользоваться клубами для проведения своего свободного времени, сталкивается с трудностями, диктуемыми, с одной стороны, их многообразием, а с другой – предлагаемым ему СМИ и Интернетом пониманием сущности клубов, которое оказывается далёким от того, что вкладывают в него специалисты в области досуговой деятельности.

Использование категорий свободного и необходимого времени создаёт основания для суждения о сущности труда и отдыха человека в условиях современного капитализма.

Список литературы

1. Бизнес-словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dicsonline.ru/slovary/biznes-slovar/k/klub-investicionnyy>
2. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – 2-е издание, доп. – Москва : Политиздат, 1984. – 271 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Издание второе. – Москва : Издательство политической литературы, 1969. – Том 23. – 907 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Издание второе. – Москва : Издательство политической литературы, 1969. – Том 46 (часть 2). – 618 с.
5. Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления по разработке стандарта качества услуг государственных (муниципальных) учреждений культуры / Министерство культуры Российской Федерации. – Москва, 2015. – 209 с.
6. Основные понятия социально-культурной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: studfile.net/preview/5440052/

7. Политический словарь [Электронный ресурс]. – URL: www.dicsonline.ru/slovary/politicheskiy-slovar/k/klub
8. Сайт для регистрации клубов [Электронный ресурс]. – URL: www.google.com/search?q=.club+domain&rlz=1C1SQJL_ruRU940RU940&oq=.club&aqs=chrome.169i57j0i9.8182j0j15&sourceid=chrome&ie=UTF
9. *Свиблова О.* Пост-интернет искусство [Электронный ресурс]. – URL: www.youtube.com/watch?v=v6vuakEm9Uk&t=62s
10. *Синяев В. В.* Показатели качества трафика в поисковой системе маркетинга // Маркетинг и логистика. – 2018. – № 5 (19). – С. 59–66.
11. Словари [Электронный ресурс]. – URL: www.dicsonline.ru/slovary/politicheskiy-slovar/k/klub
12. Философский энциклопедический словарь. – 2-е издание. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
13. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Издание второе. – Москва : Издательство политической литературы, 1969. – Том 20.
14. Namecheap Inc. – Available at: https://www.namecheap.com/domains/registration/gtld/club/?gclid=Cj0KCQjwrsGCBhD1ARIsALILBYp0Jrk4AJd1dUrov_clhlm-76wRJJ9GABfjUHTbrEITA7qTcuf3_hOgaApfbEALw_wcB

ФАНТАСТИЧНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБРАЗОВ ВЕНЕЦИИ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ КОНЦА XVIII – XX ВЕКОВ

УДК 930.085:72(450)

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-48-56>

Екатерина Александровна СКОРОБОГАЧЕВА,

доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусств, директор музея Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва, Россия, e-mail: Skorobogacheva@mail.ru

Аннотация: Статья обращена к изучению интерпретации венецианской архитектуры в отечественной культуре. Цель статьи – обосновать семиотическую специфику и культурологическую значимость образов зодчества Венеции. Исследование проведено с помощью комплексного системного подхода посредством анализа, в том числе сравнительного, произведений в хронологических рамках XVIII–XX веков. Междисциплинарный характер текста, на стыке нескольких научных дисциплин: культурологии, искусствоведения, философии, эстетики, детерминирован спецификой заявленной темы. Архитектурные образы Венеции трактованы как единая, но многосоставная структура. Некий культурологический код города представляет собой воплощение традиций классической итальянской культуры, выходящих за рамки принадлежности к определённой этнической, исторической и социальной структуре. На данных характеристиках строится доказательство фантастичности восприятия и вневременных интернациональных трактовок венецианской архитектуры. Полученные результаты суммируются в заключениях, объясняющих философию творчества авторов, принадлежащих к максимально широкой сфере культуры. Фантастичность звучания, доминирующая в отображении венецианской архитектуры, объективна в культурологическом ракурсе, поскольку именно таким образом возможно аутентично раскрыть суть «призрачного» города, а также цельно отразить его историю, уклад жизни, философско-религиозное, духовно-эстетическое содержание, имеющее вневременное значение как для европейской, так и для отечественной культуры.

Ключевые слова: синтезированный художественный язык, философия творчества, коды традиций культуры, интерпретация образов, духовно-художественные основы, корреляция традиций, культурологические смыслы.

Для цитирования: Скоробогачева Е. А. Фантастичность восприятия архитектурных образов Венеции в культуре России конца XVIII – XX веков // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 48–56. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-48-56>

THE FANTASTIC PERCEPTION OF THE ARCHITECTURAL IMAGES OF VENICE IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE LATE XVIII – XX CENTURIES

Ekaterina A. Skorobogacheva, D. Arts, Professor at the Department of General History of Arts, Director of the Museum of the Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Moscow, Russia, e-mail: Skorobogacheva@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the interpretation of Venetian architecture in Russian culture. The purpose of the article is to substantiate the semiotic specificity and cultural significance of the images of the architecture of Venice. The study is carried out using a comprehensive systematic approach, through the analysis, including comparative, of works in the chronological framework of the XVIII–XX centuries. The interdisciplinary nature of the text, at the junction of several scientific disciplines: cultural studies, art history, philosophy, aesthetics, is determined by the specifics of the stated topic. The architectural images of Venice are interpreted as a single, but multi-component structure. A certain cultural code of the city is the embodiment of the traditions of classical Italian culture, which go beyond belonging to a certain ethnic, historical and social structure. Based on these characteristics, the proof of the fantastic perception and timeless international interpretations of Venetian architecture is built. The results obtained are summarized in conclusions that explain the philosophy of creativity of authors belonging to the widest possible sphere of culture. The fantastic sound that dominates the display of Venetian architecture is objective from a culturological perspective, since it is in this way that it is possible to authentically reveal the essence of the “ghost” city, as well as to fully reflect its history, way of life, philosophical-religious, spiritual-aesthetic content, which has a timeless meaning for both European and domestic culture.

Keywords: synthesized artistic language, philosophy of creativity, codes of cultural traditions, interpretation of images, spiritual and artistic foundations, correlation of traditions, cultural meanings.

For citation: Skorobogacheva E. A. The fantastic perception of the architectural images of Venice in the Russian culture of the late XVIII – XX centuries. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 48–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-48-56>

Образ Венеции как уникального города-символа, как воплощения традиций Италии занимал и занимает особое место в искусстве, философии творчества, мировоззрении отечественных деятелей самых разных сфер. Восприятие города как единой, но многосоставной структуры во многом было обусловлено спецификой венецианской архитектуры и её взаимодействием с окружающим пространством, что нашло многообразное выражение в литературных трудах, зодчестве, изобразительном искусстве, прежде всего в живописи и графике России. Интерпретация архитектурных образов Венеции оставила значимый след в русской культуре, сказавшись на развитии художественного языка конкретных авторов.

Обозначенное положение будем доказывать через обращение к произведениям искусства, мемуарам, эпистолярной ряду авторов в хронологических рамках конца XVIII – XX веков. Среди них следует выделить имена: в живописи – И. К. Айвазовского, Ф. Я. Алексеева, В. Е. Вольфа, М. А. Врубеля, И. С. Глазунова, К. И. Горбатова, Б. М. Кустодиева, в поэзии – И. А. Бродского, А. С. Пушкина, в прозе – А. Н. Бенуа, В. М. Васнецова, П. П. Муратова, П. П. Перцова, Н. А. Прахова, В. В. Розанова и других.

Образы Венеции в отечественной культуре конца XVIII – XX веков занимают особое место, отличаясь как яркой узнаваемостью трактовок, так и

фантастичностью восприятия, в том числе в отношении архитектурных доминант.

Достаточно фантастично и неожиданно, на первый взгляд, само понятие «русская Венеция», предлагаемое в исследовании «Знаменитые русские о Венеции» А. А. Кара-Мурзы. Однако логично и убедительно его объяснение: «... прав был Платон, когда говорил о “врождённых идеях” ... К числу таких врождённых идей Перцов относил и Венецию» [8, с. 9].

Обращаясь к культурологической сфере, к именам выдающихся представителей отечественной культуры, так или иначе соприкасавшихся с Венецией, видя их произведения, перечитывая их высказывания, понимаешь объективность этих суждений, как Платона, так и П. П. Перцова. Сделаем попытку кратко представить свидетельства фантастичности восприятия образов венецианской архитектуры деятелями культуры России, в том числе художниками, поскольку именно они особенно склонны к восприятию фантастичного в окружающем и к точности его визуального отображения. Одним из первых среди них следует назвать Ф. Я. Алексеева (1753/4–1824), талантливого отечественного пейзажиста, выпускника Санкт-Петербургской академии художеств. Современники именовали его «русским Каналетто», что было сполна заслуженно его профессиональным исполнением копий с оригиналов выдающихся итальянских пейзажистов – Джованни Антонио Каналетто (1697–1768) и его племянника Бернардо Белотто (1720–1780). Перцов писал о Каналетто как о высокопрофессиональном авторе ведут [12, с. 284]. Однако трактовка пейзажей Алексеевым отличалась всё же меньшей документальностью изображений.

В отношении творчества Белотто следует отметить, что он, несомненно, являлся интернациональным художником, «человеком мира», истинным европейцем, жизнь которого была связаны не столько с родной Италией, сколько с Германией и Польшей, а отчасти и с Россией, куда этот известный живописец и гравёр направлялся по приглашению императрицы Екатерины II, но его планам не суждено было сбыться [16, с. 3]. Им была раскрыта философия общеевропейской культуры первой половины XVIII века. В отличие от его родного дяди и первого наставника – Каналетто, творчество Белотто далеко не всегда отличалось такой же топографической точностью и предельным вниманием к деталям при передаче архитектуры. Подтверждением тому может служить ряд холстов, предположительно обращённых к образам Венеции, но отличающихся фантастичностью в их передаче: это и «Каприччо с автопортретом» из собрания Художественного музея Варшавы, звучащее отголоском искусства Франческо Гварди; это и «Руины», являющие собой нечто среднее между бурным драматизмом живописи Алессандро Маньяско и величественным спокойствием гравюр Джованни-Батиста Пиранези. В «Руинах» Белотто

на среднем плане довольно чётко читается силуэт конной статуи, близко напоминающей скульптурный образ кондотьера Коллеони – памятник Вероккьо, вместе с храмом составляющий композиционный центр венецианской площади Санти Джовани э Паоло.

Алексеев совершенствовался в Венеции как театральный живописец в 1773–1777 годах. Е. Ф. Петина в исследовании «Русские живописцы XVIII века» пишет о венецианском периоде жизни пейзажиста, лаконично определяет суть Венеции, называя её «фантастическим городом» [13, с. 254–255]. В одной из своих пейзажных композиций, сохранившейся до настоящего времени, Фёдор Яковлевич изобразил всё ту же набережную Скьявони. Образы палаццо дожей и купола собора Сан-Марко сразу же узнаются в его пейзаже, но в то же время в нём отсутствует излишняя конкретика, не проработаны детали, несколько размыты силуэты зданий, а звучание цвета приглушено то ли утренней дымкой, то ли туманом столетий, неотделимым от образов города на воде.

Оттенком религиозного мистицизма наделена Венеция в восприятии И. К. Айвазовского. 20 июля 1840 года он и его друг, соученик по Санкт-Петербургской Императорской академии художеств, Василий Штернберг отбыли из стен своей alma mater за рубеж. Через Берлин и Вену они направлялись в итальянские земли, словно следуя известному изречению «Alle strade vanno a Roma» (итал.) – «Все дороги ведут в Рим». По дороге в Вечный город художники ненадолго остановились в Венеции. Впечатление от облика улиц, площадей и набережных у Ивана Айвазовского было созвучно восприятию города его знаменитым современником – точно и тонко писал о Венеции в 1827 году А. С. Пушкин: «Близ мест, где царствует Венеция Златая ...» [14, с. 316].

О пребывании мариниста в городе на воде напоминает графический набросок М. И. Скотти «Айвазовский в Венеции» (1842, ГТГ), выполненный угольным карандашом, мимолётно, беглыми пластичными линиями передающий весьма фантастичный облик художника, отдыхающего в гондоле, одетого в чалму, жилет и шальвары, подобно турецкому султану. «Я уже два месяца как в Венеции ...» [ОР РНБ], – писал маринист 8 октября 1842 года. Это письменное свидетельство позволяет довольно точно датировать зарисовку Скотти, поскольку она явно исполнена с натуры [17, с. 69].

В культурологических исследованиях немалое внимание уделяется интерпретации романтизма в самых разных сферах искусства. Фантастичность романтических образов, их повышенный драматизм, ярко выраженная эмоциональность были близки мировосприятию, душевному складу, философии творчества Ивана Айвазовского. Именно поэтому для феодосийского художника романтизм сохранял актуальность всегда – это был стиль его жизни, его деяний, его мирочувствования. Таково

решение живописных произведений Айвазовского контрапунктического звучания: «Венеция» (1842), «Венецианская лагуна. Вид на остров Сан-Джорджо» (1844), «Венеция ночью» (1847), «Венецианская ночь» (1847), «Вид Венеции. Сан-Джорджо Маджоре» (1851), «Вид Венеции со стороны Лидо» (1855). Цветовые акценты его полотен подобны аккордам, служат напоминанием и о музыкальных произведениях эпохи романтизма, как, например, о стретте Манрико из оперы «Трубадур» Дж. Верди.

Будучи в Венеции, Иван Айвазовский встретился со своим братом Габриэлем Айвазовским (1812–1880). Художник посетил остров святого Лазаря, где увиделся с ним после многолетней разлуки. Габриэль, приняв монашеский сан под именем Гавриил, жил здесь в монастыре мхитаристов Сан-Ладзаро-дельи-Армени. Следует предположить, что именно под впечатлением от венецианских образов, с одной стороны, и от общения с Габриэлем, с другой, Айвазовский в Венеции был погружён в философско-религиозные изыскания, что привело к созданию картины на библейский сюжет с мистическим оттенком звучания «Хаос. Сотворение мира» (1840, 1841). Автор оставил её в дар монахам-мхитаристам Сан-Ладзаро. Это было первое обращение молодого мариниста к теологической тематике, которая с 1840 года уже постоянно присутствовала в его творчестве на правах камертона.

В контексте избранной культурологической тематики обратимся к фантастичности восприятия Дворца дождей, одного из символов «призрачного» города, о чём блестяще писал Перцов: «При первом взгляде на дворец Дождей кажется, что это здание опрокинута фундаментом вверх и крышею вниз ...» (1897) [8, с. 319]. Ему словно вторит Розанов в своих «Итальянских впечатлениях» 1901 года: «... Невозможно ни задумать когда-нибудь ещё такого (учёному архитектору нужно для этого с ума сойти ...)» [15]. «Итальянские впечатления» были высоко оценены П. П. Муратовым, частично опубликованы в журнале «Мир искусства», а позже вышли в свет отдельным изданием. Основателю «Мира искусства» Бенуа также не была чужда фантастичность венецианской архитектуры, о чём позволяют судить и его живописные произведения – пейзажи, написанные акварелью: «Венеция», «Вид Венеции» «Мост вздохов. Венеция», и высказывания. В 1894 году в мемуарах он определяет многие города как «более реальные» [1, с. 40] по сравнению с Венецией.

Десятилетием ранее, с осени 1884-го по весну 1885 года, фантастичностью венецианского зодчества и решением внутренних архитектурных пространств, служащих прекрасным обрамлением для живописных произведений, восхищался Врубель¹, приехавший в Италию по рекомендации А. В. Прахова для изучения и претворения в своих произведениях

¹ М. А. Врубель жил в Венеции с начала ноября 1884 года до конца апреля 1885 года.

искусства Византии и эпохи Возрождения. Он жил в Венеции на площади Сан-Маурицио в бельэтаже (втором этаже) Casa Rossi – характерном образце венецианского палаццо XV века, с видом из окна на не менее яркий образец венецианской дворцовой архитектуры – Palazzo Zapani. В семье Праховых хранился путевой альбом Врубеля с зарисовками и акварельными этюдами интерьеров его мастерской. Н. А. Прахов¹, с детских лет знавший Михаила Александровича, оставил описание одной из таких его зарисовок, не лишённой оттенка фантастичности [11]. Отголоски венецианских впечатлений звучат и в акварели Врубеля «Венеция. Мост вздохов» (1890-е), и в его широко известном живописном панно «Венеция» (1893).

Художник Н. И. Мурашко, гостивший у него в Венеции, оставил воспоминания об этом, в которых, в частности, сделал предположение, что именно образы венецианской архитектуры, стенописи и станковой храмовой живописи настраивали Врубеля определённым образом для написания икон Кирилловской церкви в Киеве по заказу А. В. Прахова [8, с. 106–108]. Решение внутреннего пространства именно этого палаццо не случайно выделено Мурашко, поскольку именно его интерьеры, расписанные Тьеполо, в соответствии с новой эстетикой XVIII века, отличаются особой фантастичностью решений, иллюзорностью, игрой с пространством, действительным и вымышленным художником и представленным как реальное.

В суждениях Муратова, несомненно значимых в культурологических ракурсах трактовок, также отдана дань фантастичности города: «нынешняя Венеция – только призрак былой жизни» [9, том 1, с. 25]. Такими произведениями, не менее фантастичными, чем архитектура города, неустанно восхищались живописцы: Васнецов, Глазунов, Горбатов, Вольф. Их впечатления отражены как в эпистолярном и мемуарном наследии, так и в произведениях искусства.

Обращаясь к эпистолярию и мемуаристике, приведём высказывания Васнецова, также подтверждающие оттенок фантастичности в восприятии венецианской архитектуры. Васнецов, прибыв в Венецию 15 мая 1885 года, отмечал неизгладимое впечатление, произведённое на него собором Св. Марка [5, с. 62]. Также известно, что он сравнивал Венецию с «волшебным заснувшим царством» [5, с. 62].

При анализе контрастных по звучанию живописных полотен Глазунова и Вольфа будем отталкиваться от определения двух Венеций, данного Муратовым в 1910 году, что, по нашему убеждению, актуально для современных культурологических исследований: «Есть две Венеции.

¹ Николай Адрианович Прахов (1873–1957) – сын известного историка искусства и археолога Адриана Викторовича Прахова, который покровительствовал М. А. Врубелю в период жизни художника в Киеве.

Одна – это та, которая до сих пор что-то празднует ...» [9, том 1, с. 20]. Но существует и иная Венеция, которая «... часто даёт испытать одиночество, она не утешает и не просветляет ... Вода странно приковывает и поглощает все мысли ...» [9, том 1, с. 20]. Первому из названных образов, несомненно, соответствуют и многоцветные, динамично написанные, словно праздничные пейзажи Горбатова образов Венеции (1931) с видами на площадь Сан Марко с моря, на Дворец дождей, на церковь Санта Мария делла Салюте, на лодки рыбаков на фоне палаццо и мостов через каналы. Близка им по звучанию пронизанная светом композиция Вольфа «Розы Венеции» (2005), в которой структура пространства, определённая архитектурой палаццо, отчасти напоминает театр – сцену и кулисы. Через открытую галерею с почти невесомыми колоннами коринфского ордера, с кустами небывалых роз, как из-за кулис, открывается вид на сцену – пейзаж города и жизнь канала, уподобленные театральному действию, где цветовые сочетания звучат мажорными аккордами, а движение воды и тающих облаков, гондол и стремительных чаек передаёт течение жизни, вечное и мимолётное одновременно.

Второму – контрастному, минорному по звучанию – образу Венеции близки художественные решения Ильи Глазунова. Его произведение «Закат Европы» (2005), с тающей в дымке архитектурой храма Санта Мария делла Салюте, отчасти навеяно одноимённым трудом Освальда Шпенглера (1918, 1922). Живописная композиция Глазунова «Венеция» (1987), отчасти созвучная по колористическому решению одноимённому этюду Кустодиева (1913), сумрачная, таинственная, полная драматизма, решённая в насыщенных сиренево-серых тонах сумерек, представляет собой портрет утончённой дамы с венецианской маской в руке, черты лица которой напоминают отчасти супругу художника Н. А. Виноградову-Бенуа, талантливого графика, сценографа, реставратора, на фоне собора Сан Марко. По звучанию с ней перекликаются образы Серебряного века, в том числе поэтические строки К. Р. – великого князя Константина Романова, друга Чайковского и Достоевского: «Мимо палаццо мы дождей, Мимо Пьяццетты колонн / Плыли с тобою ... О, Боже, Что за чарующий сон!» [7] Нельзя не вспомнить и «Венецианские строфы» Бродского: «... Город сродни попытке воздуха удержать ноту от тишины ...» [2]. Фантастичность восприятия венецианской архитектуры подтверждают и другие, прозаические по стилистике, но поэтические по сути строки Бродского об «огромных резных сундуках тёмных палаццо» [2; 3; 4].

Завершая исследование, отметим, что фантастичность восприятия архитектурных образов Венеции в культуре России конца XVIII века – XX веков вполне объяснима, основана на преемственности трактовок города, на параллелях его звучания в европейской традиции. Можно вспом-

нить, например, образы итальянских живописцев, которые как никто знали образную специфику Венеции. Оттенком фантастичности, несомненно, наделены произведения Джентиле Беллини «Процессия на площади Сан Марко», Л. Карлевариса «Внутренний дворик дворца дожей», ведута неизвестного художника «Мурано. Остров Сан Кристофоро делла Паче», произведение К. дель Аква «Венецианский карнавал (с Джандоменико Тьеполо)» и другие.

Согласно философско-поэтическим суждениям Бродского, фантастичность венецианских образов во многом связана с восприятием стихии воды и её гармоничным соединением со зданиями, улицами, мостами. Его заключения отчасти перекликаются со словами Иоганна Вольфганга Гёте, писавшего в «Итальянском путешествии»: «Венецию можно сравнивать только с Венецией же» [6, с. 77–78]. Подобная мысль отражена графом Сергеем Семёновичем Уваровым, министром просвещения России, приехавшим в Венецию в 1843 году. Уваров, по-видимому, первым из наших соотечественников положил начало традиции сопровождать своё путешествие по городу Святого Марка написанием эссе с историческим оттенком [8, с. 51]. Именно в этом соединении архитектуры города и воды Бродский видел вневременную духовную суть Венеции, давая следующее объяснение: «В путешествии по воде, даже на короткие расстояния, есть что-то первобытное ... Время, оно же вода, вяжет или ткёт из наших отражений ... неповторимые узоры ...» [8, с. 250–251]. Таким образом, фантастичность восприятия архитектурных образов Венеции, уподобленная узорам времени, не теряет своей значимости ни в ретроспекции, ни в современности, ни в исторической перспективе, находит самобытные и часто неожиданные отражения в отечественной культурологической сфере, неизменно сопряжённой с европейскими традициями.

Следовательно, фантастичность звучания, доминирующая в отображении венецианской архитектуры, объективна в культурологическом курсе, поскольку именно таким образом возможно аутентично раскрыть суть «призрачного» города, а также цельно отразить его историю, уклад жизни, вневременное философско-религиозное, духовно-эстетическое содержание города, построенного на воде, неотделимого от воды. В курсе культурологии образы зодчества Венеции приобретают значение ёмкого символа, многогранного феномена, призванного сохранять и ретранслировать духовные смыслы в памятниках культуры, продолжение изучения которых необходимо, а обращение к интерпретации венецианских архитектурных образцов актуально.

Список литературы

1. *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания : в 5 книгах. Книги 4, 5 / изд. подгот. Н. И. Александрова [и др.] ; отв. ред. Д. С. Лихачёв ; ред. изд-ва О. К. Логинова ;

- худож. Б. И. Астафьев. – 2-е издание, доп. – Москва : Наука, 1990. – 743 с.: ил.
2. *Бродский И. А.* Венецианские строфы 1) : Стих [Электронный ресурс]. – URL: <http://rustih.ru/iosif-brodskij-venecianskie-strofy-1/>
 3. *Бродский И. А.* Письма римскому другу. – Москва : Азбука-классика, 2010. – 288 с.
 4. *Бродский И. А.* *Fondamenta degli incurabili* (Набережная Неисцелимых) [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/145753-2-iosif-brodskiy-fondamenta-degli-incurabili-naberezhnaya-neistselimityh.html>
 5. *Васнецов В. М.* Дневники. Воспоминания. Суждения современников / [вступ. ст., с. 6–37, сост. и примеч. Н. А. Ярославцевой]. – Москва : Искусство, 1987. – 496 с.
 6. *Гёте И. В.* Итальянское путешествие. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 414 с.
 7. *К. Р. (Константин Романов)* Стихотворения [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/RUSSLIT/KR/kr1_2.txt
 8. *Кара-Мурза А. А.* Знаменитые русские о Венеции. – Москва : Независимая газета, 2001. – 383 с.
 9. *Муратов П. П.* Образы Италии. – Москва : Галарт, 2005. – 327 с.
 10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (ОР РНБ). – Фонд 124 (Вакселя). – Ед. хр. 57. – Л. 3, 4.
 11. *Прахов Н. А.* Страницы прошлого : Очерки-воспоминания о художниках / общая ред. В. М. Лобанова. – Киев : Изомузгиз, 1958. – 308 с.
 12. *Перцов П. П.* Венеция. – Москва : Б.С.Г.-Пресс, 2007. – 285 с.
 13. *Петинова Е. Ф.* Русские живописцы XVIII века. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2002. – 333 с.
 14. *Пушкин А. С.* «Близ мест, где царствует Венеция златая...» // Золотой том. – Москва : Эксмо, 2005.
 15. *Розанов В. В.* Итальянские впечатления [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_italianskie_vpechatlenia.html
 16. *Скоробогачева Е. А.* Бернардо Белотто // Юный художник. – 2014. – № 7. – С. 18–22.
 17. *Скоробогачева Е. А.* Иван Айвазовский. – Москва : Молодая гвардия, 2021. – 334 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: М. Л. ГАСПАРОВ И В. Н. ТОПОРОВ В СПОРЕ О ПОПУЛЯРНОМ АКМЕИЗМЕ

УДК 316.7:82(091)

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-57-65>

Александр Викторович МАРКОВ,

доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, *ORCID ID: 0000-0001-6874-1073*, *e-mail: markovius@gmail.com*

Аннотация: Наследие поэта и искусствоведа графа Василия Комаровского привлекало внимание исследователей как образец отрешённого отношения к культурным мирам и требовало дать концептуализацию, не сводящую его творчество к программам символизма и акмеизма. В. Н. Топоров и М. Л. Гаспаров дополнили филологический анализ социологией культуры и творчества, но при этом не обращались к научному аппарату социологии. Топоров поставил Комаровского в один ряд с искателями своей земли и почвы, начиная с Энея, объясняя страшное и необычное в его стихах как эффекты такого поиска. Гаспаров оспорил такой подход, отведивший Комаровскому привилегированную позицию культурного героя, – для него он был одним из поэтов, адаптировавших достижения символизма и акмеизма для массового вкуса. Полемика была жёсткой, но скрытой, так как оба выдающихся филолога заявляли свои работы как дисциплинарно филологические, но некоторые внутренние противоречия и сбои аргументации показывают, что на самом деле перед нами социология массового чтения, массового восприятия и массового участия в культуре, пользующаяся средствами другой дисциплины, что даёт результаты, очень интересные, но нуждающиеся всякий раз в дополнительной интерпретации.

Ключевые слова: Михаил Гаспаров, Владимир Топоров, Василий Комаровский, социология литературы, социология культуры, символизм, акмеизм, массовая литература, Царское Село.

Для цитирования: Марков А. В. Филологическая социология культуры: М. Л. Гаспаров и В. Н. Топоров в споре о популярном акмеизме // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 57–65. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-57-65>

PHILOLOGICAL SOCIOLOGY OF CULTURE: MIKHAIL GASPAROV AND VLADIMIR TOPOROV IN THE DISPUTE ABOUT POPULAR ACMEISM

Alexander V. Markov, D. Sc. in Philology, Professor at the Department of the Cinema and Contemporary Art, the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, *ORCID ID: 0000-0001-6874-1073*, *e-mail: markovius@gmail.com*

Abstract: The legacy of the poet and art critic Count Vasily Komarovsky attracted the attention of researchers as an example of a detached attitude to the cultural worlds, and demanded a conceptualization that did not reduce his work to the programs of symbolism and acmeism. Vladimir Toporov and Mikhail Gasparov enriched the philological analysis with the sociology of culture and of creativity, but without turning to the research apparatus of sociology. Toporov put Komarovsky on a par with the seekers of their land and soil, starting with Aeneas, explaining the uncanny and unusual in his poems as the effects of this dramatic way. Gasparov challenged this approach, which gave Komarovsky the privileged position of a cultural hero. For Gasparov he was one of the poets who adapted the achievements of Russian symbolism and acmeism for the mass taste. The controversy was tough, but hidden, since both prominent philologists claimed their works as pure hermeneutics, but some internal contradictions and failures of argumentation show that in fact we are dealing with a sociology of mass reading, mass perception and mass participation in culture, using the means of another discipline. It gave very interesting results, but each time in need of additional interpretation.

Keywords: Mikhail Gasparov, Vladimir Toporov, Vasily Komarovsky, sociology of literature, sociology of culture, symbolism, acmeism, mass literature, Tsarskoe Selo.

For citation: Markov A. V. Philological sociology of culture: Mikhail Gasparov and Vladimir Toporov in the dispute about popular acmeism. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 57–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-57-65>

Дискуссии в социальных и гуманитарных дисциплинах в 1970-е и 1980-е годы были прежде всего кружковыми: на институтских или домашних семинарах, где и выработывалась методология, усиливались навыки критической оценки друг друга, проверялась приложимость тех методов, которыми работали участники, к новым объектам [5; 6]. Такой неофициальный семинар противостоял магистральному научному производству в плановой экономике, где ожидание результата плохо совмещалось со встречей с новыми объектами как вызовом, – наоборот, всякий новый объект должен был выглядеть как закономерная часть прогресса данной дисциплины. Поэтому неофициальный семинар заключал в себе одно важное противоречие: будучи дисциплинарным, он не допускал существенных пересечений между участниками разных семинаров, точнее, такие пересечения могли возникать только на основе личного приглашения исследователей из других областей руководителем семинара – хотя всегда был риск недопонимания представителей сходных, но различных дисциплин. Но при этом семинар по своим внутренним закономерностям не мог быть только дисциплинарным, так как расширение знаний и методологические эксперименты были неотделимы от пересмотра идентичности самой дисциплины, от постановки её под вопрос, от изобретения какой-то точки вненаходимости, с которой данная дисциплина рассматривается с её ограничениями и в которой говорится о возможностях, предоставляемых смежными дисциплинами.

Такая мерцающая дисциплинарность, проблематизация дисциплины и одновременно поддержание её самотождественности просто для того, чтобы развивать её дальше совместными усилиями на едином основании, ещё должна стать предметом изучения – когда будет написана история научных кружков в СССР. В этой статье мы прикасаемся к теме, рассматривая один интересный случай: как два невероятно продуктивных и профессионально авторитетных филолога позднесоветского времени, Владимир Николаевич Топоров и Михаил Леонович Гаспаров, обосновывали введение Василия Комаровского в канон поэзии Серебряного века и как здесь обозначились определённые разломы и сложные узлы самого герменевтического метода, те сбои в безупречности и строгости литературоведческого подхода к поэтике, которые и потребовали социологического анализа. Но рассматриваемый случай интересен тем, что ни тот, ни другой исследователь не обращались к аппарату социологии – социология кричала через сказанное ими как необходимость, как то, что только и может довершить построение анализа поэтики, непротиворечиво вписывающее одну малоизученную поэтику (графа Комаровского) в другую, уже весьма хорошо изученную, но постоянно проблематизируемую, начиная с самого термина Серебряный век, – поэтику русского модернизма, с такими направлениями, как символизм и акмеизм, направлениями с иногда размытыми границами, но вполне эксплицированной поэтикой.

Граф Василий Комаровский (1881–1914) был родом из московской аристократической семьи и москвичом в духовном смысле – широта искусствоведческих интересов, склонность к обобщениям, импрессионистическое переживание культурных миров всегда отличали именно москвичей, соединивших талант поэта и критика, таких как Аполлон Григорьев, а не петербуржцев. Своей сверхчувствительностью и увлечённостью он действительно напоминал Аполл она Григорьева и, как и тот, стремился к авторской мифологизации культурных миров Италии. Действительно, его трудно отнести к какому-то из художественных направлений и школ Серебряного века: для символиста он слишком конкретен, чувствителен, лишён вселенских амбиций и индивидуалистического житнетворческого проекта, которому должны внимать другие. А для акмеиста, при всей своей предметности, он слишком укоренён в переживаниях с их собственной непрозрачной логикой, создающих не сюжет индивидуального становления, как у Ахматовой и Мандельштама, но общий сюжет встречи с культурой, отношения к культуре как некоторому внешнему себе целому, что как раз больше свойственно символизму. Поэтому для любого исследователя и любой исследовательницы Комаровского главный вопрос [3; 4] – как его определить, если его эстетика очень серьёзна и явно составляет неотъемлемую часть художественной жизни между двух революций.

Можно назвать его «царскосельским» поэтом, имея в виду, что Царское Село стало для него важным образом другой культуры – так что он не просто видит в нём то, что не видит в Москве, прежде всего итало-французские культурно-исторические ассоциации, а усматривает различные сценарии проживания Царского Села – принимает из них одни и не принимает другие. Причём не следовать знакомыми маршрутами, не разделять, например, официальных чувств в пользу собственных интимных для него не было беспроblemным, как для Гумилёва или Мандельштама, которые с «желтизной правительственных зданий» расставались просто, утверждая, что это порядки непэтической современности, что поэзия может смотреть на это только извне, как на некоторую фабулу. Комаровский отличался от мэтров акмеизма тем, что он проживал различные порядки Царского Села, говоря в терминах Шкловского, не как фабулу, но как сюжет, делая выбор маршрута и, соответственно, создания неоспоримого образа культуры предметом глубинного и часто болезненного экзистенциального переживания. Именно поэтому его генеалогию современники, начиная с Ахматовой, находили в поэзии Иннокентия Анненского, в его царскосельском культурном мифе, отрицая его связь с петербургскими мифами, раз он не принадлежал к петербургским художественным кругам, при всей любви знакомиться.

Пионером изучения наследия Комаровского был В. Н. Топоров. В статье о маргинальных поэтиках русского модернизма в качестве рамки он принял противопоставление символизма как определённых структур эмпатии, растворения в предмете и вызванных им чувствах, и акмеизма – как поэзии, имеющей в виду не только генезис, но и цель высказывания [8, с. 251]. Этим он объяснял лингвистический интерес акмеистов к природе слова, ссылаясь на эссеистику Мандельштама: язык понимался акмеистами, согласно Топорову, как главное хранилище целевой формы поэтического высказывания. Исходя из этого, Топоров определил язык Комаровского как «уставной» [8, с. 252], напоминающий языки масонства или других эзотерических систем, способный смоделировать программу культурного поведения по определённым правилам, сохранив при этом отстранённость от самих культурных результатов такого поведения, которые всякий раз ставятся под вопрос. Здесь мы уже видим некоторое социологическое соображение: Комаровский не был вполне акмеистом потому, что никогда не мог опираться на собственную волю изображаемых вещей, собственные сценарии вещественного мира, но всякий раз должен был возвращаться к начальной диспозиции культуры и проверять, осилит ли культурная воля создание убедительного художественного образа.

Именно поэтому, согласно Топорову, в поэзии Комаровского образы природы и культуры, местного и вселенского накладываются не стереоскопически, открывая новые культурные возможности, как у символистов,

но соединяются в «двойственность денотата» [8, с. 259], что, конечно, в описании Топорова напоминает «жуткое», по Фрейдю, когда одно и то же слово может означать привычное и непривычное без всяких мотиваций внутри речевой ситуации. Топоров поэтому настаивал, что Комаровский проделывает работу, противоположную мифологизации культурных артефактов Царского Села. В стихотворении «Ни этот павильон хандры порфиородной...» он показывает, что все контексты, в которых известная статуя приобретает смысл, оказываются депоэтизированы и демифологизированы [8, с. 267] – здесь, по мнению Топорова, Комаровский предвосхитил Вагинова, показавшего, как большие идеи символизма могли быть обесценены при критическом накоплении несовместимых с этими большими идеями инертных стратегий поведения уже эпохи экспрессионизма. Поэтому стратегия Комаровского проста: это «культ воспоминания, мифа вечного возвращения» [8, с. 258] (заметим, что миф тоже превращается в предмет культа, а не в предмет переживания) и экспозиция пейзажа как места, где «поэт больше всего принадлежит самому себе, верен своему я и не зависит от “чужого”» [8, с. 270]. Пейзаж понимается как земной ландшафт, и здесь Комаровский в изложении Топорова оказывается больше всего похож на Энея, как Топоров его проинтерпретировал в отдельной монографии [9]: что это не мореплаватель, а человек земли, который и стремится найти почву, необходимый ландшафт для того, чтобы все судьбы Рима состоялись. Топоров даже начал монографию об Энее с того [9, с. 9–10], что «Средиземное море» – средневековое название, тогда как для римлян быть средиземным – это быть, напротив, вдали от моря, чтобы Рим был создан как культурный мир, верный своему Я и не подчиняющийся задуманное судьбой случайному переживанию. Это явно противоположно интерпретации М. Л. Гаспаровым Вергилия как «поэта будущего» [1], изображающего не почвенность Энея, а наоборот, его растворение в стихии судьбы, не создающего жребий нового Рима и его языка, но, напротив, показывающего, как само будущее властью языка и мифа ничего не оставляет от личной позиции Энея: сам Вергилий «растворился в языке и мифе» [1, с. 34].

Как раз здесь уместно обратиться к самому процитированному стихотворению Комаровского, конечно заключающему в себе полемику со стихами Иннокентия Анненского «Статуя мира». Эта полемика имеет своё социологическое измерение: Анненский изображает статую Расе как стоящую «меж золочёных бань», намекая на золотой век Екатерины II, тогда как для Комаровского век Екатерины отвратителен: «павильон хандры порфиородной», те же Холодные Бани в Царском Селе оказываются названы конкретнее – упоминается не золочёный потолок, а «дымчатый агат». В варианте Комаровского есть совершенно определённые исторические намёки: Екатерина II читала с утра документы в агатовых комнатах,

занималась государственными делами после утреннего туалета, и для Комаровского важны эти подробности официальной жизни как то, с чем он не будет иметь дело и с чем не имеет уже дело сама история. Тогда как Анненский играл на контрасте великолепия Царского Села и отверженной статуи. Богатая интертекстуальность обоих стихотворений – тема отдельного большого разговора: например, «Над сердцем сладкое имеет обаянье» Анненского имеет параллель в его же переводе «Вакханок», а холодный дождь, портящий статую, – в речи Гермеса в его «Лаодамии». Но важно, что для Анненского одиночество статуи – это единственный способ сказать о страдании в мире равнодушной природы, тогда как для Комаровского, изобразившего подновлённую статую, – как раз возможность спроецировать на Царскосельский парк и судьбу Энея, который, по Топорову, среди непредсказуемого развития истории и чуждаясь непредсказуемого моря, сформулировал новые цели для самой судьбы. «На скудном севере далёкий отблеск Рима» относится к системе прудов Царского Села, к отблеску сооружений в нём, напоминавших о Средиземноморье, о победах над Турцией – то есть о средиземноморских притязаниях России. Тем самым Комаровский говорил, прежде всего, о неосуществимости Рима, который невозможно ни пережить заново, ни воскресить, но который существует как факт сознания культурного человека, что свидетельствует в пользу Топорова, для которого Комаровский в чём-то повторяет путь Энея, «человека судьбы», находя в чужом – своё новое, как Эней нашёл новую родину в мире собственного прежде неизвестного будущего. Но и Гаспаров, для которого Комаровский – не Эней, а мелодраматический свидетель судьбы, а не её человек, тоже нашёл бы в этом стихотворении указание на то, что все судьбы уже свершились, а остались только фигуры выразительности, экспрессия, благодаря которым и можно отнестись к порядку современных событий.

Гаспаров поэтому оспорил и почвенность Комаровского, поставив целью показать, что на самом деле поэтика Комаровского вовсе не утверждает готовые ландшафты, но полностью направлена на создание воображаемых ландшафтов. Гаспаров заявил свою работу, опубликованную в сборнике в честь юбилея Топорова, как статью о Комаровском, но задача его статьи скорее социологическая – выяснить, каким образом «Незнакомка» Блока стала в массовом сознании самым известным поэтическим произведением русского символизма. Гаспаров реконструировал мелодраматический поворот в символизме при употреблении этого же размера четырёхстопного ямба с дактилической и с мужской перекрёстной рифмой, но связал его не с самим стихотворением Блока, которое современниками прочитывалось как вариация на темы Брюсова, много писавшего тем же размером, сколько с воображаемыми путешествиями Комаровского и Цветаевой. Именно через призму этих воображаемых

путешествий, неизбежно капризных и надрывных, и стало прочитываться стихотворение Блока. Оно стало восприниматься не как продолжение разговора Брюсова о роковых страстях и современности, но как идеалистический образ мысленного странствия, ухода в другой мир, метафизического приключения. Как всегда строжайшая аргументация академика Гаспарова поражает здесь блестящей проработкой тех социальных механизмов, которые и выделяют ключевые произведения как эпохальные. При этом линия Комаровского и Цветаевой, линия между символизмом и акмеизмом, оказывается той точкой вневходимости, из которой и можно было заново собрать систему содержаний описательной поэзии. В чём-то их миссия оказывается сродни миссии Матисса или школы Д. С. Стеллецкого (к которой принадлежал и брат поэта Вл. Комаровский), которые, создав образ древнерусского искусства как ярких пятен, позволили читать древнерусскую икону уже не как монументальную композицию, но как внутреннее событийное переживание. Как заметил сам Гаспаров, стихотворение Блока построено «на скрещении мотивов *прохождения* и *видения*, а они не востребованы массовой продукцией» [2, с. 631], как не были востребованы режимы духовной дисциплины Средневековья, тогда как искомая линия скрещивает «мотивы движения и любви» [2, с. 633], поэтизирует любовно-туристическую историю, что и оказывается ближе всего читателям беллетристики, привыкшими, добавим, следить за приключениями героя (Шерлока Холмса) с очень близкого расстояния, видя те же улики и те же возможности двинуться дальше. Здесь можно сослаться на выводы Моретти, указавшего, что среди всех форм детективов победил конан-дойлевский с уликой, которая движет систему событий, а не просто опознаётся отдельными героями [7, с. 288–300], а также на выводы К. Чекалова о том, что французская литература смогла ответить на вызов этого нового английского детектива только созданием свободной серийности «романа-реки» [8, с. 234–236], где такое движение производилось самой организацией свободного повествования.

В противоположность Топорову, который говорил [8, с. 271] о строгом механизме взаимодействия чужого и своего, противостоящем символистской стилизации, Гаспаров говорит, что «шаги» по «Риму стали для него художественным объектом, обросли историческими ассоциациями» [2, с. 631], употребляя при этом термин «фиктивность» – двусмысленный, означающий и художественность, и наличие действительного вымысла. Где Топоров видит почвенность, там Гаспаров – надрывное отношение к недоступной действительности, которое может создать художественный образ тоже благодаря двусмысленности – ведь слово «шаги», употреблённое Гаспаровым, – это и прямая цитата из римского стихотворения поэта, изображающего Рим как совершенно не зависящий от современности, страшный исторический мир, «Шаги кощунственно-тяжки»,

и указание на стопу, *pes*, как главный интерес его стиховедческой статьи. Где Топоров увидел стилизацию «потрясённого ренессансного сознания» [8, с. 278], выпадающую из современности и возвращающуюся к почве, там Гаспаров усмотрел, наоборот, конструирование популярного вкуса современности, а где для Топорова проявлена «типичная позиция современного человека, ищущего прошлое» [8, с. 282], как раз Топоров говорил это только лишь о тех стихотворениях, которые принадлежат к изучаемой Гаспаровым метрической схеме, там для Гаспарова нет никакой типичной позиции, но, напротив, индивидуальный каприз, способствующий обновлению мелодраматических порядков литературы, когда, как мы сказали, улика прошлого и создаёт режим уже вовлечённости экспрессионистского типа, где жуткое просто принадлежит самому устройству социальной жизни.

Итак, всякий раз Гаспаров использует такие неожиданные сюрпризы, как двусмысленность слова «шаги» или слова «фиктивность», как подмена предмета статьи на «Незнакомку» Блока, оспаривая «жуткое» как доминанту творчества Комаровского, по Топорову, в пользу социологии экспрессионистского чтения. Впрочем, и у Топорова его Комаровский-Эней – это социологическая фигура человека, действующего в неожиданной ситуации целесообразным образом, создающего целевую форму языка: Комаровский для Топорова был метаакмеист, сделавший возможными Ахматову и Мандельштаму не просто как великих поэтов, но и как социальный факт вдумчивого чтения, как поэтов, по-новому переработавших мифы культуры для своей аудитории, а для Гаспарова Комаровский был, скорее, метасимволист, прорвавшийся к экспрессионизму как уже фактическому режиму чтения. Замечательна пометка редакции на первой странице статьи Гаспарова: «Статья даётся в орфографии автора», что, конечно, является формой возложить ответственность за полученные выводы на Гаспарова. Филологическая наука хорошо научилась определять, что такое символизм и акмеизм, но чтобы определить экспрессионизм как результат массового запроса, потребовалась такая тайная социология, не выраженная прямо, но разрывающая привычные аргументы литературоведческой герменевтики.

Список литературы

1. *Гаспаров М. Л.* Вергилий – поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. – Москва : Художественная литературы, 1979. – С. 5–34.
2. *Гаспаров М. Л.* В. А. Комаровский между Брюсовым и Блоком : к предыстории одного стихотворного размера // ПОЛУТРОПОН : К 70-летию В. Н. Топорова / РАН. Институт славяноведения ; [редкол. : Т. М. Николаева (отв. ред.) и др.]. – Москва : Индрик, 1998. – С. 623–634.
3. *Желтова Н. Ю.* «Моршанская» поэма В. А. Комаровского «Ракша» : региональный, биографический и литературно-исторический контексты

- // Славянский мир : духовные традиции и словесность = The slavonic world: spiritual traditions and philology : сборник материалов Международной научно-методической конференции / Министерство образования и науки Российской Федерации, Управление образования и науки Тамбовской области, «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» [и др.] ; [науч. ред. Н. Л. Потанина]. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2010-. – Вып. 9 / научный редактор Н. Ю. Желтова. – 2019. – С. 199–206.
4. *Красникова Т. Н.* А. И. Головин. Восемь стихотворений графа Василия Комаровского для сопрано и оркестра в аспекте взаимодействия поэтического и музыкального текста // *Художественное образование и наука.* – 2019. – № 4. – С. 76–82.
 5. *Кузнецова Н. И.* Философия в советском андеграунде : практики выживания // *Высшее образование в России.* – 2016. – № 5. – С. 80–91.
 6. *Лидерман Ю. Г.* Научный семинар как театральная лаборатория. Театральная лаборатория как научный семинар (очерк к теории неофициальной культуры 1970–1990-х годов в СССР) // *Шаги/Steps.* – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 120–131. – DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-4-120-131
 7. *Моретти Ф.* Дальнее чтение / перевод с английского Алексея Вдовина, Олега Собчука и Артема Шели ; под науч. ред. Инны Кушнаревой. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 342 с.
 8. *Топоров В. Н.* Две главы из истории поэзии начала века: I. В. А. Комаровский – II. В. К. Шилейко : (К соотношению поэтики символизма и акмеизма) // *Russian Literature.* – 1979. – Т. 7, № 3. – С. 249–325.
 9. *Топоров В. Н.* Эней – человек судьбы : К средиземноморской персонологии. Часть 1. – Москва : Радикс, 1993. – 192 с.
 10. *Чекалов К. А.* Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период «прекрасной эпохи» / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Институт общественных наук, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. – Москва : ДЕЛО, 2018. – 284 с.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ А. П. ЧЕХОВА

УДК 18:82(091)

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-66-75>

Николай Иванович НЕЖЕНЕЦ,

доктор философских наук, профессор кафедры литературы факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия, e-mail: klit@mguki.ru

Аннотация: В статье изложено движение творческой мысли А. П. Чехова. Особо раскрывается эстетический принцип образно-психологического письма: в нём нет положительных и отрицательных героев, а есть «люди живые». Чехов короткими новеллами и повестями (всего их создано около 65) охватил самые различные стороны повседневного бытия, отразив весь его драматизм, какой сложился на рубеже XIX и XX столетий. Обозначение «Вишневого сада» как комедии не является авторским указанием на жанровые основания произведения. Внутренний смысл здесь читается иначе: комически, без сопротивления уходит старое дворянство с общественно-исторической сцены.

Ключевые слова: А. П. Чехов, эстетический принцип, новелла, дворянство.

Для цитирования: Неженец Н. И. Эстетическая мысль А. П. Чехова // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 66–75. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-66-75>

AESTHETIC THOUGHT OF ANTON CHEKHOV

Nikolay I. Nezhenets, D.Sc. in Philology, Professor at the Department of literature, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russia, e-mail: klit@mguki.ru

Abstract: The article describes the movement of Anton Chekhov's creative thought. The aesthetic principle of figurative-psychological writing is especially revealed. There are no positive and negative characters in it, but there are "alive people". Chekhov's short novellas and stories (about 65 of them were created) covered the most diverse aspects of the dramatic outlines of daily existence, which were formed at the turn of the 19th and 20th centuries. The designation of the "Vishneviy sad" as a comedy is not an author's indication of the genre basis of the work. The inner meaning could be described differently here: comically, without resistance the old aristocracy leaves the sociohistorical stage.

Keywords: Anton Chekhov, aesthetic principle, story, aristocracy.

For citation: Nezhenets N. I. Aesthetic thought of Anton Chekhov. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 66–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-66-75>

В творчестве А. П. Чехова сошлись эстетико-смысловые грани литературы староклассической и новой, воссозданной эпохой всеохватывающего социально-бытового преобразования мирской жизни. На его положение в литературном потоке указывали ещё в 1915 году в известном журнале «Вестник Европы». В статье, запоздало приуроченной ко дню

памяти о писателе, последний был назван «главной пограничной станцией», от которой «идут все (хорошо сработанные) пути» к иным явлениям в словесном искусстве [2, с. 304].

Ещё ранее Л. Н. Толстой высказался по поводу необычного жанрового оформления и связанной с ним художественности чеховского письма. По его мысли, Чехов «создал (для всего мира) формы писания», которых дотоле в нём не было, так что его «нельзя сравнивать с прежними русскими писателями – с Тургеневым, Достоевским» или с самим Толстым. «У Чехова своя особенная форма, как у импрессионистов» [4, с. 226, 228].

Существо стилиевой манеры Чехова попытался объяснить спустя много лет известный исследователь Б. М. Эйхенбаум. «Чехов, – писал он, – новеллист. Своими небольшими по объёму рассказами он стал достойным преемником больших эпических форм. (Он) ввёл в русскую литературу короткий рассказ» [6, с. 369], и его краткость принялась соперничать с пространно развёрнутыми и прежде устоявшимися в словесном искусстве жанрами романа и повести, являя собою принципиально «новое и более совершенное изображение действительности», так что «всё написанное до Чехова стало казаться старомодным – не по темам, а по методу» [6, с. 369].

В художественное письмо писатель вкладывал всю силу и мощь своего природного дарования, но при этом никаких особых усилий с его стороны не ощущалось. Его изложение, словно исповедание, текло непринуждённо и свободно, без явных следов насилия автора над самим собой и над словом, которому предстояло выпестовать основание и содержание рассказа. Оно будто исходило из него самого и лилось легко, как туго скрученный ручей вольно вытекает из родниковых недр земли: журчит и светло и прозрачно сворачивается ключиком на каменистом дне воронки. Так стихийно творили в поэтическом искусстве Пушкин, в мире музыки Моцарт, а в жанровой форме прозаического рассказа – Чехов. И оттого, что бытовых зарисовок у последнего было великое множество (Чехов создал свыше 565 рассказов и повестей), и оттого, что писатель охватывал ими самые разные стороны жизни, он сумел воссоздать всё нравственно-психологическое состояние своей эпохи. Чеховские новеллы, изображая в мелочах и подробностях обыденно-будничное, заключали в себе мысль, существенно глубокую и художественно значимую, так что по своему эстетико-образному охвату реальности они совокупно могли соперничать со многими крупножанровыми творениями своего времени (в частности, с повестями и романами Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова), работа над которыми нередко занимала целые годы.

В сжатой форме слагался и слог изложения у Чехова. Скажем, Мопассану понадобилась сюжетно развёрнутая новелла, чтобы описать в ней всё волшебство сияющего вечернего неба («Лунный свет»),

а Чехов одним образным мазком изображал схожую картину мира, упомянув в ней разве что о «горлышке от разбитой бутылки» на середине пруда. Мопассан, а ещё пуще Тургенев или Флобер стали бы непременно в подробностях говорить о бурном чувстве радости, какое испытал физически крепкий и в душе здоровый человек после того, как ему посчастливилось выпутаться из трагико-драматической ситуации. Герою же чеховского рассказа «Волк» достаточно было крепко встряхнуть перила, чтобы выказать в себе всю силу и веру, что ему ещё суждено пожить на свете.

Чеховская новелла внутренне иронична. Писатель раздумчиво усмехался на разные темы и по поводу разных бытовых явлений, отчего сразу становился интересен и притягателен в своей сочувственной усмешке. Вот его «злоумышленник», не подозревая мирской беды, простодушно откручивает на железной дороге гайки, которые он в качестве «грузила» собирает использовать на реке при ловле пескарей; а вот полицейский Пришибеев, ревниво и слепо преданный дисциплинарным предписаниям, по делу и без дела разгоняет собирающихся на улице людей. В другой новеллистической зарисовке в смешном виде предстаёт «тонкий»; обременённый семьёй и низким положением в обществе, он уничижительно-раболопно лебезит при встрече с высоко поднявшимся по социальной лестнице «толстым», бывшим своим товарищем по гимназии. И, конечно, вызывает горестную усмешку несмышлёный мальчик Ванька Жуков, который в свои девять лет подневольно живёт в «людях» и теперь собирается поискать приют у своего дедушки, для чего и решился написать ему «на деревню» письмо, которое никогда и никуда не дойдёт.

У Чехова всё: безысходно печальное и откровенно светлое – всё, как в ежедневном бытовании, естественно смешивалось. В итоге складывалось мозаично пёстрое описание жизни – на разные темы, по разному поводу; и, кажется, ничто в нём не могло ускользнуть от пристального, всеобъемлющего ока автора: ни горестное, ни смешное. Извозчик Иона попробовал поговорить о своей душевной боли, вызванной смертью единственного сына, с господами, которых беспрестанно возит в коляске; но его никто так и не захотел послушать, и тогда он в конце дня решился поведать о своём горе лошади («Горе»).

Именно Чехову (совместно с Толстым и отчасти с Лесковым) суждено было править в конце XIX столетия литературный поток в русской культуре. Но толстовское «воскресение человека» через его «схождение вниз» по общественной лестнице, явившееся на самом исходе века, было разве что запоздалым ответом Достоевскому на роман «Братья Карамазовы», что был написан ещё в 1880 году и где человека, напротив, предлагалось «поднять» из скверны «болотной» до определённого социального уровня.

Чехов начинал с коротких юмористических рассказов. Они печатались в журналах «Стрекоза», «Осколки», «Будильник», «Зритель», «Москва».

И когда он собрался написать развёрнутую повесть «Степь», то почувствовал, что письмо нелегко даётся ему. Брату Михаилу он тогда писал: «Этот Квaziмода Лейкин приучил меня писать кратко, и теперь я вынужден переучиваться»¹ [5]. Краткая форма изложения потребовала в письме смысловой недоговорённости и подтекста; то, о чём в подробностях описывалось, скажем, в романном тексте, у Чехова, как правило, опускалось и предлагалось догадаться и досказать читателю. Тут, очевидно, положительно оказала на него воздействие подтекстовая стилиевая манера Вас. Слепцова, с повестями которого (в частности, с «Питомкой») он, непременно, был знаком.

Эволюция творческой мысли у Чехова складывалась стихийно, без напряжённых усилий, как бы вопреки тому, с чем обычно связывалась сложная писательская деятельность. Он писал легко и свободно – обо всём, что ему виделось и о чём думалось в пору юности, а затем и в жизни зрелой, и в итоге из-под пера выходило положительно неожиданное и совсем не схожее ни с каким практическим делом иного, самого крупножанрового и расчётливо настроенного труженика в литературе. В своих коротких рассказах Чехов охватил и объял самые разные стороны мирского бытия. Причём каждая его новелла несла в себе нечто обыденное, расхоже-бытовое, неотъемлемое от «сердца и печени» текущей жизни. И, как обычно велось, в сюжетное известие, выговоренное из простого случая, неприметного происшествия, а то и вовсе из естественного намерения, чихания и насморка, привносилась мысль-идея, глубинно значительная и душевно притягательная. Чехов, будто по Рабле, выговаривал в образной мелочи существо сущего в человеке и его мире.

В ранних рассказах («Хирургия», «Канитель», «Злоумышленник», «Экзамен на чин», «Налим»), предельно насыщенных раздумьем и юмором, «искра смешного» высекалась из несовместимости мнений, представлений, застывших форм поведения, системы понятий и правил. Смешное в них, как писал исследователь О. А. Платонов, создавалось не-суразностями мышления, пустыми претензиями, безуспешными потугами подогнать под какой-либо шаблон непредвиденную сложность жизни [3, с. 1042].

Переломным явлением стала повесть «Степь» (1888). В ней описание природы объёмно совмещалось с картиной мира, где образно вырисовывалась портретно схваченная характеристика героя, его эмоциональное содержание и отношение к сущему.

В 1890-е годы Чехов описывает иллюзии и заблуждения людей, их неадекватные поступки, несостоятельность жизненных программ («Скрипка Ротшильда», «Попрыгунья», «Учитель словесности», «Убийство»).

¹ Н. А. Лейкин, редактор-издатель юмористического журнала «Осколки», требовал от автора 100–120 строк – и не больше; 121-я строка вычёркивалась и не оплачивалась.

На исходе 1890-х годов писатель показывает иллюзорность, непрочность, казалось бы, бесспорных и общепризнанных жизненных программ в труде, семье, приобщении к искусству. Врагами человека оказываются его пошлость, царящие вокруг обывательские порядки и нравы («Маленькая трилогия», «Ионыч», «Гусев» (1898)); ранее в этом ключе была написана повесть «Палата № 6» (1892).

Герои чеховского мира сходятся в общем кругу вследствие своих обыденных бытовых иллюзий и заблуждений, но ещё более через болезненно неуклонное устремление к «настоящей правде». А критерием её становятся постоянно теснившиеся в человеческом сознании «вопросы о жизни». На этой почве возникло известное расхождение Чехова со Львом Толстым. Их свидание состоялось в 1894 году. Последний предлагал в миру «простую истину», общую для всех (она – в жизни по совети). Чехов возражал ему, настаивая, что существует множество случаев и обстоятельств, которые непредвиденно осложняют эту истину, делают её неспособной объять всё абсолютное и универсально предписанное («Дуэль», «Жена», «Три года»).

Смысловую организацию чеховского творчества образуют поэтические составляющие языка и стиля:

- утончённо идущий изнутри психологизм чувственной мысли;
- точно выверенное слово, его предельно естественное положение в синтаксическом строе;
- совмещение утончённого психологизма с метафорической образностью, что, собственно, и обуславливает философско-психологический лиризм в тексте.

Чехов постарался отмежеваться от многих устоявшихся в литературе норм и представлений. В частности, он решительно отказался от явления в русской жизни «маленького человека», которого, начиная с Пушкина и заканчивая Лесковым, с заботливым сочувствием оберегала и защищала предыдущая отечественная словесность. «Да брось ты петь (ему) аллилуйю, – писал Чехов брату Александру, – он давно поизносился, стал не “маленьким”, а “мелким”, так что в общении с ним и в самом деле можно разве что посмеяться» [5] («Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий»).

На исходе 1880-х годов Чехов оставляет своё пристрастие к ироническому письму, всё более склоняясь к «хмурой» раздумчивости в бытовом жизнеописании. Его герой появляется в безбрежности жизненно большого и обыденно текущего. Так рождаются составляющие художественного принципа, определяющие человека в мире, человека в его истории, и возникают извечно тревожащие его сознание вопросы: что есть человек? Куда и с чем он идёт (или собирается идти)? И такая чрезмерно чувственная к существу мысль оформляется и в прозе, и в драматургии.

Одновременно с новеллами «Счастье» (1888), «Студент» (1894), «Попрыгунья» (1896) были написаны драмы «Иванов» (1888), «Чайка» (1894), «Дядя Ваня» (1896). Именно тогда пьесы Чехова стали репетировать во МХАТе, в частности, на его подмосковной летней сцене в Пушкино. Основание драматургического сюжета в творческом стиле писателя очерчивалось, как правило, изломами искусно выработанной им прежде жизненной неожиданности.

В этот, второй, период своей творческой жизни (1888–1896) окрепший в стилевом отношении писатель заговорил о естественном в чувствах и мыслях человека. В новелле «Счастье» к старику, пасущему в степи овец, подъехал молодой объездчик, и они заговорили о кладах. Когда объездчик уехал, старик неожиданно произносит вслух: «Вот кончу осенью пасти овец и тоже начну копать. Я знаю, где клад спрятан». А мальчик-подпасок простодушно теребит его за рукав, с пробудившейся любознательностью спрашивает: «Дед, а дед, а зачем тебе клад?» – «Мне-то? – осуждающе возражает дед. – Гм! Только бы найти!..» И вдруг первый раз в жизни он серьёзно и глубоко задумался: в самом деле, зачем ему клад, когда жизнь его прожита; не сегодня-завтра он помрёт, и этому естественному исходу его никто не удивится; богатство-то, счастье нужно молодым...

Заметим, на близком знакомстве с содержанием чеховских новелл «Налим» и «Счастье» художественно рос, философически прозревал Эрнест Хемингуэй, поднявшийся в избранной теме от незадачливого газетного наброска (очерк «На голубой струе», 1936) до библейски значащей повести-притчи «Старик и море» (1952), где с образной простотой и мудростью высветилась вся подвижническая судьба человека в его извечном борении с силами природной стихии. Старый рыбак Сант-Яго, окружённый в морской пучине акулами, говорит себе и миру: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение, человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Счастье, по Чехову, что вода в бредне: тянешь – надулось, вытащишь – пусто, всё протекло... Счастье – в добре, повернутом лицом к другому, а не к себе самому; оно – в малом, обыденном деле, если соотнести его в миру с полезно-необходимым; и оно безвозвратно отодвигается, если принцип мирской этики, извечно выработанный традицией, нарушается.

В рассказе «Попрыгунья» счастливым был Дымов, когда лечил людей и писал диссертацию по лечению двенадцатиперстной кишки. Но его небо опрокинулось, когда он догадался, что жена перестала быть ему верной, и когда он сам (по забывчивой неосторожности) прикоснулся ртом к ранке у заражённого дифтеритом пациента. Очень счастливой считала себя вначале и его Ольга Ивановна, старавшаяся окружить себя «значительными» людьми (телеграфистом; художником, ездившим на Волгу писать этюды). Но она была потрясена, когда узнала, что самым значительным в её кругу

был муж; и это ей стало известно, когда надо было позвать старушек из богадельни, чтобы они обмыли бездыханное тело близкого человека.

Ведущей темой чеховских новелл становится обыденное в жизни, обыкновенное в истории человеческой... Воображение писателя занимают не дающие покоя вопросы: что в миру происходит? На чём он держится?.. Исследовательские границы Чехова раздвигаются на всё сущее. Его этическую составляющую попробовал измыслить юный послушник духовной семинарии Иван Великопольский в рассказе «Студент», когда ранней весной, голодный и озябший, добирался с охотничьей тяги в свою деревеньку. «Проживи человечество ещё тысячу лет, – думал он, – а ничего на свете не изменится; всё так же будет дуть ветер, который дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и так же людям будет голодно, холодно и неудобно».

Но вот в поле забрезжил свет; студент, протягивая озябшие руки к огню, в котором старуха с дочерью пекли картошку, заговорил о том, что вот так же некогда грелся у костра во дворе синагги апостол Пётр, только что отказавшийся от Учителя, и плакал. На тайной вечере Иисус сказал ему: «Не прокричит и петел, как ты трижды отречёшься от меня». Студент, сказывая древнюю историю, заметил, как по щекам старухи Василисы потекли слезы, а Лукерья, забитая нуждой и мужем, вся переменялась в лице, и у неё нервически вздрогнули уголки губ. И Великопольский подумал: есть ведь в жизни нечто незыблемое и вечное, что несёт в себе истину, красоту и добро. Он снова шёл полем, но ветер более не казался ему холодным и жёстким, как прежде.

Во втором периоде Чеховым были написаны «Скучная история» (1889), «Палата № 6» (1892), «Три года» (1895), «Дом с мезонином» (1896), «Моя жизнь» (1896). Теория «малого дела» (нести в народ культуру, устраивать земские аптечки, открывать школы и библиотеки, помогать бедноте), обозначенная героями Чехова (Лаптевым, Мисюсь, Полозневым), совмещается теперь с мыслью о беспросветно скучном и сером в русской жизни. Критики (А. М. Скабичевский, Р. И. Сементковский) называли писателя «певцом сумеречной России», тогда как он, по-справедливому уточнению, сделанному уже в XX столетии М. П. Громовым, изображая бытийное состояние мира, показывал «сумеречное в России» [1, с. 81]. И всё это выносилось утончённо выписанным психологизмом на высочайший уровень всеохватывающего большого письма.

1 января 1897 года издатель И. Л. Леонтьев (Щеглов) благодарил Чехова за повесть «Моя жизнь»: «Вот она, госпожа литература, в её настоящем виде». Оценка повести была так же восторженно поддержана Ильёй Репиным; 13 декабря он писал автору: «Какая простота, сила, неожиданность; этот серый, обыденный тон, это прозаическое мирозерцание является в таком новом увлекательном освещении ... А какой язык! – Библия» [5, т. 10, с. 378].

В третий период творчества (1896–1904) Чехов, словно выбираясь со своими героями из «подполья» Достоевского, которое неотступно ощущалось ими дотоле, начинает присматриваться к очертаниям социально-общественной жизни. Точнее, он совмещает «психологическое подполье» в человеке с его отношением к жизни, жизненному потоку, его истории. В литературе он делает то же, что и Вл. Соловьёв в философии, обдумывавший существо и направление человеческой истории и истории мироздания в целом. В чеховском сознании закрепляется формула: человек в истории, человек против истории. С нею неотъемлемо-стихийно связываются три вопроса, определяющие хождение человека в земной жизни: ему, конечно, надо идти, но куда? С чем? И зачем?.. На эту тему написаны трилогия «О любви» («Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви»; 1878), новеллы-повести «Дама с собачкой» (1899) и «В враге» (1900).

Положения, выработанные в прозе, становятся сюжетообразующими в драматургии. Чехов написал пять пьес (три во втором периоде и две на исходе жизни), и этого оказалось достаточно, чтобы заявить ими о явлении чеховского театра в русской культуре и культуре мировой¹.

Главным в пьесах Чехова было не то, что обсуждали вслух его персонажи, а то, что было недосказано, недоговорено ими. Они могли есть, пить, спать, говорить, спорить, молчать, а в это время, вопреки их воле, связывались и рушились их судьбы. На этом положении всё исполненное подтекста, сюжетное действие в чеховском произведении. Человек у Чехова был поставлен не против другого человека, как у Островского, а против истории, жизни, жизненного потока в целом. Формула драматургической коллизии, составленная Островским (человек – человек), была на исходе века вытеснена чеховской (человек – история, человек – жизнь; человек в истории, человек в потоке жизни).

Мыслью-идеей о драматизме повседневного бытия нагружены все пьесы Чехова. Иванов (в одноимённой драме) не излечит свою жену и не излечится от духовного недуга сам; Нина Заречная в «Чайке» станет со временем хорошей актрисой, но ей не дано обрести высокую славу Аркадиной, ибо её судьба (по Тригорину) – не более чем сюжет для небольшого рассказа; а дяде Ване в драме с тем же названием (Ивану Петровичу Войницкому) до конца дней суждено трудиться под небом, усыпанным Сониными «алмазами», и по-прежнему посылать деньги в Харьков, где в университете читает лекции по искусству его шурин – профессор Серебряков, ничего не понимающий в искусстве.

¹ Заметим, у А. Н. Островского, создавшего русскую театральную жизнь, 47 пьес, но его сегодня почти не ставят ни у себя дома, ни за рубежом, тогда как чеховскую драму с почтением принимают во всех странах мира, отмеченных сколько-нибудь духом современной цивилизации.

Это было совершенно новое драматургическое видение театральной сцены и того, что происходит на ней. Оно основывалось на эстетическом единстве персонажей на сцене и в жизни. Все герои драмы (Любовь Раневская, Гаев, Лопахин, Петя Трофимов, всеми забытый в запертом доме Фирс, женщина без паспорта и определённых занятий Шарлотта Ивановна) «Вишнёвый сад» (по Чехову – комедии: комически-неприметно, без доли сопротивления сходит с жизненной сцены старое дворянство, так что главное событие, связанное с продажей вишнёвого сада, происходит где-то за сценой), эстетически уравновешены, так что каждому предписана своя роль, упразднение которой вызовет ощущение неполноты сущего мира.

Чехов не допускал деления героев на положительных и отрицательных, о чём он убеждённо говорил начинавшему в театральной жизни Горькому, показавшему ему в 1901 году первую свою пьесу «Мещане». По мысли Чехова, нет на земле людей идеальных, а есть люди живые, которых и следует показывать сценично. Совершенный человек, о котором грезил Горький, может появиться на свете, но не сегодня и не завтра, а лет эдак через сто-двести, быть может, даже через тысячу лет. И снисходительно добавлял: «Непременно появится». Доктор Астров в «Дяде Ване» отзывчиво лечит людей; но у него ещё есть замечательное хобби: он любит сажать леса. «Посадит деревце, – говорит об Астрове влюблённая в него Соня, – и загадывает: а что станет с ним через тысячу лет?..»

Чехов непринуждённо, но устойчиво соотносил свою художественную мысль с философическим психологизмом. «Он трезвее, чем я, в литературе», – говорил о нём Лев Толстой. Чехов был убеждён, что историю мирскую не надо подталкивать, чтобы она текла быстрее и рельефнее; но не следует её и искусственно придерживать; пусть движется, как ей предписано. В этом он решительно расходился с Горьким, который пришёл со своими героями в мир, чтобы не соглашаться с ним: не соглашаться – значит, «переворотить» всё сущее окрест («Макар Чудра», «Емельян Пиляй», «Челкаш»).

Впрочем, дыхание близко подступившего нового времени ощущалось и Чеховым. В рассказе «Невеста» (1903) девушка перед свадьбой отказывается от жениха, уезжает в город, где, по её представлениям, у неё будет другая жизнь и другие сложатся интересы, более содержательные, чем в семье... Тогда время подталкивало многих писателей к пересмотру уже сложившихся в их творчестве воззрений. Толстой, откровенный противник героического в середине своего века («Война и мир»), пишет в 1905 году героическую повесть «Хаджи Мурат».

Подоспевшее трагическое столетие настойчиво выдвигало новые темы, идеи, новое художественное письмо. В историю активно подался русский, искавший в общем социально-мировом деле праведность и

достойное положение не только для себя, но и для всего человечества. Возникла новая рабоче-крестьянская литература, и новоклассическое, высокосовершенное чеховское письмо незабвенно и поучительно помогло её становлению.

Чехов писал жизнь, образно изображая её бытие в истории России...

У Чехова-новеллиста учились многие, предпочитавшие в литературном творчестве развёрнутые жанровые формы, писатели XX века. Его воздействие испытывали Горький и Шолохов, А. Н. Толстой и Леонид Леонов; но особенно близко к стилевым очертаниям его письма склонялись Твардовский и Евгений Носов.

Взыскующе-мятежная совесть Достоевского и не менее мятежная и взыскующая у Толстого совместится к исходу столетия с болезненным спросом-гореванием о всемирском состоянии человека у Чехова. Но в наступившем XX веке вся эта этическая библия неожиданно опрокинется, обернувшись полным отрицанием социально-духовного сущего в творчестве Горького и жестокой местью за происходящее в трагической прозе Шолохова.

Список литературы

1. *Громов М. П.* Книга о Чехове. – Москва : Современник, 1989. – 384 с.
2. *Залевский К.* Поэт жизни : (к двадцатипятилетию литературной деятельности А. И. Куприна) // Вестник Европы, 1915, [кн. 1], январь. – Петроград, 1915. – С. 302–318.
3. Святая Русь. Русская литература : большая энциклопедия русского народа / [гл. ред. и сост. О. А. Платонов]. – Москва : Институт русской цивилизации, 2004. – 1101 с.
4. *Сергеенко П. А.* Толстой и его современники : Очерки : Герцен, Некрасов, Достоевский, Тургенев, Лесков, Чехов, Брайан, И. Кронштадтский, Толстой и дети. – Москва : В. М. Саблин, 1911. – 283 с.
5. *Чехов А. П.* Собрание сочинений : в 15 томах / [сост. О. Дорофеев]. – Москва : Терра, 1999–2000. – Том 10 : Рассказы, повести, 1894–1898. – 1999. – 382 с.
6. *Эйхенбаум Б. М.* О прозе : сборник статей / [сост. и подгот. текста И. Ямпольского ; вступ. статья Г. Бялого, с. 5–20]. – Ленинград : Художественная литература, 1969. – 503 с.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА В РЕЦЕПЦИИ В. В. РОЗАНОВА, А. М. ГОРЬКОГО, А. А. ЗОЛОТАРЁВА

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-76-86>

Елена Алексеевна ФЁДОРОВА,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики коммуникации факультета филологии и коммуникации Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, *ORCID: 0000-0001-7756-2499*, e-mail: *sole11@yandex.ru*

Светлана Александровна БЕСОГОНОВА,

магистрант 1-го курса факультета филологии и коммуникации Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, *ORCID: 0000-0003-4585-6745*

Аннотация: Целью статьи является исследование поэмы «Великий инквизитор» Ф. М. Достоевского как претекста повести «На чужой стороне» (1910) А. А. Золотарёва, писателя, который входил в товарищество «Знание» и каприйский кружок А. М. Горького. Художественная рецепция поэмы «Великий инквизитор» интересна тем, что Золотарёв в повести отразил размышления человека начала XX века о судьбе России. Писатель вступает в полемику с Розановым и Горьким как интерпретаторами поэмы «Великий инквизитор». Для Горького в поэме Ивана Карамазова главным является идея о необходимости сильной власти для слабого человека, для Розанова – ненужность искупления из-за слабости человеческой природы, неверия в Бога и человека. Золотарёв включает размышления о поэме в речь героя повести – польского ссыльного пана Юлиуша, обращённую к русскому ссыльному Ветрову. Пан Юлиуш стремится своему юному слушателю указать на опасности, подстерегающие русский народ, при этом он использует те же воздействующие тактики, что и Великий инквизитор. Воссоздаётся евангельская прецедентная ситуация, которая переосмысливается Золотарёвым: поцелуй Пленника соотносится с поцелуем Иуды. Полемизируя с Розановым и Горьким, Золотарёв возвращается к мысли Достоевского о том, что проявление истинной свободы человека – это вера в Бога. Поэме об инквизиторе противопоставлена легенда об апостоле Петре, который добровольно принимает мученичество за веру. Вместе с тем Золотарёв призывает русский народ не возвышаться над другими народами, а стремиться к славянскому единению, веру соединять с научным знанием и любовью к Отечеству.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. М. Горький, В. В. Розанов, А. А. Золотарёв, Великий инквизитор, рецепция, мифологизация.

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы»).

Для цитирования: Фёдорова Е. А., Бесогонова С. А. Мифологизация образа великого инквизитора в рецепции В. В. Розанова, А. М. Горького, А. А. Золотарева // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 76–86. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-76-86>

MYTHOLOGIZATION OF THE IMAGE OF THE GRAND INQUISITOR IN THE RECEPTION OF VASILII ROZANOV, MAKSIM GORKY, ALEKSEI ZOLOTAREV

Elena A. Fedorova, D.Sc. in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Communication Theory and Practice, the Faculty of Philology and Communication, the P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, *ORCID: 0000-0001-7756-2499, e-mail: sole11@yandex.ru*

Svetlana A. Besogonova, undergraduate at the Faculty of Philology and Communication, the P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, *ORCID: 0000-0003-4585-6745*

Abstract: The purpose of the article is research the poem “The Grand Inquisitor” by Fedor Dostoevsky as a pretext of the story “In another country” (1910), Aleksei Zolotarev, the writer who was part of the circle of Knowledge and Maksim Gorky’s Capri circle. The artistic reception of the poem “The Grand Inquisitor” is interesting because in his story Zolotarev reflected the man’s reflections of the beginning of the 20th century about the fate of Russia. The writer enters into a polemic with Vasilii Rozanov and Gorky as interpreters of the poem “The Grand Inquisitor”. For Gorky in the poem of Ivan Karamazov the main idea is the need for strong power for a weak person, for Rozanov the main idea of this poem is the uselessness of redemption because of the weakness of human nature, disbelief in God and man. Zolotarev includes reflections on the poem “The Grand Inquisitor” in the speech of the hero of the story, the Polish exiled Pan Julius, addressed to the Russian exiled Vetrov. Pan Julius seeks to point out to his young listener the dangers that lie in wait for the Russian people, while he turns to the same influencing tactics as the Grand Inquisitor. The evangelical precedent situation is recreated, which is reinterpreted by Zolotarev: the kiss of the Captive is correlated with the kiss of Judas. Zolotarev polemics with Rozanov and Gorky and returns to Dostoevsky’s idea about the manifestation of true human freedom is faith in God. The poem about the Inquisitor is contrasted with the legend of the Apostle Peter, who voluntarily accepts martyrdom for the faith. At the same time, Zolotarev calls on the Russian people not to rise above other nations, but to strive for Slavic unity, to unite faith with scientific knowledge (Prometheus Fire) and love for the Fatherland.

Keywords: Fedor Dostoevsky, Vasilii Rozanov, Maksim Gorky, Aleksei Zolotarev, Grand Inquisitor, reception, mythologization.

Acknowledgements: The publication was supported of Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-012-90036 “Dostoevsky in middle and high school: problems and new approaches”).

For citation: Fedorova E. A., Besogonova S. A. Mythologization of the image of the Grand Inquisitor in the reception of Vasilii Rozanov, Maksim Gorky, Aleksei Zolotarev. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 76–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-76-86>

Поэма «Великий инквизитор» («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского) до сих пор привлекает внимание многих исследователей не только в России, но и за рубежом [см.: 24; 25].

В. Е. Хализев в своё время отметил, как происходит мифологизация Ивана Карамазова и его идей [20]. Во многом это объясняется игнорированием авторской позиции в романе. В. Е. Ветловская, размышляя о роли автора в этом романе, сравнила «Братья Карамазовы» с философско-публицистическим ораторским произведением, где авторская оценка имеет первостепенное значение [4, с. 402–408]. В. Н. Захаров указал на то, что автор вовлекает читателя в процесс познания и приобщает к идее всеобщей ответственности за мировое зло [9, с. 139, 143]. Однако некоторые современные исследователи отождествляют авторскую точку зрения с позицией Великого инквизитора [2, с. 17]. В связи с этим интересна рецепция поэмы «Великий инквизитор» А. А. Золотарёвым и стремление этого писателя возразить тем, кто принимал участие в мифологизации Ивана Карамазова в начале XX века, – В. В. Розанову и А. М. Горькому.

Алексей Алексеевич Золотарёв (1879–1950) – писатель, религиозный мыслитель, наследник идей русского космизма, последователь Н. Ф. Фёдорова. Личность этого своеобразного мыслителя формировалась в традициях глубокой русской духовности и религиозности. Сын священника, который служил сначала в Георгиевской церкви, а затем в Спасо-Преображенском соборе Рыбинска, он учился в Киевской духовной академии, а затем на естественном факультете Петербургского университета. В Киеве он познакомился с учением Ф. Ницше и с марксизмом, что произвело на него сильное впечатление и сделало невозможным дальнейшее пребывание в академии. В атмосфере общественного брожения в России рубежа веков он включился в революционное движение, стал членом РСДРП, вёл революционную агитацию, что повлекло за собой аресты и ссылки. Однако религиозные ценности Золотарёв пронёс через всю жизнь, они стали залогом того, что он достойно преодолел все испытания. Золотарёв, наряду с Н. П. Анциферовым, активно участвовал в краеведческом движении в России, был подвижником, учредил в Рыбинске городской архив, картинную галерею, зоологический музей. Кроме того, в 1920–1929 годах Золотарёв в Рыбинске проводил Всероссийские съезды краеведов. Два его брата (Давид, известный этнограф, и Сергей, педагог-филолог) были репрессированы и погибли в лагерях. Сам Алексей Золотарёв был арестован в 1930 году по делу Академии наук над историками («дело С. Платонова – Е. Тарле»), архивистами и краеведами (Н. П. Анциферов) и отправлен в ссылку [1].

В своей автобиографии Золотарёв вспоминает, как познакомился с Горьким осенью 1907 года на Капри, а затем как вместе с братом Николаем приехал к Горькому в Италию летом 1908 года, где пробыл

до весны 1909 года. В первый приезд к Горькому Золотарёв написал повесть «В старой Лавре», в которой отразил свои впечатления от пребывания в Киево-Печерской Лавре [10, с. 55–56]. Горький в это время работал над повестью «Исповедь», в которой получили отражение его богостроительские идеи. Во второй приезд на Капри Золотарёв написал повесть «На чужой стороне», в третий – с лета 1911 до конца 1913 года – им была написана повесть «Во едину из суббот». Все эти произведения были опубликованы Горьким в сборнике товарищества «Знание». В повестях Золотарёва нашли отражение главные проблемы, о которых спорили на Капри в кругу Горького [10, с. 11].

Золотарёв знал реакцию Розанова на повесть Горького «Исповедь»: в своей статье богостроительские идеи Горького критик сопоставил с концепцией Ставрогина о народе-«богоносце» и приписал эту мысль самому Достоевскому: «“Обожение” русского народа, выраженное Максимом Горьким в его “Исповеди”, повторяя отчасти славянофилов, отчасти Гоголя, главным образом и почти буквально повторяет известное исповедание Достоевского, вложенное им в уста Николая Ставрогина в романе “Бесы”». Вот отрывки из этого исповедания, как передаёт их иступлённый Шатов, ученик Ставрогина: “... Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала и до конца” ... “Единый народ-богоносец – это русский народ, которому даны ключи жизни и нового слова и который гряде обновить и спасти мир” ... Как известно, сам Достоевский конец жизни своей веровал совершенно по Ставрогину и его “Дневник писателя”, как равно и оставленные заметки в “Записной книжке”, свидетельствует о безудержии этого исповедания» [16].

Розанов в своей работе о «Великом инквизиторе» видит в творчестве Гоголя и в произведениях Достоевского движение к небытию: «Мёртвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мёртвые души увидал он в ней» [15, с. 20]. Сравнивая слова Достоевского из Пушкинской речи («Разве может человек основать своё счастье на несчастье другого?») и слова Ивана Карамазова о слезинке ребёнка, Розанов делает вывод: «Из этого сопоставления очевидно, что всё, что говорит Иван Карамазов, – говорит сам Достоевский» [15, с. 66]. Идеи героев Достоевского – Парадоксалиста, Раскольников, Великого инквизитора – Розанов приписывает самому автору [12, с. 106]. Объясняется это, видимо, тем, что Розанов признаёт слабость человека, как Великий инквизитор.

Вместе с тем Достоевский в письме Н. А. Любимову от 11 июня 1879 года выражает отрицательное отношение к идеям инквизитора, называя их «идеалом насилия над человеческой совестью и низведения человечества до стадного скота» [8, с. 68]. Можно проследить, как создаётся образ будущего Великого инквизитора в «Дневнике писателя» Достоевского 1876 года:

за основу берётся образ современника писателя Дона Карлоса, в котором «виден Великий инквизитор» (статья «Дон Карлос и сэр Уаткин»). В статье «Сила мёртвая и силы грядущие» Достоевский размышляет о третьем искушении Христа в пустыне и соотносит это с католицизмом, с догматом о непогрешимости папы римского. Предшественником Великого инквизитора является и Версилов, герой романа «Подросток», как гуманист и атеист, произносящий речь о человечестве без Бога и не верящий в любовь к конкретному человеку [7, с. 88–97].

В зарубежной науке предпринималось исследование манипулятивных тактик в произведениях Достоевского «Вечный муж» и «Кроткая» [23], однако в поэме «Великий инквизитор» также можно обнаружить приёмы манипуляции. Достоевский в речи Великого инквизитора использует приёмы когнитивного воздействия [11; 13], речевого манипулирования [17], которые Розанов игнорирует. Великий инквизитор манипулирует образами («камни-хлебы»), а также осуществляет семантическую редукцию. В начале своей речи к Пленнику Великий инквизитор обращается к тактике ослабления коммуникативной позиции: «Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде» [6, с. 228]. Затем герой поэмы Ивана Карамазова переходит к тактике неправомерной генерализации: «Всё, что ты возвестишь, посягнёт на свободу веры людей, ибо явится как чудо» [6, с. 229].

Инквизитор напоминает о праве, которое было дано Церкви, – отпустить или оставлять грехи (Евангелие от Матфея 16:19), и он переносит это право в разряд универсального закона, то есть использует тактику подмены понятий: «Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь» [6, с. 229].

В речи Великого инквизитора происходит искажение причинно-следственных связей: «Знаешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные ... На месте храма твоего воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но всё же ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней!» [6, с. 230].

Великий инквизитор Ивана в своей речи создаёт образ «слабого» человечества, используя приём вживлённой оценки. Эпитет «слабый» в его речи постепенно превращается в имманентное свойство существительных «человек», «люди»: люди «не могут быть свободными, потому что они малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» [6, с. 231], «слабосильные бунтовщики» [6, с. 232], «человек слабее и ниже создан, чем ты о нём

думал», «он слаб и подл» [6, с. 233], «они слабосильны», «только жалкие дети» [6, с. 235].

Лексические доминанты «слабый» и «бунтующий», использованные по отношению к человеку, позволяют Великому инквизитору оправдать сильную власть, «чудо, тайну и авторитет», которые, как он убеждён, должны управлять человечеством. Слово «тайна» берётся из Библии, но оно содержит неопределённое значение, которое ведёт Инквизитора к признанию, что он следует за антихристом: «мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна» [6, с. 234].

Иван Карамазов пытается доказать своему брату, что его герой несёт истину, однако Алёша Карамазов понимает, что картина мира брата искажена. Слушатель Ивана почти сразу обнаруживает тактику подмены понятий, и автор поэмы вынужден с ним согласиться: он подхватывает слова Алёши «одно вместо другого». Когда Великий инквизитор стремится умалить образ человека с помощью иронии («Но вот ты теперь увидел этих, свободных людей ...»), Алёша уточняет: «Он иронизирует, смеётся?» [6, с. 229]. После слов о «тайне, чуде и авторитете» Алёша разоблачает героя поэмы Ивана: «Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет!» [6, с. 238]. Однако для Алёши главным является то, что происходит в душе брата, поэтому «горестно» он восклицает: «Ты не веришь в Бога!», «Как же жить-то будешь, чем любить-то их будешь?.. С таким адом в груди и в голове разве это возможно?» [6, с. 239]. Алёша резюмирует: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула ... как ты хотел того» [6, с. 237], и отвечает на поэму брата другим текстом – житием старца Зосимы. В настоящее время исследователи проводят параллель между этими двумя текстами и обнаруживают их перекличку на лексико-семантическом уровне [19].

Думается, что композиционное расположение частей (сначала поэма Ивана, затем житие старца Зосимы) отвечает основной авторской стратегии: мировосприятие Алёши, основывающееся на вере и исходящее из традиционных христианских представлений о добре и зле, не противоречит мировосприятию самого Достоевского, согласно которому вера человека в Бога есть проявление истинной его свободы.

Следует заметить, что хронологически чудесные события в поэме Ивана Карамазова изложены в обратном порядке, в отличие от Евангелия: сначала исцеляется слепой старик, а затем – девочка. Наблюдаются различия на сюжетном уровне: в поэме Карамазова слепой сам просит Христа о помощи, в Библии – его приводят к Спасителю. В поэме воскресшая девочка достигла семи лет [6, с. 337], а в Евангелии от Марка сообщается, что девочке двенадцать лет (Марк, 5:42).

Золотарёв воспринял поэму «Великий инквизитор» во многом через призму размышлений Розанова, поэтому поэма называется в повести «легендой», Россия объявляется страной Мёртвых Душ и Мёртвых Домов.

Но самое большое влияние на Золотарёва оказало восприятие «Великого инквизитора» Горьким. «Поэма о Великом инквизиторе», пожалуй, единственное из всего написанного Достоевским, о чём Горький никогда не высказывал отрицательных суждений и даже выделял поэму, отзываясь о ней не просто «положительно», но с явным, нескрываемым восторгом. Уже в начале своего творческого пути (в 1899 году) в письме А. П. Чехову он говорил о поэме как о философской вершине всей русской литературы: «Как странно, что в могучей русской литературе нет символизма, нет этого стремления трактовать вопросы коренные, вопросы духа. В Англии и Шелли, и Байрон, и Шекспир – в Буре, в Сне, в Германии Гёте, Гауптман, во Франции Флобер – в Искушении св. Антония – у нас лишь Достоевский посмел написать “Легенду о Великом инквизиторе” – и всё!» [5, с. 163].

По мнению О. С. Сухих, «Горький не только не подвергал критике поэму “Великий инквизитор”, но восхищался ей и соотносил взгляды Великого инквизитора с социалистическим мировоззрением, причём не в отрицательном, как В. Розанов, а в положительном контексте» [18, с. 9]. В романе «Мать» Горького (1906), по мнению О. С. Сухих, как и в «Великом инквизиторе» Достоевского, происходит подмена веры, подмена самых существенных элементов её содержания [18, с. 92].

Следует отметить, что Золотарёв опирается на польскую литературную традицию [22]. Повесть «На чужой стороне» написана после ссылки Золотарёва в Нарымский край и содержит следы впечатлений от знакомства автора со ссыльными, среди которых было много поляков. В 1907 году в издании «Gazeta Polska» (№ 2–19) Золотарёв опубликовал сделанный им перевод фрагмента воспоминаний ссыльного поляка Шимона Токаржевского о Достоевском, с которым польский революционер познакомился на каторге [10, с. 872]. Эта публикация имела резонанс в журналах «Исторический вестник» и «Русская старина». Так, С. Н. Браиловский, ссылаясь на воспоминания Токаржевского, утверждал, что «Достоевский признавал, что во всём мире только один русский народ предназначен выполнить великую миссию» [3, с. 192]. Следует заметить, что некоторые пассажи из книги «Семь лет на каторге» свидетельствуют о том, что Токаржевский соединил воспоминания о Достоевском на каторге с более поздним восприятием «Дневника писателя» 1877 года: «... Раз он прочитал даже товарищам-полякам оду на прославление предполагаемого вступления победоносной русской армии в Константинополь» [3, с. 191]. Кроме того, в 1910 году в «Русской старине» появилась рецензия на публикацию воспоминаний Токаржевского Храневича, в которой ссыльные поляки, в том числе Токаржевский, были представлены религиозными мучениками. Так, например, Токаржевский вспоминает, как он вынес наказание ударами 500 палками, прижимая к себе икону Ченстоховской Божией Матери и не чувствуя боли [21].

Золотарёв включает размышления о поэме «Великий инквизитор» в речь героя повести, польского ссыльного пана Юлиуша, обращённую к русскому ссыльному Ветрову. По мнению Е. А. Осиповой, прототипом пана Юлиуша является Юлиуш Славацкий (1809–1849), с произведениями которого Золотарёв познакомился в ссылке. Так, в поэмах «Ангелли» и «Круль-дух» Юлиуша Славацкого утверждается идея мессианского назначения польского народа.

М. А. Ариас-Вихиль отмечает, что очерки Золотарёва «представляют собой совершенно особый жанр воспоминаний, характерный для религиозного сознания ... цикл “*Campro santo*” обладает чертами биографического исследования, агиографии, надгробных речей и молитв» [1]. Повесть Золотарёва также создаётся с ориентацией на агиографические произведения. Жилище ссыльного поляка рассказчик воспринимает как «келью», в описании пана Юлиуша есть сходство с иконографическим образом Иисуса Христа: «... измождённое, худое лицо пана Юлиуша, со впалыми, бледными щеками ... осунулось и побледнело, резко очерченные линии лица обострились, и почему-то казалось, что сейчас на него от бронзового распятия вместе с бледно-жёлтыми отсветами зари падают жуткие тени предсмертных мук и страдания ...» [10, с. 227–228].

Ветров, оказавшись в комнате пана Юлиуша, видит распятие на его стене и думает о том, что это только «сон и сказка земли». Точнее, это «шепнул ему на ухо кто-то, обледенив самую душу своим страшным дыханием» [10, с. 227–228]. Золотарёв воссоздаёт типичную для начала XX века ситуацию сомнения в вере. Страстная речь пана Юлиуша – это полемика Золотарёва с Горьким, Розановым и Достоевским. Авторская симпатия и положительная авторская модальность сопровождают речь ссыльного поляка. В чём же не согласен Золотарёв со своими предшественниками?

В речи ссыльного поляка звучат аллюзии к сочинению Розанова о «Великом инквизиторе»: само произведение называется «легендой», а не «поэмой», звучит мысль Розанова о «дьяволове водевиле» и приверженности материальному благу в современном мире. Герой Золотарёва использует тактику разоблачения: добровольное отречение от свободы, которая является «Божьим даром» и которую «в конце человеческой истории» «принесут к ногам Великого инквизитора», – это обман «Духа Небытия», который поворачивает историю человечества «задом наперёд» [10, с. 234–235].

В качестве контраргументации пан Юлиуш использует концепцию «Москва – Третий Рим». Он утверждает, что истину несёт в себе первый Рим: «Но кто же со стороны не разглядит, что всё то – одна спесь самого нового, по вашему счёту, Третьего Рима – Москвы – на первый, единый и вечный Рим ...» [10, с. 234–235]. При этом используется тактика умолчания, ведь католическая церковь ушла далеко от апостольской церкви,

а Достоевский был особенно возмущён догматом о непогрешимости папы римского. Далее пан Юлиуш обращается к образу Христа в «легенде» и использует риторические вопросы: «Или Христос вашей легенды – самый древний, самый подлинный? Вас, россиян, не соблазняет разве страшный Дух Небытия – подменить и подновить Христа по-своему? Разве вы выше, святее самого Христа?» [10, с. 235]. Так происходит ослабление коммуникативной позиции слушателя, русского ссыльного, подобно тому, как это делал Великий инквизитор, обращаясь к Пленнику.

После этого вступления герой Золотарёва воссоздаёт прецедентную ситуацию, описанную в начале поэмы Ивана Карамазова (вход Господен в Иерусалим), и называет её «подлинной, евангельской». К «собственному» русскому, считает пан Юлиуш, относится «исповедание веры наизнанку, веры Великого инквизитора в грядущий всемирный Покой и Смерть» [10, с. 236]. Это выражается в поцелуе Пленника. По мнению героя Золотарёва, за которым угадывается авторская точка зрения, в поэме происходит искажение евангельской прецедентной ситуации и подмена истины ложью: «Всемирного Христа целует Иуда и предаёт Его, а ваш российский легендарный Христос целует сам Иуду – и случись то когда-нибудь на земле, вся история воистину будет “дьяволов водевиль”» [10, с. 236].

Золотарёв полемизирует с Достоевским, призывая творить жизнь, а не переделывать старые легенды, ссылаясь на Геродота: «Легендами о бунтовщике-человеке с рабьей душой вы ни себя, ни людей не сдвинете вперёд ни на шаг» [10, с. 236–237], и отказаться от пассивности и смирения [10, с. 237].

«Легенде о Великом инквизиторе» герой Золотарёва противопоставляет апокрифическую легенду, описанную в романе Г. Сенкевича «Камо грядеши»: апостол Пётр после уничтожения многих христиан тайно покинул Рим, но встретил Христа и обратился к Нему с вопросом: «Куда идёшь, Господи?» На что Христос ответил: «Раз ты оставляешь народ Мой, я иду в Рим на новое распятие». После этого апостол Пётр вернулся в Рим и принял мученическую смерть [10, с. 874]. Герой Золотарёва говорит о мессианском назначении польского народа: «Мы, поляки, тоже славяне и такие же, если не больше вас, россиян, тайновидцы и мистики» [10, с. 237].

Речь пана Юлиуша, прославляющего польский народ, прерывается видением – в комнату, где отражается блеск «весенних вод и зорь», приходит Россия, и герой Золотарёва называет Россию, «страшную страну Мёртвых Душ и Мёртвых Домов» [10, с. 238], «живой» и просит Ветрова быть её «сыном», а не «рабом». Он призывает россиян к «тесному братству» с другими народами и, обращаясь к греческому мифу о спасении детей Хроноса его женой Реей, богиней земли, пророчествует о том, что «славянский мир тоже спасёт и помирят женщина» [10, с. 239].

Таким образом, Розанов отождествляет Великого инквизитора с самим Достоевским и обвиняет автора романа в неверии. Для Горького Великий инквизитор подобен ницшеанскому сверхчеловеку, который должен заменить Бога. В повести Золотарёва Великий инквизитор отождествляется с евангельским Иудой. Если Розанов воспринимает кульминацию поэмы – поцелуй Христа – как диалектику добра и зла, которая может увести человека от Истины, у Золотарёва – это «Евангелие наизнанку», то есть сознательная подмена Истины ложью. Можно согласиться с тем, что Золотарёв во многом предугадал события XX века, однако почвенническая теория Достоевского была воспринята писателем искажённо, поэтому он тоже внёс свою лепту в мифологизацию образа Великого инквизитора.

Список литературы

1. *Ариас-Вихиль М. А.* А. А. Золотарёв об «Исповеди» М. Горького : литературное краеведение (по материалам архива А. М. Горького) [Электронный ресурс] // Журнал Института Наследия. – 2015. – № 2. – С. 1–14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-zolotarev-ob-ispovedi-m-gorkogo-literaturnoe-kraevedenie-po-materialam-arhiva-a-m-gorkogo>
2. *Большаков Н. Н.* Великий русский «Инквизитор» души человеческой, или Опыт размышлений о смысле поэмы Ф. М. Достоевского «Великий инквизитор» // Наука о человеке : гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (27). – С. 16–21.
3. *Браиловский С. Н.* Достоевский в Омской каторге и поляки // Исторический вестник. – 1908, апрель. – С. 189–199.
4. *Ветловская В. Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». – Ленинград : Наука, 1977. – 201 с.
5. *Горький М.* Материалы и исследования. Том 2 / под ред. С. Д. Балухатого, В. А. Десницкого ; Академия наук СССР, Институт литературы. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1936. – 484 с. : ил.
6. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 томах. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972. – Художественные произведения. Том 14 : Братья Карамазовы. Книги 1–10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. – 1976. – 510 с.
7. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 томах. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972. – Публицистика и письма. Том 22 : Дневник писателя за 1876 год, январь–апрель. – 1981. – 407 с.
8. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 томах. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972. – Публицистика и письма. Том 30 (1) : Письма 1878–1881 гг. – 1988. – 451 с.
9. *Захаров В. Н.* Читатель как субъект повествования в «Братьях Карамазовых» // Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – Москва : Индрик, 2013. – С. 138–143.
10. *Золотарёв А. А.* Сатро сано моей памяти : Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Выска-

- звания современников / ред.-сост. В. Е. Хализев ; отв. ред. Д. С. Москвская. – Санкт-Петербург : Росток, 2016. – 960 с.
11. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 1. – С. 74–79.
 12. *Казакова Н. Ю.* Легенда о «Великом Инквизиторе» в интерпретации В. В. Розанова // Литературоведческий журнал. 2002. – № 16. – С. 103–108.
 13. *Низкая Н. С.* Методология речевого воздействия // Вестник Амурского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 46. – С. 102–104.
 14. *Осипова Е. А.* Россия и славянский мир : по повести А. А. Золотарёва «На чужой стороне» // Мир русского слова. – 2015. – № 4. – С. 65–72.
 15. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – Москва : Республика, 1996. – 702 с.
 16. *Розанов В. В.* О «народо»-божии как новой идее Максима Горького [Электронный ресурс] // Русское слово. – 1908. – № 289. – 13 декабря. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_o_narodo_kak_novoy_idee.html
 17. *Сковородников А. П., Копнина Г. А.* Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 36–42.
 18. *Сухих О. С.* Горький и Достоевский : продолжение «Легенды...» (мотивы «Легенды о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского в творчестве М. Горького). – Нижний Новгород : КИТиздат, 1999. – 143 с.
 19. *Ткаченко О. Ю.* Структура лексико-семантического поля моральной оценки в легенде о Великом Инквизиторе и житии старца Зосимы (результаты статистического анализа лексики эпизодов романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 7 (87). – С. 178–184.
 20. *Хализев В. Е.* Иван Карамазов как русский миф начала XX века // Ценностные ориентации русской классики. – Москва : Гнозис, 2005. – С. 356–368.
 21. *Храневич В.* Семь лет каторги. Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка [Электронный ресурс] // Русская старина. – 1910. – Том 141. – № 2. – С. 367–376 ; № 3. – С. 605–621. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-109/index.htm>
 22. *Шунков А. В.* Литературная традиция Ф. М. Достоевского в польской беллетристике (Ф. М. Достоевский «Записки из Мёртвого Дома» и Шимон Токаржевский «Семь лет каторги») // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 16. – С. 145–152.
 23. *Neuhäuser R.* F. M. Dostojewskij: Die grossen Romane und Erzählungen. Interpretationen und Analysen. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 1993.
 24. *Schramm G. Von* Puschkin bis Gorki. Dichterische Wahrnehmungen einer Gesellschaft im Wandel. – Freiburg i. Br., Berlin, Wien : Rombach Verlag, 2008.
 25. *Rothe H.* Dostojewskijs Weg zu seinem “Großinquisitor”. “Die Brüder Karasow” Dostojewskijs letzter Roman in heutiger Sicht. Elf Vorträge des IX. Symp. Der Intern. Dostojewskij-Gesellschaft, Gaming, Niederösterreich, 30. Juli – 6. August 1995 / Hrsg. H.-J. Gerigk. – Dresden : Dresden University Press, 1997.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ

РАЗВИТИЕ ПРАКТИК ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

УДК 379.82(4/9)

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-87-92>

Татьяна Александровна ГОЛОВЛЕВА,
аспирант кафедры социально-культурной деятельности
факультета государственной культурной политики
Московского государственного института культуры,
Химки, Московская область, Россия, e-mail: tanue9@mail.ru

Ольга Юрьевна МАЦУКЕВИЧ,
доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной
деятельности факультета государственной культурной политики
Московского государственного института культуры,
Химки, Московская область, Россия, e-mail: olgmats@yandex.ru

Аннотация: В представленной статье анализируется любительство как социокультурный феномен серьёзного досуга, приведены типы пространства и институциональных практик организации хобби и любительского искусства, представлены позиции Р. А. Стеббинса и Д. Д. Коффмана в определении целей, характеристик и мотивов музыкального любительского творчества за рубежом.

Ключевые слова: любительское творчество, хобби, пространство, мотив, социальное взаимодействие, серьёзный досуг, музыка, волонтер, самодеятельная активность.

Для цитирования: Головлева Т. А., Мацукевич О. Ю. Развитие практик любительского творчества за рубежом // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 87–92. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-87-92>

DEVELOPMENT OF AMATEUR ART PRACTICES ABROAD

Tatyana A. Golovleva, PhD student at the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow region, Russia, e-mail: tanue9@mail.ru

Olga Yu. Matsukevich, D.Sc. in Pedagogic Sciences, Professor at the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow region, Russia, e-mail: olgmats@yandex.ru

Abstract: These articles analyzes amateurism as a sociocultural phenomenon of serious leisure, provides types of space and institutional practices for hobby and amateur art organizing, and present the positions of R. A. Stebbins and D. D. Coffman in determining the goals, characteristics and motives of amateur music creativity abroad.

Keywords: amateur creativity, hobby, space, motive, social interaction, serious leisure, music, volunteer, amateur activity.

For citation: Golovleva T. A., Matsukevich O. Yu. Development of amateur art practices abroad. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 87–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-87-92>

Широко известно, что зарубежное понятие «хобби» является синонимом любительского дилетантского увлечения. Как социокультурный феномен любительство широко развито за рубежом, является объектом научного анализа и относится к категории серьёзного досуга, функции которого связаны с культуротворчеством, социально-культурной активностью, культурой общения, получением нового знания. Вместе с тем есть определённые различия в характеристиках проявления любительского интереса и самостоятельной активности.

Так, в исследованиях профессора Университета Калгари (Канада), члена Всемирной ассоциации исследований досуга Р. А. Стеббинса уровни любительской деятельности дифференцируются на дилетантские занятия хобби, увлечение аматерным (любительским) искусством и волонтерством (общественной самостоятельностью). В число любителей входят коллекционеры, мастера прикладного художественного творчества, участники общественных объединений, исполнители-дилетанты и другие.

Аналогичное деление любительского творчества и любительского искусства в российской практике мы находим в трудах Т. И. Баклановой [1]. По её мнению, сходство подходов определяется природой любительского творчества, когда личностно мотивированный интерес и увлечение становятся профессией. В художественной культуре России широко известны такие примеры «перерастания» высокого любительского искусства в профессиональную деятельность, например – у Н. А. Римского-Корсакова, К. С. Станиславского и других.

Стеббинс также указывал на то, что «серьёзный досуг характеризуется систематической, устойчивой, личностно мотивированной деятельностью любителей и волонтеров-добровольцев, сферой самовыражения и приобретения новых знаний и навыков, возможностью найти новую карьеру» [5]. Принимая во внимание, что осознанная мотивированная деятельность свойственна представителям среднего возраста, учёный неоднократно подчёркивал, что необходимо проводить дополнительные исследования, чтобы выяснить, как взрослые проводят свой досуг, каким образом

формируется мотивация к любительской деятельности и т.д. По его мнению, любительский досуг представляет собой «необузданную, контекстно-ориентированную деятельность, которой занимаются в свободное время. Любительский интерес варьируется от случайного, мимолётного участия в интенсивных краткосрочных проектах до более серьёзных пожизненных обязательств» [9]. Стеббинс выделяет шесть качественных характеристик любительской деятельности, отличающих её от хобби:

- настойчивость, когда любители остаются преданными своему избранному делу;
- карьера с усилиями, которая включает стадии достижения или вовлечения;
- значительные личные усилия посредством обучения знаниям и навыкам, часто через самостоятельные усилия;
- долгосрочные выгоды, которые могут включать в себя социальные взаимодействия, чувство принадлежности к группе, самовыражение и самообогащение;
- уникальный дух, где участники объединяются между социальными обязательствами и взаимодействиями через взаимные интересы и деятельность внутри группы;
- идентификация себя с деятельностью, когда любители могут быть весьма увлечены процессом.

Определённая схожесть характеристик мотивированного интереса к любительской деятельности проявляется и в подходах отечественных исследователей Е. И. Смирновой [4], Е. Ю. Стрельцовой, Г. С. Каргина [3] и В. С. Цукермана [6].

Любители воспринимают досуговое пространство как физическую среду, имеющую смысл, обладающую определённым ценностным резонансом, представляющую собой форму хранилища социальной, культурной информации [8]. Другими словами, возникает проблема институализации деятельности, организации любительских занятий, коммуникации участников.

В зарубежных исследованиях часто указывается, что серьёзные занятия досугом обычно требуют больше времени, денег и энергии от участника. Конкретизируя концепцию пространства, Стеббинс отмечает, что любительский досуг может происходить в семи типах пространств, которые включают:

- пространство как институциональную практику организации предметной любительской деятельности;
- пространство-«витрина», то есть место, определённое музыкантами для репетиций и досугового общения;
- ресурсное пространство, используемое любителями, в том числе оборудование и материалы, которые помогут им в их досуге;

– торговые площади – общественные места, где любители могут продавать свои товары;

– вспомогательное пространство, предоставляющее возможность выступать бесплатно. Однако любители, как правило, выступают ради собственных интересов, и Стеббинс утверждает, что любители обычно не альтруистичны;

– виртуальное пространство, где музыканты-любители могут использовать Интернет для развлечения, обучения и общения через блоги и форумы, но самое главное – для прослушивания музыки;

– туристическое пространство для музыканта, включающее посещение мест, где звучит музыка во время тура [7].

Другие исследователи проанализировали мотивы участия в музыкальном ансамбле как формы социального взаимодействия. Так, Д. Д. Коффман попытался выяснить причины того, почему взрослые люди занимаются коллективным музыкальным любительством [11]. Результаты показали, что занятия музыкой во взрослом возрасте часто оформлены в рамках концепции обучения на протяжении всей жизни – участники в своё свободное время совершенствуют исполнительское мастерство в ансамблевом исполнении репертуара, их привлекает коллективное участие в музыкальной деятельности с другими людьми. Коффман также обнаружил, что участие в музыкальном ансамбле способствует единству, когнитивной координации, получению общих эмоций и установлению доверия среди взрослых [10]. Исследователь, таким образом, сделал вывод, что чувство принадлежности к сообществу стало причиной, по которой взрослые хотели играть на инструментах. Была установлена корреляция между более мотивированными взрослыми музыкантами и интеграцией в социальные сети, следовательно, социальные аспекты творческого взаимодействия любителей превысили музыкальные причины участия. В результате исследователь выявил, что оркестровое (коллективное) музицирование способствовало повышению качества жизни, произошли позитивные изменения в доменах физического и психологического благополучия, окружающей среды и социальных отношений. Участие в свободное время в создании музыки было поэтому интегрировано в социальный опыт, или, как сказал один из участников: «музыка уникально приспособлена для того, чтобы играть роль в ... социальном взаимодействии друг с другом» [10].

Для участников любительский досуг означал разные виды обязательств и причин, почему они участвовали в сообществе группы. Социальные взаимодействия были многогранны и имели место во время и вне репетиций, включая неформальные пати (вечеринки). Участники проводили свободное время в пространстве репетиционного зала – месте, которое имело для них значение, потому что именно там они играли

репертуар, который им нравился. Было обнаружено, что репертуар играл ключевую причину, почему взрослые продолжали участвовать в музыкальной деятельности. Участники присоединились к этой группе сообщества из-за их желания не только продолжать играть на своих инструментах. Они наслаждались и ценили своё социальное взаимодействие.

Соответственно, Коффман сделал вывод о том, что взрослые музыканты-любители присоединились к сообществу из желания выступить с другими людьми. Любители делились своими ценностями, культурами и идентичностями, проводя свободное время в музыкальном ансамбле с возможностью социального взаимодействия [12].

Таким образом, любительская деятельность в значительной степени формировала образ жизни и влияла на социальную интеграцию участников.

Список литературы

1. Бакланова Т. И. Теоретические основы педагогического руководства художественной самодеятельностью : специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» : диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук / Бакланова Татьяна Ивановна. – Москва, 1990. – 476 с.
2. Головлева Т. А. Студийные практики развития музыкального любительства: социально-культурный аспект // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2020. – № 1 (36). – С. 108–113. – DOI: 10.24411 /2310-1679-2020-10113
3. Каргин А. С. Самодеятельное художественное творчество: история, теория, практика : [учебное пособие для вузов культуры и искусств]. – Москва : Высшая школа, 1988. – 270 с.
4. Смирнова Е. И. Теория и методика организации самодеятельного творчества в культурно-просветительных учреждениях. – Москва : Просвещение, 2007.
5. Стеббинс Р. А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/465/174/1217/009.STEBBINS.pdf>
6. Цукерман В. С. Народная культура как социальное явление : специальность : 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук / Цукерман Владимир Самойлович. – Челябинск, 1984. – 403 с. : ил.
7. Stebbins R. A. *Amateurs, professionals and serious leisure*. – Montreal, QC and Kingston, ON : McGillQueen's University Press, 1992.
8. Stebbins R. A. Toward a social psychology of stage fright. In: *Sport in the sociocultural process* / M. Hart and S. Birrell (eds.). – Dubuque, IA : W.C. Brown, 1981. – Pp. 156–163.
9. Stebbins R. A. The liberal art hobbies: a neglected subtype of serious leisure. *Loisir et society and leisure*. – 1994. – 16: 173–186.

10. Coffman D. D. Music and quality of life in older adults. *Psychomusicology*. 2002. – 18: 76–88.
11. Coffman D. D. Voices of experience: interviews of adult community band members in Launceston, Tasmania, Australia. *International Journal of Community Music*. – 2006. – 23 (1): 37–47.
12. Coffman D. D. Learning from our elders: survey of new horizons international music association band and orchestra directors. *International Journal of Community Music*. – 2009. – 2 (2-3): 227–240.

ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ РЕКРЕАТИВНО-АНИМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ МОЛОДЁЖИ

УДК 379.8

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-93-99>

Галина Александровна БАЛАНДИНА,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурных технологий и туризма факультета культурологии и социально-культурных технологий Пермского государственного института культуры, Пермь, Россия, e-mail: balandina-galina@rambler.ru

Аннотация: В статье рассмотрены возможности использования проектных технологий в процессе разработки и реализации проектов рекреативно-анимационных программ для молодёжи. Рекреативно-анимационная программа рассматривается как относительно самостоятельная, логически выстроенная последовательность акций, позволяющих создать необходимые условия для творческого развития молодых людей. Рассмотрена технология проектирования рекреативно-анимационных программ как последовательно выполняемых действий с использованием психолого-педагогических методов и приёмов воздействия на молодёжную аудиторию. Автор использовал практический опыт рекреативно-анимационного проектирования в Пермском крае. Сделаны выводы о необходимости дальнейших научных исследований проблемы проектирования рекреативно-анимационных программ, изучения специфики разработки и реализации рекреативно-анимационных программ для молодёжи. Отмечается, что реализация проектов рекреативно-анимационных программ возможна на основе партнёрских отношений государственных структур, учреждений культуры, некоммерческих организаций, других субъектов, молодёжи на основе использования технологий культурной индустрии.

Ключевые слова: молодёжь, учреждения культуры, социально-культурная анимация, проектные технологии, рекреативно-анимационное проектирование, рекреативно-анимационные программы.

Для цитирования: Баландина Г. А. Технологии проектирования рекреативно-анимационных программ для молодёжи // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 93–99. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-93-99>

TECHNOLOGIES FOR DESIGNING RECREATIVE-ANIMATION PROGRAMS FOR YOUTH

Galina A. Balandina, PhD in Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social and Cultural Technologies and Tourism, the Faculty of Cultural Studies and Social and Cultural Technologies, the Perm State Institute of Culture, Perm, Russia, e-mail: balandina-galina@rambler.ru

Abstract: The article discusses the possibilities of using design technologies in the development and implementation of projects of recreational and animation programs for youth. The recreational and animation program is viewed as a

relatively independent, logically structured sequence of actions that create the necessary conditions for the creative development of young people. The technology of designing recreational-animation programs as sequentially performed actions using psychological-pedagogical methods and methods of influencing the youth audience is considered. The author used the practical experience of recreational and animation design in the Perm Territory. Conclusions are made about the need for further scientific research on the problem of designing recreational-animation programs, studying the specifics of the development and implementation of recreational-animation programs for young people. It is noted that the implementation of projects of recreational and animation programs is possible on the basis of partnerships between government agencies, cultural institutions, non-profit organizations, other entities, youth based on the use of technologies of the cultural industry.

Keywords: youth, cultural institutions, sociocultural animation, design technologies, recreational-animation design, recreational-animation programs.

For citation: Balandina G. A. Technologies for designing recreative-animation programs for youth. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 93–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-93-99>

Проектные технологии достаточно давно и успешно реализуются в современной социокультурной практике, в том числе в рекреативной и анимационной деятельности учреждений культуры. Проблема проектирования рекреативно-анимационных программ для молодёжи является весьма актуальной. Это связано с решением важной задачи вовлечения молодёжи в социальную практику через сохранение, обновление и развитие социокультурного пространства района, инфраструктуры досуга, способной удовлетворить духовные и творческие потребности личности. Учреждения культуры, некоммерческие организации испытывают насущную потребность в разработке инновационных проектов рекреативно-анимационных программ, ориентированных на молодёжную аудиторию, на формирование культурных потребностей молодых людей, ценностных установок, идеалов и эстетического вкуса. Значение таких проектов трудно переоценить, поскольку использование проектных технологий и технологий социально-культурной анимации обеспечивает «рекреацию личности и оптимизацию межличностного взаимодействия» [10, с. 328.]

В социокультурной практике работы с молодёжью давно используются культурно-досуговые программы. В настоящее время одной из разновидностей таких программ стали рекреативно-анимационные программы.

Рекреативно-анимационная программа понимается современными авторами как объединённый общей целью или замыслом план проведения туристских, физкультурно-оздоровительных, культурно-массовых, познавательных и любительских занятий.

Рекреативно-анимационная программа представляет собой относительно самостоятельную, логически выстроенную последовательность

акций, позволяющих разрешить (или оптимизировать) реальную проблему личности или социальной группы, создать необходимые условия для творческого развития.

Проблемы рекреативно-анимационного проектирования давно интересуют исследователей. Культурно-досуговую программу как особую форму социально-культурной деятельности изучали И. И. Воронин [1], А. Д. Жарков [4] и другие. Анимацию как способ организации культурно-досуговой деятельности учреждений культуры исследовали Н. Н. Ярошенко [11], Т. В. Дедюрина [2], Е. М. Приезжева [6], Т. А. Холодова [8]. Проблемы проектирования культурно-досуговых и анимационных программ рассматривали Н. В. Шарковская [9], Т. Н. Суминова [7], М. А. Павлов [5], Е. А. Джанджугазова [3] и другие. Вместе с тем технологии проектирования рекреативно-анимационных программ для молодёжи изучены недостаточно. Нуждается в осмыслении и обобщении имеющийся практический опыт проектирования и реализации таких программ.

Технологии проектирования рекреативно-анимационных программ для молодёжи основываются на методологических подходах к социокультурному проектированию: социально-культурном, организационно-педагогическом, системном, ситуационном, программно-целевом и других.

Спецификой социально-культурного подхода к проектированию рекреативно-анимационных программ для молодёжи (Н. В. Шарковская, Н. Н. Ярошенко и другие) является создание условий для самореализации молодых людей в процессе игровой, творческой, досуговой, интеллектуальной и иной деятельности.

Н. Н. Ярошенко первым начал исследовать социально-культурную анимацию, указав на то, что это – «одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений современной социально-культурной деятельности, которое предполагает реализацию программ творческой реабилитации, активного отдыха, социально-психологической консолидации общественных групп на основе ценностей культуры» [11, с. 5].

Н. В. Шарковская отмечает важную роль социокультурных институтов, которые создают креативные пространства, где молодые люди могут выполнять различные роли в процессе проектной деятельности [9, с. 157].

Среди принципов рекреативно-анимационного проектирования можно назвать принцип комплексности, реалистичности, проблемно-целевой ориентации и другие.

М. А. Павлов разработал организационно-педагогическую модель разработки и реализации шоу-программ на основе использования технологий социокультурного менеджмента, сущностью которого является удовлетворение духовных и культурных потребностей человека, создание возможностей для активного освоения общественных ценностей [5, с. 92].

Т. Н. Суминова отмечает, что технология проектирования постоянно трансформируется, это связано с особенностями социокультурных проектов и программ, с использованием различных видов и жанров искусства, с влиянием объективных и субъективных факторов [7, с. 161].

Таким образом, проектирование и организация рекреативно-анимационных программ – сложный процесс, который будет зависеть от содержания и формы мероприятия, его целевой аудитории, имеющихся ресурсов и возможностей.

Специфика проектирования рекреативно-анимационных программ обусловлена необходимостью учёта эмоционально-психологической реакции молодых людей. Массовость исполнения номеров, яркость костюмов, вовлечение в процесс зрителей, оригинальность программы также играют немаловажную роль в положительном восприятии её зрителями.

Технология проектирования рекреативно-анимационных программ включает последовательно выполняемые действия, использование психолого-педагогических методов и приёмов воздействия на молодёжную аудиторию. Необходимым условием является наличие организационно-методического, кадрового, материально-технического и финансового обеспечения реализации проекта рекреативно-анимационной программы. Включение молодых людей в работу по подготовке проекта рекреативно-анимационной программы и его реализации способствует более полному использованию творческого потенциала молодых людей.

В настоящее время особенно популярными у молодёжи стали различные конкурсные программы: конкурс пародистов, конкурс красоты, «Театр мод», «Я – художник», «Разноцветный фейерверк» и другие. Реализуются творческие проекты по проведению различных по тематике театрализованных вечеров: поэтические вечера, вечера именинников, танцевальные вечера, «Знаки зодиака» и т.д. Вызывают интерес интеллектуально-познавательные программы: «Угадай мелодию», «Два рояля», «Герои Книги рекордов Гиннеса» и другие. Интересными для молодёжи могут быть театрализованные представления, праздники, ролевые игры, костюмированные балы, спектакли в исторических интерьерах и т.д. [6]

Учреждения культуры Пермского края достаточно успешно реализуют проектные технологии в рекреативно-анимационной деятельности с использованием имеющихся возможностей участия в различных грантовых конкурсах. Один из самых значимых конкурсов Пермского края – «Молодёжный форум. Пермский период», который проводится на базе культурного кластера города Перми – «Завод имени Шпагина».

Администрация Перми ещё в 2010 году учредила специальную премию «Пермь 20x20», которая присуждается молодым людям в возрасте от 14 до 30 лет за их вклад в развитие общественной жизни города в сфере молодёжной политики. 20 лауреатов получают премии по 20 тысяч рублей

за реализацию различных социокультурных проектов. Так, И. Новосёлов, руководитель Пермского регионального отделения «Молодой гвардии», был отмечен за реализацию проекта молодёжного форума «Регион возможностей. Создай себя». Для участников форума, объединяющего молодых людей из разных регионов Приволжского федерального округа, организуются мастер-классы, проводятся дебаты, лекции спикеров, работают дискуссионные площадки т.д. Молодым людям предоставляется уникальная возможность проявить свои навыки и умения в разработке социально значимых проектов, что в дальнейшем может пригодиться им в профессиональной деятельности.

Пермский Дворец молодёжи ежегодно проводит конкурс молодёжных инициатив «Вижу. Могу. Делаю». Этот конкурс направлен на развитие и поддержку социальных и культурных проектов молодёжи. В конкурсе участвуют проекты, ориентированные на развитие творческой, интеллектуальной и профессиональной деятельности молодых людей. Ежегодно проводится молодёжный форум «Диалог столетия», во время которого в числе разнообразных мероприятий проходят и презентации проектов рекреативно-анимационных программ для молодёжи.

Проектные технологии в рекреативно-анимационной деятельности реализуются и негосударственными организациями. Так, по инициативе Фонда поддержки культурных проектов «Новая коллекция» в Перми в 2017 году была создана независимая культурная площадка «Центр городской культуры». Здесь реализуются социокультурные проекты для различных категорий населения, в том числе и для молодёжи. В Центре используются современные интересные формы культурно-досуговой деятельности. Например, интерактивное реалити-шоу «Маркет перемен», мастер-классы от известных стилистов, психологов, косметологов, художников, модельеров, ювелиров и других специалистов, что, несомненно, вызывает у молодых людей неподдельный интерес. Популярными у молодёжи стали конкурсы красоты «Мисс старшеклассница», «Мисс студенчество», «Ты уникальная», «Мисс Пермь», «Миссис Пермь». Они хорошо организованы, зрелищны, обладают необходимой социальной значимостью и привлекают внимание. «Мисс Rock-Star Прикамья» – это музыкальный конкурс красоты, в котором первостепенны не внешние данные, а талант участниц.

Думается, что учреждениям культуры, некоммерческим организациям, культурным площадкам города Перми и Пермского края нужно более активно участвовать в конкурсах социокультурных проектов, предлагать проекты своих рекреативно-анимационных программ.

Изучение современной социокультурной практики показало, что рекреативно-анимационное проектирование во многом зависит от особенностей территории (региона, города, местности и пр.), обладающей значимыми туристскими или анимационными ресурсами.

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что теоретический и методологический потенциал рекреативно-анимационного проектирования не достаточно использован. Необходимо и дальше изучать основные термины и понятия: «рекреативно-анимационная программа», «рекреативно-анимационное проектирование» и другие, изучать специфику разработки и реализации рекреативно-анимационных программ для молодёжи.

Происходящие в мире и России социокультурные изменения свидетельствуют о возросшей роли регионов, о необходимости их самостоятельного общественного и культурного развития. Современная социокультурная практика свидетельствует о том, что сложные задачи наиболее успешно могут быть решены совместными творческими усилиями государственных структур, учреждений культуры, некоммерческих организаций, через установление партнёрских отношений между участвующими субъектами, с молодёжью в первую очередь, в разработке и реализации социокультурных проектов и программ на основе использования технологий культурной индустрии.

Инновационность рекреативно-анимационного проектирования проявляется в создании новых по содержанию и тематике услуг, форм подачи материала, видов воздействия на аудиторию, которые позволяют вовлекать в социокультурную практику все сообщества города (особенно молодёжь) и формировать альтернативные направления развития городской культурной среды.

Реализация проектных технологий в сфере рекреативно-анимационной деятельности способствует использованию творческой энергии молодёжи, созданию условий для всестороннего развития.

Список литературы

1. *Воронин И. И.* Развитие воспитательного потенциала музыкально-развлекательных программ для молодёжи в учреждениях культуры : специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Воронин Игорь Игоревич. – Москва, 2011. – 22 с.
2. *Дедурина Т. В.* Функциональный подход к развитию анимационной деятельности учреждений культуры : социально-культурный аспект : специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Дедурина Татьяна Владимировна. – Москва : 2009. – 25 с.
3. *Джанджугазова Е. А.* Туристско-рекреационное проектирование : учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. – Москва : Академия, 2014. – 272 с.

4. *Жарков А. Д.* Продюсирование и постановка шоу-программ : учебник для студентов вузов культуры и искусств. – Москва : МГУКИ, 2009. – 470 с.
5. *Павлов М. А.* Социокультурное проектирование шоу-программ : организационно-педагогический подход : монография. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2006. – 147 с.
6. *Приезжева Е. М.* Анимационный менеджмент : учебно-методическое пособие. – Москва : Советский спорт, 2007. – 358 с.
7. *Суминова Т. Н.* Проектный менеджмент как технология реализации государственной политики в сфере культуры и искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 3 (89). – С. 160–166. – DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10316
8. *Холодова Т. А.* Анимация как способ организации культурно-досуговой деятельности в современной России : институциональные особенности и социокультурный потенциал : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук / Холодова Татьяна Алексеевна. – Майкоп, 2018. – 163 с.
9. *Шарковская Н. В.* Личностный смысл отношения молодёжи к активному досугу как фактору творческой самореализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 3 (89). – С. 153–159. – DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10315
10. *Ярошенко Н. Н.* История и методология теории социально-культурной деятельности : учебник. – Москва : МГУКИ, 2007. – 360 с.
11. *Ярошенко Н. Н.* Социально-культурная анимация : учебное пособие. – Издание 2-е, испр. и доп. – Москва : МГУКИ, 2005. – 126 с.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ХОРЕОГРАФИЯ) В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ «СОЦИАЛЬНЫЕ ТАНЦЫ»

УДК 37.035:793.3

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-100-108>

Мария Евгеньевна ЛОХАНИНА,

соискатель кафедры педагогики, психологии и философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия, e-mail: ml_home@mail.ru

Наталья Игоревна ПИСКУНОВА,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: n.piskunova@inno.mgimo.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу способов повышения уровня коммуникативных компетенций педагогов-хореографов, работающих в сфере дополнительного образования. Предлагается ряд методов обучения педагогов через вовлечение в работу по направлению «Социальный танец» и обосновывается целесообразность применения новой образовательной программы повышения квалификации хореографов. Авторы приходят к выводу о том, что включение в программу повышения квалификации педагогов дополнительного образования курсов, направленных на формирование коммуникативных компетенций, будет способствовать улучшению навыков социализации как педагогов, так и учеников, а также во многом приведёт к улучшению как педагогической, так и общесоциальной среды в сфере танцевального искусства. Более того, усиление социальной компоненты в рамках обучения педагогов положительно повлияет на формирование общегородской социальной среды и будет способствовать развитию городских сообществ.

Ключевые слова: дополнительное образование, непрерывное образование, дуальная система, социальные танцы, обучение педагогов, хастл, аргентинское танго, сальса, хореограф.

Для цитирования: Лоханина М. Е., Пискунова Н. И. Развитие коммуникативных компетенций педагогов дополнительного образования (хореография) в рамках программы повышения квалификации «Социальные танцы» // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 100–108. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-100-108>

DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCIES OF EXTRA-CURRICULUM DANCE TEACHERS AS INTEGRATIVE PART OF ADVANCED TEACHERS' EDUCATION PROGRAMME IN "SOCIAL DANCE"

Maria E. Lokhanina, PhD Student at the Department of Pedagogy, Psychology and Philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: ml_home@mail.ru

Natalia I. Piskunova, PhD in Political Science, Associate Professor, Associate Professor at the Chair of International Security, the Faculty (School) of World Politics, the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
e-mail: n.piskunova@inno.mgimo.ru

Abstract: This article analyzes methods of advancing communicative skills of choreographers and dance instructors engaged in extra-curriculum teaching. The authors suggest several methods of teaching choreographers mainly through the application of social dance teaching schemes and substantiate the implementation of a new study programme aimed at advancing choreographers' teaching skills. Authors conclude that introduction of social and communicative skills to the dance teachers' advanced learning programs shall contribute to the advancing of socialization skills of both teachers and students and shall also improve teaching and social environments within dance communities. Moreover, the strengthening of the social component in dance teachers' advanced learning programs casts a positive influence on the creation of social communities within any city and shall contribute to the further development of city communities.

Keywords: lifetime learning, advanced learning, dual education method, social dance, teacher training, hustle, argentine tango, salsa, choreographer, communication skills, communicative competencies.

For citation: Lokhanina M. E., Piskunova N. I. Developing communicative competencies of extra-curriculum dance teachers as integrative part of advanced teachers' education programme in "Social Dance". *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp.100–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-100-108>

В проекте «Концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года» декларируются задачи и цели, напрямую связанные с коммуникативным развитием личности. Впервые понятие «коммуникативные компетенции» стали использовать психологи [4, с. 177].

Слово «коммуникация» становится одним из символов и одновременно симптомом состояния человеческого общества к началу III тысячелетия» [1, с. 33]. При всём многообразии функций и значений, коммуникация в аспекте исследования нашей статьи – это не техническая передача информации, так как субъектами данной коммуникации выступают педагог и ученик/и. Её особенностью является то, что объект коммуникации может быть как материальным (жесты, слова, учебные пособия и т.д.), так и нематериальным, эмоциональным (педагог может располагать к себе уче-

ников, внушать им доверие, уважение, вызывать желание обучаться или, наоборот, отталкивать).

Впервые проблема социальных компетенций педагогов танцевальных направлений была заявлена в США в 1975 году, когда стали появляться сообщества педагогов, которые делились общими проблемами, возникавшими в ходе преподавания социальных танцев, стараясь выработать единые сценарии и схемы решения таких проблем. Это также способствовало большей социализации самих педагогов и давало возможность продвигать направление социальных танцев среди других танцевальных сообществ в разных штатах.

В 1980–1990-е годы проблематика социальных навыков преподавателя танца получила более широкое развитие: так, стали разрабатываться схемы вовлечения в процесс социализации наиболее амбициозных и талантливых учеников, которые в ином случае тяготели бы к уходу в индивидуальное исполнительство, таким образом уходя от групповой социализации [7; 10]. Необходимость формирования и развития таких компетенций у педагогов-хореографов приобрела большое значение и в современных реалиях становится ещё более актуальной во всём мире (Lave, 1993; Rogoff, 1994; Wenger, 2003; Bryk, Camburn & Louis, 1997; Coburn, 2001; Coburn & Stein, 2006; Horn, 2005, 2010; Kruse, Louis & Bryk, 1995; Little, 2003; Little & Horn, 2007). Как отмечает Л. В. Ломакина: «Характерной чертой новой системы образования ... является множественность путей и средств решения проблем обучения и социокультурного развития людей разных возрастов. Образовательные учреждения отказываются от единого социального заказа и всё более начинают учитывать дифференцированные запросы различных категорий обучающихся» [2, с. 38].

Педагог-хореограф сегодня – это человек, не просто обладающий компетенциями в рамках основной программы обучения, среди которых в основном имеется фундамент теоретических знаний о процессе обучения, теориях, методиках, истории искусства и т.д., но и человек, владеющий практикой эффективных коммуникаций, при помощи которых он может решать весь спектр задач, стоящих перед ним в процессе его профессиональной деятельности. Важно отметить, что «как танцор, так и педагог танца всегда находится в едином культурно-коммуникативном пространстве региона проживания, и успешность освоения танцевальных дисциплин напрямую зависит от способности как педагога, так и танцовщика социализироваться» [5, с. 60]. В условиях открытого международного пространства универсальным языком коммуникаций может стать язык танца, который понятен всем танцорам, независимо от языка и национальности.

В современной ситуации возникает единый запрос, который исследователи формулируют как «потребность в создании новых систем обучения педагогов социального танца, основанных на постоянном взаимодей-

ствии и общении учеников и педагогов в различных форматах. При этом важно делать акцент именно на групповом, а не индивидуальном обучении педагогов-исполнителей – это позволяет подводить группу педагогов к единому уровню и формату педагогического мастерства в сфере танца» [10, с. 363].

Актуальность данной работы обусловлена ещё и тем, что, по мнению международных исследователей, в применяемых сегодня «классических методологиях преподавания танцев фактически нет элементов, которые были бы направлены на улучшение социальных компетенций, и тем более нет таких методов, которые бы позволяли гарантированно повышать такие компетенции ученику и педагогу одновременно за счёт взаимодействия в динамике. Преподавание социальных танцев, напротив, акцентирует именно развитие и улучшение социальных компетенций как педагогов, так и учеников, и, таким образом, должно быть включено в учебные планы преподавания дисциплин в школах, училищах и вузах» [6, с. 18].

Одним из решений задачи развития коммуникативных компетенций у педагога может стать введение в программу ФДПО МГИК курса повышения квалификации «Социальные танцы». Эта программа уже много лет является способом развития коммуникаций между педагогами частных танцевальных школ во многих городах России и за рубежом. Это десятки организованных групп обучения и фестивалей в различных городах, объединённых одним интересом. Данный курс исходит из необходимости комплексного развития навыков педагогов-хореографов, так как в современной ситуации «в процессе обучения социальным видам танца происходит одновременно и развитие навыков критического мышления ученика, равно как и его креативных навыков и навыков социализации как с педагогом, так и с участниками группы обучения. Таким образом, педагог социального танца берёт на себя ответственность по улучшению уровня социализированности того сообщества, в котором он и его ученики находятся и взаимодействуют в данный момент» [14, с. 613].

Для достижения общей цели представляется необходимым решить в рамках курса две задачи. Первая заключается в повышении квалификации педагогов-хореографов по использованию навыков преподавания социальных танцев для улучшения преподавания других танцев (в рамках основной специальности педагога), вторая же предусматривает усиление коммуникативных компетенций, то есть фокусирует педагога-хореографа на процессно-ориентированной работе, в отличие от работы на результат (то есть выигрыша в соревнованиях). При этом центральное место будет отдано именно социальным компетенциям самого педагога-хореографа: «Педагог социального направления танца нуждается в социализации не меньше, чем его ученик. Более того, одной из ключевых задач и компетенций такого педагога является создание и поддержание посто-

янного интереса и вовлечённости учеников в процесс обучения в группе. Постоянное общение с учениками также способствует поддержанию интереса, осознанности и стремления самого педагога активно участвовать не только в процессе преподавания, но и в социализации в рамках групп обучающихся» [10, с. 364]. Социальные танцы отличаются от других форм танцевального искусства наличием обязательного постоянного активного контакта между людьми, который становится доступной формой общения: «Обучение импровизации даёт возможность выстроить более осязаемое восприятие не только возможностей своего тела, но и пространства, звука и социального взаимодействия как с танцовщиками, так и с педагогами и публикой» [13, с. 66].

Учитывая, что разработанная учебная программа акцентирована на внедрении методов развития коммуникативных навыков именно у педагогов-хореографов, мы можем сделать вывод о том, что социальные танцы являются оптимальными для этой цели. Развитие коммуникативных компетенций в рамках программы повышения квалификации возможно при использовании ряда методов. Прежде всего, это метод систематизации новых знаний и навыков. В рамках курса предполагается изучение основ наиболее популярных видов социальных танцев (сальса, хастл, аргентинское танго), истории их возникновения, классификации фигур и связок, а также совместное освоение базовых фигур.

Характерной особенностью всех социальных парных танцев является то, что для их изучения не требуется постоянный партнёр или партнёрша, процесс обучения построен на постоянной смене пар, все танцы основаны на принципе ведения-следования. Это даёт большое поле для развития коммуникативных компетенций даже внутри группы, как для учеников, так и для педагога, потому что в случае социальных танцев педагог является не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником процесса. Таким образом, он применяет метод активного вовлечения с элементами игрофикации, на время урока становясь одним из «игроков» группы, идущей к поставленным целям. Здесь большое значение имеет именно совместная образовательная деятельность: преподавание танца представляется комплексом социальных и интеллектуальных структур и действий, создаваемых совместно педагогами и учениками.

Использование разных партнёров в процессе обучения позволяет работать как педагогу, так и обучающимся неограниченное количество танцевальных комбинаций, которые будут комфортны ученикам с разными физическими данными. Это способствует накоплению практического опыта и расширению количества исполняемых элементов. Практический опыт здесь становится важным, так как «необходимая компетенция для танцора, так же как и для любого здорового человека, состоит в умении работать с пространством и телом одновременно, взаимодействовать

с другими людьми в заданном пространстве. Особое значение этот навык имеет в сфере социальных и современных танцев» [13, с. 69].

Следующим методом является метод активного вовлечения и мотивации. Повышение вовлечённости обучающихся в процесс основано на том, что социальные танцы – это одно из самых востребованных направлений как в России, так и в мире. Здесь важна роль педагога-хореографа, который в данном случае «создаёт, при помощи своих навыков и социальных компетенций, особое социальное пространство для обучения и социализации» [12, с. 279].

Только в России существуют десятки школ социальных танцев почти в каждом крупном городе. В настоящее время социальные танцы широко распространены во всём мире, и можно с уверенностью сказать, что это уже международное явление. Не будем отрицать и того факта, что социальные танцы в России представляют собой наиболее востребованное направление в досуговых мероприятиях среди взрослого населения, так как обладают рядом преимуществ даже перед более известными спортивными бальными танцами. Основное преимущество, как мы уже отмечали ранее, для занятий и для конкурсных выступлений не требуется постоянный партнёр или партнёрша, так как многие конкурсные номинации проходят в так называемом формате ДнД («Джек-энд-Джилл»), что подразумевает регистрацию партнёров и партнёрш отдельно и группировку их в пары непосредственно перед выступлением. Участие в подобных мероприятиях способствует развитию коммуникаций не только внутри группы, клуба или факультета, но и между вузами, а также внутри мирового танцевального сообщества, так как социальные танцы, помимо прочих преимуществ, достаточно просты в освоении и не требуют, как многие другие танцевальные дисциплины, многолетних упорных тренировок для подготовки к выступлениям. Это может, помимо прочего, способствовать и улучшению социализации в сообществе в целом: «Развитие танцевальных сообществ может приводить к изменению социальных норм и утверждению новых навыков не только в танцевальной группе или сообществе школ, но и в обществе в целом» [11, с. 942].

Визуализация и наглядность информации – ещё один важный метод работы в данном направлении. Принцип наглядности – один из важнейших принципов обучения в целом. Несмотря на то, что первые исследования в области визуализации информации стали проводиться относительно недавно (Уильям Кливленд и Роберт МакГилла, 1984) [8], уже можно утверждать, что ни один обучающий процесс без неё невозможен. В современном обществе растёт интерес к наглядности. Этому способствует развитие цифровых технологий, которые делают доступным контент из любой точки планеты. Утверждается, что «научное сообщество уходит от теории тотального доминирования левого полушария к гиппо-

тезе парциальной доминантности и взаимодействия полушарий. Это ещё раз подчёркивает основательность актуализации внимания к наглядности, визуализации, визуальному мышлению» [3, с. 23]. В рамках освоения данной программы у обучающихся есть реальная возможность не только посещать «вживую» вечеринки, турниры, мероприятия (при желании), но и иметь возможность визуального просмотра как российских, так и зарубежных мероприятий.

Здесь важно отметить, что «при обучении современным и социальным танцам исполнители получают навык выстраивания границ как индивидуального, так и парного пространства взаимодействия» [13, с. 74].

Предлагаемые в настоящей статье методы развития коммуникативных компетенций в рамках курса повышения квалификации «Социальные танцы» являются новым подходом к обучению студентов этим навыкам.

В основе программы лежат такие важные принципы, характерные для актуальных программ непрерывного образования, как:

1. Системность. Она включает в себя:

- анализ потребностей (в данном случае мы удовлетворяем потребность в развитии коммуникативных компетенций);
- планирование обучения (составлена подробная программа на 72 учебных часа);
- разработка учебных материалов;
- комплексная проверка и оценка усвоения материала и персональной работы.

2. Модульность программы. Это позволяет не только структурировать материал и его оценивать, но и возвращаться к тем или иным модулям в случае обоснованного их пропуска студентами (что особенно актуально в период пандемии).

3. Компетентностный поход. Такой подход позволяет внедрять личностно ориентированный подход в образовательный процесс, а также помогает определить ориентиры в отборе тех знаний и умений, которые будут необходимы и востребованы в профессиональной деятельности (в ФДПО нет студентов! Есть слушатели курсов) в будущем. Это своего рода инструмент, позволяющий совершить отбор необходимых знаний и умений.

4. Оптимизация занятий в аудитории. Это особенно необходимо в условиях пандемии, но также важно для дистанционного обучения студентов из разных регионов.

5. Применение современных образовательных и информационных технологий. Как было отмечено выше, в программе используются возможности цифровых технологий, которые будут способствовать более широкому распространению предлагаемых методов обучения посредством устранения проблемы доступности обучения для жителей отда-

лённых регионов. Полноценное педагогическое общение подразумевает общение во время и после занятий, и именно цифровые технологии позволяют это реализовать: «Обучение педагогов социального танца в едином коллективе способствует улучшению их педагогических, танцевальных и социальных компетенций и навыков» [11, с. 362]. Кроме того, акцент делается на регулярности таких занятий, желательно в рамках единого обучающего курса: «Регулярные совместные практические занятия педагогов в коллективе позволяют выявить и обсудить наиболее сложные аспекты преподавания, а также совместно выработать наиболее успешные методы в преодолении проблем обучения разных социальных групп» [10, с. 362]. Для каждой группы предусмотрено создание персонального чата с участием педагога, где можно общаться после урока не только с педагогом, но и со своими сокурсниками, вовлекая всех в единый творческий процесс.

Кроме того, при построении системы обучения таким образом мы переходим к дуальному обучению, которое получило мировое признание. В нашем случае это досуговые центры и образовательные учреждения. Благодаря такой форме обучения минимизируется разрыв между теоретическими знаниями и практическими навыками. Более того, особое внимание акцентируется на потребностях досуговых учреждений в специалистах, умеющих коммуницировать с аудиторией, вовлекать в процесс и формировать сообщество, лояльно относящееся к своему досуговому центру.

На основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Прежде всего, социальные танцы дают возможность саморазвития и одновременно приобретения новых контактов, а также являются уникальным способом развития коммуникативных навыков, так как способствуют межкультурному общению, творческому диалогу, минуя языковой барьер. Педагог-хореограф, имея базовые знания о техниках исполнения основных социальных танцев (хастл, сальса, аргентинское танго), принимая участие в фестивалях, турнирах и мастер-классах по социальным танцам как в России, так и за рубежом, не только самосовершенствуется, но и включается в процесс межкультурных коммуникаций путём постоянного взаимодействия с представителями других регионов России и других стран, тем самым обеспечивает не только развитие данных навыков, но и включается в систему непрерывного образования, что особенно важно в современных реалиях.

Представленный авторский курс, в рамках которого отработывались приводимые навыки и компетенции, соответствует всем современным требованиям и тенденциям в образовательной системе, а также концепции непрерывного образования и использует компетентностные подходы, поэтому авторы рекомендуют обратить на него внимание при составлении

программ для различных институтов культуры и искусств, а также учреждений дополнительного образования.

Таким образом, авторы статьи полагают актуальным введение в систему дополнительного образования курсов, связанных с социальными танцами, в частности, курса повышения квалификации педагогов дополнительного образования по классу хореографии «Социальные танцы».

Список литературы

1. Клягин С. В. Социальная коммуникация : созидание человека и общества // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. – 2007. – № 1. – С. 33–46.
2. Ломакина Л. В. Система моделей прогнозирования развития научно-образовательного потенциала в регионе // Экономика высшей школы : Обзор информации. Вып. 11 / НИИ ВО РАО. – Москва, 1992. – 34 с.
3. Маслов В. М. Наглядность и визуализация в парадигмальном и гуманистическом планах [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12460>
4. Немов Р. С. Психологический словарь. – Москва : ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
5. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Культурология» / Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов. Библиотека гуманитарного университета. – Санкт-Петербург, 1996. – 319 с.
6. Baldwin C., Motter A. Autoethnographic dance and transformative learning: exploring self-reflexive identity work and change. *Journal of Transformative Education*. – 2020. – XX (X). – Pp. 1–20.
7. Bryk A. S., Driscoll M. E. *The school as community: theoretical foundations, contextual influences, and consequences for students and teachers*. – Madison, WI : National Center on Effective Secondary Schools, 1988.
8. Cleveland W. S., McGill R. Graphical perception: theory, experimentation, and application to the development of graphical methods. *Journal of the American Statistical Association*. – 1984. – Vol. 79, No. 387. – Pp. 531–554.
9. Cohen D. K., Raudenbush S. W., Ball D. B. Resources, instruction, and research. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. – 2003. – No. 25. – Pp. 119–142.
10. Lampert M. Improving teaching and teachers: a “Generative Dance”? *Journal of Teacher Education*. – 2012. – No. 63 (5). – Pp. 361–367.
11. Miller K. Gaming the system: Gender performance in Dance Central. *New media & society*. – 2015. – Vol. 17 (6). – Pp. 939–957.
12. Stevens K., Pedro R., Hanrahan S. Building an authentic cultural curriculum through tertiary cultural dance. *Arts and Humanities in Higher Education*. – 2020. – Vol. 19 (3). – Pp. 264–284.
13. Ravn S. Dancing practices: seeing and sensing the moving body. *Body & Society*. – 2017. – Vol. 23 (2). – Pp. 57–82.
14. Zoch M. “It’s important for them to know who they are”: teachers’ efforts to sustain students’ cultural competence in an age of high-stakes testing. *Urban Education*. – 2017. – Vol. 52 (5). – Pp. 610–636.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

«ВСЁ ЛУЧШЕЕ ЗАРОЖДАЕТСЯ В ПРОВИНЦИИ...»: ВУЗ КАК КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

УДК 378.4

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-109-121>

Елена Тихоновна АТАМАНОВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры туризма и гостиничного дела
Института истории и культуры Елецкого государственного университета имени
И. А. Бунина, Елец, Липецкая область, Россия, e-mail: ef-atamanova@mail.ru

Аннотация: В предлагаемой статье Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина представлен как культурно-образовательный феномен провинциального региона; рассматриваются стратегии его дальнейшего развития; показывается многоаспектность дефиниции «провинция» и раскрывается специфика провинциального региона как культурно-символического пространства. В исследовательском поле автора ЕГУ имени И. А. Бунина позиционируется как научно-координационный центр по изучению творческого наследия И. А. Бунина, М. М. Пришвина, В. В. Розанова и других, благодаря чему был создан международный центр «Бунинская Россия», основным направлением деятельности которого стало проведение научных мероприятий, направленных на популяризацию не только жизнотворчества И. А. Бунина, но и историко-культурного наследия региона в целом. Отмечается, что в настоящее время университет является не только «местом силы» и особым центром притяжения провинциального региона, но и уникальным наукоградом, постоянно приумножающим заслуги предшествующих поколений. Автор приходит к выводу о том, что в самые напряжённые исторические периоды как государства, так и отдельно взятых личностей именно провинция аккумулировала в себе вселенскую гармонию и непреходящие ценности, способствующие сохранению национальной идентичности.

Ключевые слова: Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, культурно-образовательный феномен, провинциальный регион, дискурсивный диалог, поликультурный дискурс, культурно-символическое пространство, репрезентация, «место силы», центр притяжения, национальная самоидентичность, позиционирование.

Для цитирования: Атаманова Е. Т. «Всё лучшее зарождается в провинции...»: вуз как культурно-образовательный феномен в провинциальном регионе // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 109–121. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-109-121>

**“ALL THE BEST IS BORN IN THE PROVINCE...”:
UNIVERSITY AS A CULTURAL AND EDUCATIONAL
PHENOMENON IN THE PROVINCIAL REGION**

Elena T. Atamanova, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Tourism and Hotel Business, the Institute of History and Culture, the Yelets State Ivan Bunin University, Yelets, Lipetsk Region, Russia,
e-mail: et-atamanova@mail.ru

Abstract: The article presents the Yelets State Ivan Bunin University as a cultural and educational phenomenon of the provincial region; discusses strategies for its further development; shows the multidimensional definition of “province” and reveals the specifics of the provincial region as a cultural and symbolic space. In the research field of the author Yelets State Ivan Bunin University is positioned as a scientific coordination center for the study of the creative heritage of Ivan Bunin, Mikhail Prishvin, Vasilii Rozanov and others, thanks to which the international center “Bunin Russia” was created, the main activities of which were to conduct scientific events aimed at popularizing not only the life-making of Ivan Bunin, but also the historical and cultural heritage of the region as a whole. Currently, the University is not only a “place of power” and a special center of attraction of the provincial region, but also a unique science city, constantly multiplying the merits of previous generations. The author comes to the conclusion that in the most intense historical periods of both the state and individual individuals, it was the province that accumulated universal harmony and enduring values that contribute to the preservation of national identity.

Keywords: Yelets State Ivan Bunin University, cultural and educational phenomenon, provincial region, discursive dialogue, multicultural discourse, cultural and symbolic space, representation, “place of power”, center of attraction, national identity, positioning.

For citation: Atamanova E. T. “All the best is born in the province...”: University as a cultural and educational phenomenon in the provincial region. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 109–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-109-121>

Alma mater посвящается...

В современном поликультурном дискурсе, пронизанном процессами глобализации, весьма остро встаёт проблема сохранения традиционных ценностей. Постоянно усиливающийся примат материального над духовным и утрата интереса к достижениям предшествующих поколений наблюдаются во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Это, в свою очередь, способствует «духовной мутации» общества, которая достаточно чётко прослеживается в эклектичности историко-культурной парадигмы сегодняшнего дня. Поэтому особенно актуальным в свете данного исследования представляется аналитическое осмысление влияния провинции на поддержание тех вечных нравственных доминант, которые определяют национальную идентичность.

В этих условиях особая ответственность за продолжение традиций и приумножение опыта, накопленного предками, ложится не только на учреждения культуры, но и на образовательные центры, находящиеся

как в столице, так и за её пределами. Одним из таких центров, на наш взгляд, является Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, который без преувеличения можно назвать культурно-образовательным феноменом провинциального региона. Это, пожалуй, один из немногих классических университетов в Российской Федерации, располагающийся на периферии, в провинции (по месторасположению его иногда сравнивают с Тартуским университетом, находящимся на территории Эстонии, тоже в небольшом городке).

Цель данного исследования – репрезентировать Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина как культурно-образовательный феномен провинциального региона, обобщив его опыт в деле сохранения историко-культурного наследия данного локуса и обозначив роль этого учебного заведения в формировании традиционных ценностей современной молодёжи. Для достижения поставленной цели необходимо реализовать ряд задач: показать многоаспектность дефиниции «провинция» и раскрыть специфику провинциального региона как культурно-символического пространства; выделить основные направления исследований по избранной проблеме; представить обозначенный вуз как культурно-образовательный феномен провинциального региона.

Теоретико-методологическая база работы апеллирует к общенаучным методам исследования и включает принципы эмпирического, сравнительно-исторического, содержательно-структурного и историко-генетического анализа. Аналитический обзор деятельности образовательного центра – ЕГУ имени И. А. Бунина – как феномена провинциального региона предлагается с учётом стратегий его развития в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Центральный исследовательский вектор направлен на отечественный опыт изучения данного феномена, чем и определяется специфика настоящей работы, исключая зарубежные подходы к обозначенному явлению.

Практическая значимость предлагаемого опыта – обращённость в будущее, нацеленность на воспитание подрастающего поколения, на формирование его нравственной и жизненной позиций, так как личностью человек может стать, лишь определив своё этическое отношение к своему ближнему, к миру, к Богу. Без этого нереально его нравственное становление и совершенствование, как и полноценное развитие нации, которое возможно лишь при условии знания собственных корней и истоков [3, с. 205].

Провинциальный регион – это определённое культурно-символическое пространство, которое может раскрываться и в семиотическом, и в герменевтическом, и в синергетическом, и в некоторых других аспектах. Слово «провинция» как дефиниция в порубежный период XX–XXI веков стало достаточно часто употребляться не только в культурологической плоско-

сти, социальной и политической повседневности, но и в сциентифической терминологии гетерогенного характера. Располагаясь вдали от столицы и крупных культурных центров с их богемной светской жизнью, провинция, безусловно, имеет абсолютно иную систему социальных и религиозно-нравственных координат, что никоим образом, однако, не умаляет её достоинств и не репрезентирует как несовременную или отсталую. Именно провинция несёт в себе некую размеренность бытия, несуетность, неторопливость, отчасти нравственную неиспорченность, душевную щедрость, верность традициям и дарит обретение внутреннего покоя, сохраняя при этом ту жизненную энергию, которая так необходима для развития креативного мышления в нынешний век глобальных инновационных технологий. Не случайно в многочисленных справочных изданиях понятие «провинция» позиционируется не только как определённая территория, но и как уклад жизни вне столичных кварталов.

Дискурсивный диалог по поводу взаимоотношений столицы и провинции возник в исследовательском поле не сегодня и не вчера. Интерес к активному изучению феномена провинции в нашей стране заметно актуализируется в порубежные периоды – XIX–XX и XX–XXI столетий, что обусловлено многими причинами, в том числе и тем, что именно на периферии, в отдалении от столицы и крупных культурных центров, на протяжении длительного периода времени аккумулируется разновекторный потенциал, способный не только формировать основные направления развития того или иного региона, но и «подпитывать» столичные дестинации новыми идеями, наполнять иными смыслами уже сложившиеся стереотипы мышления и восприятия окружающей действительности.

Провинция вообще и русская в частности – это не только социокультурное и психологическое явление, но и самобытный духовный мир, не имеющий каких-либо социально-политических и географических координат. Это амбивалентный образ, воплощающий в себе основные доминанты социально-географического и культурно-исторического пространства того или иного локуса. В этом ключе совершенно справедливым представляется мнение Т. С. Злотниковой, утверждающей, что в русской провинции «... реализуются противоречивые ощущения и восприятия, согласно которым уникальность и приниженность, яркость и стёртость парадоксально сочетаются в одном, широко раскинувшемся и в то же время тесном пространстве» [7, с. 14].

В разные периоды времени феномен провинции в отечественном исследовательском дискурсе привлекал внимание писателей и историков, философов и филологов. Среди них Л. Н. Толстой, В. О. Ключевский, В. Г. Короленко, Н. А. Бердяев, Н. К. Пиксанов, Д. С. Лихачёв и другие.

Так, Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» столицу экстраполирует как «форму», а провинцию – как «содержание». В. Г. Короленко считает про-

винцию «реальной основой России» [цит. по: 9, с. 18–19]. В. О. Ключевский указывает на то, что «в России центр на периферии». Н. К. Пиксанов называет русскую культуру «одной из самых провинциальных культур Европы» [15]. Академик Д. С. Лихачёв отводит провинции роль «индикатора» уровня национальной культуры, отмечая при этом, что всегда «... именно провинция держала ... уровень культуры» [10]. Столичные города «только собирали всё лучшее, объединяли, способствовали процветанию культуры. Но гениев ... рождала именно провинция» [10].

Многообразие представленных суждений свидетельствует не только о дискурсивности диалога столицы и провинции во времени и пространстве, но и об их весьма сложном взаимодействии: если столица имеет более широкие возможности для социальной динамики, проявляющиеся в экономике, межкультурной коммуникации и т.д., располагая многогранными ресурсами для реализации личностного потенциала, то провинция в большей степени выступает как сакральное место, «место силы», своего рода территорией *Terra incognita*, способствующей аккумуляции необходимой жизненной энергии, впоследствии дающей самые разные творческие импульсы. Подтверждением этому являются, например, биографические проекты великих персонажей отечественной культуры (М. Ю. Лермонтов (Тарханы), И. С. Тургенев (Спаское-Лутовиново), Л. Н. Толстой (Ясная Поляна), И. А. Бунин (Озёрки, Елец), М. М. Пришвин (Хрущёво, Елец), Т. Н. Хренников (Елец) и т.д.), которые стали таковыми во многом, не вопреки провинциальной среде, а благодаря. Этот перечень, безусловно, можно продолжать. Только компромиссное, уравновешенное отношение культурных локусов (столица ↔ провинция) друг к другу может стать основой их многообразной синергии в будущем, явив миру совершенно новые формы и импульсы.

В последние годы наблюдается интерес к феномену провинции как «социокультурному типу, определяющему особенности российской цивилизации в целом» [2], так как традиционные ценности российской культуры сохраняются лишь благодаря провинции. По мнению М. А. Арефьева и А. Г. Давыденковой, «... именно провинциальная культура» ляжет в основу самосохранения русской духовности и будет являться «противовесом» глобализации культур с «приоритетом западных потребительских ценностей» [2, с. 287–295.]. Вместе с тем, по мнению Ю. Л. Балюшиной и С. С. Касаткиной, малый провинциальный город может репрезентироваться как «пространство социализации» [4] со своей культурной и социальной спецификой. Кроме того, в поле зрения учёных (О. В. Аксёнова) оказываются и категории модернизации в социокультурных реалиях российской провинции [1], а расширение возможностей повышения квалификации (А. Г. Волков) воспринимается в качестве новых социальных лифтов регионального пространства [5].

Одновременно с обозначенными векторами изучения провинциальных локальностей в отечественном научном дискурсе внимание учёных периодически привлекает феномен образования в провинции. Среди работ, посвящённых этой теме, следует особо выделить исследование С. В. Мудролюбовой, в котором анализируется роль русской православной церкви в развитии образования в российской провинции [13]. В то же время невозможно оставить без внимания отдельные исследования, которые посвящены феномену высшего образования в провинциальных регионах. Так, особенности организации образования в провинциальных вузах анализирует Т. В. Пищулина [16], высшее гуманитарное образование в российской провинции XX века в контексте социальной истории идей находится в поле зрения А. Ю. Сорочана [19], о месте вузов провинции в современных российских стратегиях образования размышляет Х. Г. Тхагапсаев [21].

Однако в аспекте избранной темы данного исследования наибольший интерес представляет работа «Будущее российского образования – за вузами из провинции» (В. П. Кузовлев, Е. Н. Герасимова, О. В. Долженко, Н. В. Кузовлева), посвящённая функционированию провинциального вуза в современных условиях модернизации образования, где на первый план выступает подготовка конкурентоспособного специалиста с учётом потребностей региона [8]. Речь идёт о Елецком государственном университете имени И. А. Бунина, который с полной уверенностью можно назвать историко-культурным центром и культурно-образовательным феноменом провинциального региона.

Елецкий госуниверситет свою историю, по большому счёту, начинает с открытия в Ельце (на тот момент Орловской губернии) женской гимназии (1874), выпускницы которой получали звание учительниц начальных училищ и право заниматься обучением на дому. Проходя сложный путь многочисленных реорганизаций и преобразований – рабфак, учительский институт, педагогический институт и, наконец, ЕГУ имени И. А. Бунина, это учебное заведение всегда являлось не только центром образования, но и оазисом культуры провинциального города в «срединной России».

В связи с этим невозможно не согласиться с гениальными словами выдающегося писателя, оригинального мыслителя, блистательного философа и незаурядного этнографа, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с Ельцом и его окрестностями, – Михаила Михайловича Пришвина, отмечавшего, что «всё хорошее русского человека сберегается в глухих местах, в стороне от цивилизации ...» [17, с. 181]. В этом смысле провинциальная Елецкая дестинация является средоточием такого мощного историко-культурного пласта, значение которого в сохранении непреходящих ценностей невозможно переоценить. Для И. А. Бунина, например, провинциальный Елец и его округа стали не только «местом

силы», но и символом русского мира, где впервые его «коснулось» сознание, что он «русский и живёт в России». Особым ментальным и судьбоносным пространством Елецкий край явился и для М. М. Пришвина, получившего здесь такой творческий импульс, который позволил ему на протяжении всей жизни реализовывать себя как самобытного русского художника, многогранное творчество которого до конца ещё предстоит понять и осмыслить. Своей «духовной родиной», «родиной своей души», «нравственной родиной» считал Елец известный русский религиозный философ, публицист, литературный критик, преподававший некоторое время в Елецкой мужской гимназии, В. В. Розанов.

Память о выдающихся предках на протяжении многих лет сохраняется в умах и сердцах благодарных потомков. Так, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина – это единственный в России вуз, удостоенный имени великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, ставшего первым Нобелевским лауреатом (1933) в области литературы. Именно здесь (тогда ещё в ЕГПИ – Елецком государственном педагогическом институте) в 1968 году прошла первая в стране Всесоюзная межвузовская научная конференция, своего рода «съезд буниноведов» (в ознаменование 15-летия со дня смерти писателя и 35-летия со дня присуждения ему Нобелевской премии). В конце 1980-х годов ЕГПИ стал научно-координационным центром по изучению творчества И. А. Бунина, М. М. Пришвина и В. В. Розанова. В 1983 году на базе ЕГПИ состоялись республиканские Пришвинские чтения, а в 1993 году – республиканские Розановские чтения. На протяжении всех последующих лет вузом проводились международные и всероссийские научные конференции, посвящённые не только художественному наследию И. А. Бунина и М. М. Пришвина, но и других писателей, учёных, музыкантов, общественных деятелей региона, внёсших огромный вклад в развитие отечественной и мировой культуры. ЕГУ имени И. А. Бунина постоянно поддерживает научные и творческие контакты с учёными из разных стран, в сферу научных интересов которых входит изучение художественного наследия И. А. Бунина, М. М. Пришвина и других деятелей истории и культуры, биографически связанных с Ельцом и его окрестностями. В дальнейшем всё это способствовало созданию международного центра «Бунинская Россия» (2010). До сих пор «живое дыхание» И. А. Бунина ощущается в атмосфере тех многочисленных, разноплановых и разноуровневых мероприятий, проходящих в стенах провинциального Alma mater. В диссертационных советах как ЕГУ имени И. А. Бунина, так и других вузов страны были защищены докторские и кандидатские диссертации, посвящённые актуальным проблемам буниноведения и пришвиноведения; разработаны туристские маршруты в Ельце, Елецком районе и в целом по Липецкой области, связанные с древней историей края, с биографиче-

скими проектами выдающихся земляков; создана уникальная коллекция историко-краеведческих материалов. В настоящее время в регионе реализуются туристские проекты, выросшие из выпускных квалификационных работ студентов: фестивали «Антоновские яблоки» и «Русская закваска», ставшие брендовыми для территории.

Именно благодаря кропотливой работе коллектива университета, комплексным фольклорно-краеведческим экспедициям в бунинские (Озёрки и другие) и пришвинские (Хрущёво, Пальна-Михайловка и другие) места Становлянского района Липецкой области были собраны архивные материалы для создания в Ельце первого в России Дома-музея И. А. Бунина, музейного комплекса в деревне Озёрки Становлянского района.

С 1990-х годов в вузе активно развивается издательская деятельность. В период с 2000-х по 2020-е годы были опубликованы коллективные монографии «И. А. Бунин: филологический дискурс» (2005), «Бунинская Россия: Озёрки-Батурино» (2006), «Бунинская Россия: Уездное» (2007), «Бунинская Россия: Елец» (2008); «Вестник Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина. Серия: Историко-культурное наследие. Вып. 12.» (2006); изданы сборники научных трудов по итогам международных и всероссийских конференций; подготовлены различные словари языка произведений И. А. Бунина и т.д. В настоящее время внедрение компьютерных технологий, высокий редакционно-издательский и полиграфический потенциал позволяет выпускать не только сборники научных трудов по итогам конференций различного формата, но и крупные оригинальные исследования, в том числе научные журналы, входящие в Перечень российских рецензируемых научных изданий, где публикуются научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. Среди наиболее значимых следует отметить такие, как «Запад – Россия – Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция» (2012–2013); «История: факты и символы» (2014–2020); «Молодёжная наука: тенденции развития» (2016–2020); «Психология образования в поликультурном пространстве» (2007–2020); «Филоlogos» (2007–2020); «Вестник Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина. Вып. 23. Серия: Археология» (2009) и другие.

Фундаментальный вклад в научное изучение Ельца и развитие российской археологии внёс ещё один выдающийся ельчанин, Почётный гражданин города, лауреат национальной премии «Достояние поколений», заслуженный деятель науки Российской Федерации Анатолий Дмитриевич Пряхин, которому удалось воплотить в жизнь не только свои задумки по реализации идеи «Елец – уникальная территория России», но и стать у истоков возрождения исторического образования в ЕГУ имени И. А. Бунина [11]. В результате длительной кропотливой работы серьёзные историко-археологические исследования, систематически проводи-

мые университетом в 1990–2010-е годы, позволили на основе раскопок древних поселений Елецкой земли и обнаруженных в процессе их проведения различных артефактов сделать многочисленные открытия в отношении особенностей развития древнего региона в разные периоды русской истории.

С особым трепетом относился к своей малой родине и упоминал о ней (в интервью или частных беседах) только в превосходной степени Т. Н. Хренников. Елецкая земля «напитала» его настолько, что практически до конца дней у него хватало сил и музицировать, и сочинять, и «сеять разумное, доброе, вечное», преподавая, и т.д. Выдающийся композитор, Почётный гражданин города, он дал «путёвку в жизнь» музыкальному отделению ЕГУ имени И. А. Бунина, без которого невозможно представить проведение в вузе и в городе мероприятий любого масштаба. Творческие коллективы этого подразделения университета (ансамбль русской песни «Завалинка», камерный хор «Классик», вокальный ансамбль «Вдохновение» и другие) являются неизменными участниками всевозможных фестивалей и конкурсов различного уровня. Среди них Международный Балканский молодёжный фестиваль «Младоста на Балканите» (Сандански, Республика Болгария), «Очарование Богемии» (Прага, Чехия), «Хойнувские дни церковной музыки» (Польша), VI Международный зарубежный конкурс-фестиваль исполнительского искусства «Vacanze Romane» (Рим, Италия), Фестиваль-конкурс исполнительского искусства «NORTH FEST» (Хельсинки, Финляндия), вокальные конкурсы в Республике Сербия, международные конкурсы-фестивали творческой молодёжи, фестивали инновационных проектов и т.д.

Профессиональная деятельность учебного заведения постоянно совершенствуется и активизируется в разных направлениях благодаря проведению различных мастер-классов, творческих конкурсов и фестивалей как на площадках университета («Православие и искусство», «Юный дизайнер» и другие), так и в результате участия преподавателей и студентов вуза в разных мероприятиях, устраиваемых другими учебными заведениями и структурами на региональном, межрегиональном, федеральном уровнях, а также в ближнем и дальнем зарубежье (Международный фестиваль дизайна, моды и ремёсел «Губернский стиль» (Воронеж), Международный смежный фестиваль-конкурс искусств «Мир талантов»/«Звездапад» (Москва), Всероссийский открытый конкурс дизайна и моделирования «Идея 2020» (Москва), Международный фестиваль детско-молодёжного творчества и педагогических инноваций «Кубок Беларуси по художественному творчеству – Ассамблея Искусств» (Минск, Республика Беларусь), Международная выставка-конкурс концептуального, авангардного и абстрактного искусства (Чехия) и другие). Кроме того, во многом благодаря деятельности коллектива университета система-

тизируются материалы и вновь открываются для мирового сообщества опыт и традиции уникальных русских народных промыслов и ремёсел (кружевоплетение, кузнечное дело, сапоговальние, елецкая рояльная гармонь и другие).

Знаковой фигурой для Ельца является и Р. А. Григорьева – известный кинорежиссёр, сценарист, продолжившая традиции «подвижнической деятельности» своей матери – ельчанки Н. В. Поповой, выдающегося государственного деятеля советской эпохи. Для неё (москвички по месту рождения) этот город олицетворял собой «маленькую модель России». В Ельце она сняла не только свои лучшие художественные и документальные фильмы («Говорит Москва», «Мальчики», «Елец православный»), но и объединила идеей «всемирного миротворчества» в уникальное сообщество видных деятелей науки, культуры и искусства России и зарубежных стран в «Елецкое землячество», для которого город и университет стали центром духовного притяжения. В провинциальный Елец «зачастили» гости из стран ближнего и дальнего зарубежья, формат проводимых мероприятий получил международный статус, а ЕГУ имени И. А. Бунина в результате приобрёл не только известность, но и оказался в русле современных культурно-образовательных тенденций: в рамках программ обмена наши обучающиеся и преподаватели стажировались в Испании и Чехии, Германии и Франции, Италии и Китае и других странах, а представители этих стран с аналогичными целями посещают университет.

Религия, как известно, не только интерпретирует фундаментальные подходы к понятиям добра и зла, но и способствует «формированию жизненного пути», предлагая своё понимание «отношения к миру» [12, с. 65]. Несмотря на законодательную отделённость церкви от государства, а образования от религии, в духовно-нравственном плане Елецкая епархия Русской православной церкви (Липецкая митрополия, Московский патриархат) совместно с университетом реализует культурно-просветительские программы («Рождественские чтения», издание альманаха религиоведения «Собор» (2000-е) и другие).

Бесспорно, ЕГУ имени И. А. Бунина осуществляет целый комплекс мероприятий, направленных на сохранение и приумножение историко-культурного наследия не только Липецкого региона в целом, но и самого университета в частности: проводит Бунинские и Пришвинские чтения различного формата, международные форумы и фестивали и другие, иллюстрируя имеющийся опыт и возможный потенциал учебного заведения. На данном этапе вуз органично вписывается в актуальную реальность, взаимодействуя с рядом потенциальных партнёров среди промышленных предприятий, образовательных учреждений, органов власти, центров занятости населения как города, так и области. Однако, как и любой другой социальный институт, он испытывает определённые про-

блемы, связанные с последствиями пандемии COVID-19, цифровизацией, глобализацией и необходимостью выхода на новые уровни международного образовательного сотрудничества в условиях напряжённой политической ситуации.

Стратегии развития Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе предполагают:

- географическое расширение международного сотрудничества;
- усиление кадрового потенциала вуза и обеспечение его преемственности по актуальным направлениям подготовки;
- сосредоточение внутренних ресурсов на формировании новых научных школ, востребованных в современном медиадискурсе;
- диверсификацию взаимовыгодного сотрудничества с работодателями города, региона, страны;
- сохранение историко-культурного наследия, обеспечивающего преемственность традиций и осознание того, что «новое – это хорошо забытое старое»;
- содействие в духовно-нравственном воспитании последующих поколений.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина сегодня – это своеобразное «место силы» и центр притяжения провинциального региона, который бережно хранит своё прошлое, активно идёт в ногу со временем, уверенно смотрит в будущее, стремясь приумножать заслуги предшествующих поколений. В самые сложные периоды истории государства и в судьбоносные моменты отдельных личностей провинция, или «русская глубинка», аккумулирующая в себе вселенскую гармонию вопреки многочисленным цивилизационным конфликтным импульсам, становилась доминантой, к которой устремлялись как к «надёжному причалу», как к «началу начал», способствующему сохранению национальной самоидентификации. Думается, что в данной ситуации позиционировать провинциальный Елец следует не только как город-воин, не только как духовную и культурную столицу Липецкой области, но и как уникальный наукоград: Елец – город-университет.

Список литературы

1. *Аксёнова О. В.* Традиции модернизации : социокультурные паттерны жизнедеятельности российских локальностей // Россия реформирующаяся. – 2015. – № 13. – С. 51–70.
2. *Арефьев М. А., Давыденкова А. Г.* Провинция как социокультурный тип русской цивилизации // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России : история и современность : материалы V Международной научно-практической конференции (Брянск, 20–21 апреля 2018 года) / под ред. Т. И. Рябовой. – Брянск : БГИТУ, 2018. – С. 287–295.

3. *Атаманова Е. Т.* Русская классика и формирование креативной личности в поликультурном пространстве современности // Развитие креативности личности в современном образовательном пространстве : сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. 28 апреля 2016 года. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2016. – С. 202–206.
4. *Балюшина Ю. Л., Касаткина С. С.* Малый провинциальный город как пространство социализации : монография. – Саратов : Вузовское образование, 2018. – 179 с.
5. *Волков Ю. Г.* Новые социальные лифты в региональном пространстве // Россия реформирующаяся. – 2020. – № 18. – С. 131–159.
6. Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина : история и современность / авт.-сост. Н. А. Белькова. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. – 66 с.
7. *Злотникова Т. С.* Провинциальный дискурс русской культуры // Философские науки. – 2019. – Том 62. – № 11. – С. 14–26.
8. *Кузовлев В. П., Герасимова Е. Н., Долженко О. В., Кузовлева Н. В.* Будущее российского образования – за вузами из провинции // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2011. – № 13. – С. 39–46.
9. *Ласунский О. Г.* Литературно-общественное движение в русской провинции : (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 211 с.
10. *Лихачёв Д. С.* Культурное одичание грозит нашей стране из ближайшего будущего... // Известия. – 1991. – № 27. – 29 мая. – С. 3.
11. *Ляпин Д. А., Тропин Н. А.* Памяти ельчанина Анатолия Дмитриевича Пряхина // История : факты и символы. – 2018. – Вып. 3 (16). – С. 171–175.
12. *Матвиенко В. А.* Политические партии и религии в современном мире : институциональные аспекты взаимодействия // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Том 23. – № 4. – С. 62–67.
13. *Мудролюбова С. В.* Роль Русской православной церкви в развитии образования в российской провинции (на примере Вятской губернии) : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Мудролюбова Светлана Васильевна. – Киров, 2006. – 194 с.
14. Официальный веб-сайт Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина [Электронный ресурс]. – URL: <http://elsu.ru/>
15. *Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда : Историко-краеведный семинар : Приложение указатель словарей местных деятелей. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1928. – 148 с.
16. *Пищулина Т. В.* Вуз в провинции : особенности организации образования // Высшее образование в России. – 2009. – № 7. – С. 181–184.
17. *Пришвин М. М.* Дневники. 1923–1925. Книга четвёртая. – Москва : Русская книга, 1999. – 416 с.
18. *Пушков В. П., Пушков Л. В., Завьялов С. М.* Елецкий интеллектуальный феномен (воспитанники Елецкой гимназии – выпускники Московского университета 1881–1916 гг.) // Елецкий государственный университет имени

- И. А. Бунина : история и современность / авт.-сост. Н. А. Белькова. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. – С. 52–65.
19. Сорочан А. Ю. Высшее гуманитарное образование в российской провинции XX века в контексте социальной истории идей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2005. – № 3. – С. 87–93.
20. Становление культурно-образовательной среды Липецкой области (Елецкий край). Посвящается 50-летию образования Липецкой области и 65-летию образования Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. – 473 с.
21. Тхагалсаев Х. Г. Вверх по лестнице, ведущей вниз (вуз провинции в современных российских стратегиях образования) // UNIVERSUM : Вестник Герценовского университета. – 2013. – № 2. – С. 138–147.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

УДК 37.035

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-122-132>

Татьяна Николаевна НОВОЖИЛОВА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогических и информационных технологий Самарского государственного института культуры, Самара, Российская Федерация, e-mail: tatini24@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования ценностных ориентаций студенческой молодёжи, что отвечает содержанию универсальных компетенций, отражённых в ФГОС 3++. В статье актуализирована взаимосвязь между ценностями личности и её способностью осуществлять социально приемлемый, нравственный выбор в современном мире неопределённости. Автор обозначает общие характеристики в подготовке специалистов социокультурного профиля, значимых с точки зрения их профессиональной подготовки, что обуславливает особое внимание к формированию ценностных ориентаций студентов вузов культуры. Описаны причины негативных последствий в обобщённой картине ценностных ориентаций личности в свете событий новейшей истории страны. На основании анализа материалов социологических исследований и информационного контента интернет-пространства создан социально-психологический профиль современной молодёжи и обозначены некоторые негативные тренды. В статье автор показывает, что формирование ценностных ориентаций студентов в вузах культуры представляет собой многогранный синтетический процесс, эффективная направленность которого требует построения учебно-воспитательной деятельности преподавателя на основе принципов синергичности, учёта изменившегося социально-психологического портрета современной молодёжи, её мотивационно-потребностной, смыслопоисковой сфер, при использовании междисциплинарного подхода в педагогической деятельности преподавателей вуза как инструмента формирования нормативно-этической рефлексии студентов, позволяющей отделить нравственную норму от отклонения, позволяющей жить в мире, выстраивать нетоксичные, продуктивные коммуникации. Обосновывается необходимость возрождения воспитательной работы в вузе и поиска целесообразных форм учебной и внеучебной воспитательной работы в соответствии с современным социальным контентом.

Ключевые понятия: мировоззрение, ценностные ориентации, социальная зрелость, студенческая молодёжь, учебно-воспитательная работа, профессиональная подготовка.

Для цитирования: Новожилова Т. Н. Формирование ценностных ориентаций студентов вуза культуры в контексте их профессиональной подготовки // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 122–132. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-122-132>

FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF CULTURE IN THE CONTEXT OF THEIR PROFESSIONAL TRAINING

Tatiana N. Novozhilova, PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Pedagogical and Information Technologies, the Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation, e-mail: tatini24@mail.ru

Abstract: The article actualizes the problem of the formation of value orientations of students, which corresponds to the content of universal competencies reflected in the Federal State Educational Standard 3+-. The article actualizes the relationship between the values of the individual and his ability to make socially acceptable, moral choices in the modern world of uncertainty. The author identifies common features in the training of specialists of social and cultural profile of important from the point of view of their training, which causes special attention to the formation of value orientations of students of culture. The reasons for the negative consequences in the generalized picture of the value orientations of the individual in the light of the events of the recent history of the country are described. Based on the analysis of the materials of sociological research and the information content of the Internet space, a social and psychological profile of modern youth was created and some negative trends were identified. In the article the author shows that the formation of value orientations of students in higher education institutions of culture is a multi-faceted synthetic process, the effective orientation of which requires the construction of educational activity of the teacher on the basis of the principles of synergy, taking into account the changed social and psychological portrait of modern youth and focusing on its motivational-need, meaning-seeking spheres; the use of an interdisciplinary approach in the pedagogical activity of university teachers as a tool for the formation of normative and ethical reflection of students, allowing them to separate the moral norm from the deviation, allowing them to live in peace, to build non-toxic, productive communications. The necessity of reviving educational work at the university and finding appropriate forms of educational and extracurricular educational work in accordance with modern social content is justified.

Keywords: worldview, value orientations, social maturity, student youth, educational work, professional training.

For citation: Novozhilova T. N. Formation of value orientations of students of higher education institutions of culture in the context of their professional training. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 122–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-122-132>

Студенческая молодёжь, как широкая социально-демографическая группа, которая в определённой степени несёт в себе потенциал для построения инновационного профиля страны, во многом уже сегодня определяет будущее государства. Это значит, что от её менталитета, ценностно смысловой сферы зависит дальнейшая жизнь общества, его развитие как в материальном, так и в культурном плане [1; 2; 4]. «Менталитет складывается на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития той или иной общности» [12, с. 85]. Среди факторов, влияющих на формирование менталитета личности и социальной общности особое место занимает образование. Однако в связи с изло-

мом социально-экономической основы общества, а также причудливостью современного социального контента высшей школе необходимо переосмыслить подходы к формированию личности студенческой молодёжи в процессе её профессиональной подготовки.

Особенность современной действительности в глобальном масштабе заключаются в том, что мир живёт в ситуации крайней неопределённости, когда каждая альтернатива воздействия на состояние окружающей среды, включая социальную общность, может иметь несколько результатов, и вероятность возникновения исходов спрогнозировать очень трудно. Выбор наилучших решений в состоянии неопределённости детерминирован многими факторами, однако во многом он определяется той или иной позицией субъекта, делающего выбор. Безусловно, это зависит от сознания субъекта, его мировоззрения, основу которого составляют ценностные ориентации, представляющие собой своеобразный индикатор социальной жизнеспособности личности. Ценностные ориентации, с одной стороны, отражают содержание потребностной сферы, с другой – определяют состояние её социальной зрелости. Именно поэтому вопрос о ценностных ориентациях современной студенческой молодёжи приобретает особую актуальность.

В настоящее время компетентность, связанная с мировоззрением, информационной компетентностью, правомерно рассматривается в контексте компетенций, обозначенных в ФГОС 3++. В формулировке УК-1 «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» не используется понятие «мировоззрение», однако очевидно, что оно присутствует здесь «в снятом виде» – как мировоззренческая активность, психологическое содержание которой, представленное в исследованиях Д. А. Леонтьева, характеризуется как «индивидуальная диспозиция, проявляющаяся в большей или меньшей активности сознания в построении индивидуальной картины мира» [5, с. 5]. Поскольку вузы культуры осуществляют профессиональную подготовку специалистов социокультурной сферы во всём многообразии направлений: для органов управления культурой (культурологов, менеджеров, социально-культурной сферы); для образовательных учреждений соответствующего профиля (педагогов); для специальных институтов социально-культурной сферы; учреждений информационной деятельности (клубов, музеев, библиотек, культурно-досуговых центров и т.д.), значимость мировоззренческой активности для студентов вузов культуры трудно переоценить [7, с. 109].

Несмотря на то, что веер направлений и профилей профессиональной подготовки студентов вузов культуры необычайно развёрнут и каждый сегмент имеет свою специфику, их объединяет ряд важных, с точки зрения включения выпускника в профессиональный контент, характе-

ристик. Среди них назовём следующие: 1) все выпускники в той или иной степени осуществляют свою деятельность в системе «человек – человек»; 2) специалисты социокультурной сферы призваны выполнять такие функции, как коммуникативная, просветительская, нормативно-регуляционная и т.д.; 3) взаимодействие с «Другим» предполагает наличие психологической культуры, позволяющей устанавливать гуманные, продуктивные, нетоксичные отношения [7, с. 111–112]. Профессиональная деятельность многих выпускников в дальнейшем разворачивается в сфере дополнительного образования детей, а это требует постоянного поиска альтернативных решений, гибкости, мобильности и личностной зрелости. От его картины мира и мировоззренческой активности, ценностных ориентаций во многом зависит результат учебно-воспитательной работы. Его мировоззрение являет собой специфический личностный фильтр, позволяющий определить и отобрать адекватный поставленным педагогическим задачам вектор и средства взаимодействия с воспитанником.

Проблема ценностных ориентаций как составляющей мировоззрения личности – предмет размышления и научного поиска и философов, и педагогов, и психологов (К. Клакхон, Г. Хофстеде, В. Тугаринов, Ш. Шварц, М. Рокич и многие другие). В широком смысле ценности человека – это значимость явлений и предметов объективной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности; в более узком смысле – нравственные и эстетические требования, выработанные культурой. Как личная, так и общественная жизнь с необходимостью требуют ценностных стандартов, в отношении которых должно доминировать всеобщее согласие. И здесь совершенно очевидно, что дисбаланс в соотношении ценностных стандартов личности и социума неизбежно приводит к деструктивным социальным процессам, которые, к сожалению, происходят в современной жизни страны. Раскрывая сущность ценностей, аксиология позволяет ответить на сложные и важные вопросы: о смысле жизни, о подлинных и ложных ценностях, в чём состоит действительное счастье человека и т.д.

Ценностные ориентиры каждой исторической эпохи определяются многими факторами, и они подвержены трансформации.

Анализ научных публикаций и социальный опыт поколения 45–50+ позволяют сделать вывод о том, что 1990-е годы в нашей стране – это период резкого слома многолетних устоев, отказа от традиционной системы ценностей, усиления прагматичности человека, его выраженной ориентации на личную выгоду и пользу. В этот период становление молодёжи происходило в условиях ценностной трансформации всех социальных институтов, определяющих её социализацию. Семья была поставлена перед необходимостью зарабатывать деньги в условиях «дикого рынка», а воспитательная функция из системы образования была

фактически устранена. Неолиберальные установки, отсутствие собственной финансовой системы, ориентация на западный образ жизни, конституционный запрет на общую для нашей страны идеологию и цензуру – черты, которые озаменовали начало XXI века в России. В этот период началась активная коммерциализация системы образования, а присоединение России к Болонскому процессу в 2003 году привело к качественным изменениям в этой сфере. Государственная оценка труда преподавателя вуза подверглась пересмотру.

Во втором десятилетии текущего века на фоне ярких внешнеполитических событий меняется риторика политических элит, которые всё чаще стали призывать к патриотизму, пробуждению национального самосознания, единению. В этот момент Президент России В. В. Путин выдвинул тезис о том, что именно патриотизм является национальной идеей в современной России. В июле 2020 года Госдума приняла в третьем чтении поправки в закон «Об образовании в РФ» по вопросам воспитания обучающихся. В этих материалах раскрывается механизм организации воспитательной работы, которая должна стать частью образовательных программ во всех образовательных организациях страны. Закон о воспитании вступит в силу с 1 сентября 2021 года. Это обстоятельство ещё больше актуализирует проблему разработки программ по формированию ценностных ориентаций учащейся молодёжи, и в том числе студенчества.

Важной чертой в специфике воспитательной работы в высших учебных заведениях является то, что в вуз приходят молодые люди, уже имеющие определённые взгляды, устремления, интересы и пусть небольшой социальный опыт. В этом смысле важнейшим психолого-педагогическим условием воспитательной работы является учёт не только возрастных и индивидуальных особенностей студентов, но и особенностей их менталитета. Именно поэтому педагогам необходимо иметь чёткое представление о социально-психологическом профиле современной молодёжи, а также о тех механизмах, которые оказывают воздействие на её сознание.

Итак, в пространстве вуза в настоящее время циркулируют два поколения: поколение «Y» (те, кого называют миллениалами) и поколение «Z» (дети, выросшие в цифровую эпоху). Несмотря на то, что нельзя вывести формулу или типологию ценностных ориентаций всех молодых людей, можно определить основные тренды. Какие же установки и взгляды для них характерны?

Согласно опросным данным, молодые люди получают информацию в основном благодаря Интернету из каналов «Яндекс», Telegram, TikTok и видеоблогов. Телепрограммы, телевизионные персонажи постепенно вытеснили герои YouTube и Instagram (интернет-ресурсы с невероятно быстро растущей аудиторией). YouTube стал интернет-платформой, которая позволяет новым политикам, активистам получить признание у мил-

лионов молодых пользователей сети Интернет по всей стране. Новые общественные деятели имеют прямой доступ к своей аудитории, зачастую минуя фильтры государственного контроля.

Если старшее поколение продолжает следить по телевизору за теми или иными известными политиками, то у молодых людей свои герои. Например, к ним можно отнести журналиста Юрия Дудя (более 7 млн подписчиков на YouTube); актёра Антона Лапенко (свыше 2 млн подписчиков), реперов Гнойного и Аксюмерона и других – все они активны в социальных сетях и привлекают внимание молодой аудитории. Индикатором известности и привлекательности сегодня служит число фолловеров (подписчиков) на их аккаунты в Instagram. Например, лидерами на этом поприще выступает Ольга Бузова, у которой более 1 млн подписчиков в YouTube и более 21 млн в Instagram, спортсмен Хабиб Нурмагомедов (20 млн в Instagram), Настя Ивлеева (более 17 млн), певцы Тимати (15 млн) и Егор Крид (12 млн), Ксения Бородина (более 14 млн), Morgenshtern (6,5 млн) и другие. Все они – своеобразное зеркало интересов молодёжи – музыка, кино, спорт и развлечения. Интерес молодёжи к этим фигурам объясняется не столько их творчеством или скандальным поведением, а тем, что все они успешные, состоятельные и состоявшиеся люди. И если для старшего поколения, например, Ольга Бузова – воплощение распущенности и вульгарности, то для молодёжи «поколения Z» – символ успеха и финансовой независимости. Интересно то, что на современную молодёжь имеет огромное влияние не абстрактно Глобальная сеть, а так называемые микро- и наноинфлюенсеры. Это блогеры, у которых от 1 тыс. до 100 тыс. подписчиков. Чаще всего блогеры и их фолловеры – представители одной возрастной группы. Аудитория этих потребителей информации лояльна и доверяет мнению своих ровесников, людям своего круга. Нишевые блогеры обосновались на таких платформах, как Instagram, YouTube, Telegram, TikTok.

Настораживает то, что негативным трендом на просторах YouTube канала в последнее время становится так называемые треш-стримы, которые представляют собой демонстрацию в прямом эфире сцен насилия, жестокости, унижения. Причём такое зрелище имеет свои расценки и неплохо продаётся. Даже поверхностный анализ психологического состояния участников этих сцен позволяет утверждать, что такие духовные ценности, как добро, толерантность, сострадание, уважение к другому и самому себе, начисто отсутствуют как у тех, кто является организатором или участником, так и у потребителей этого зрелища.

Согласно опросам, молодые россияне в целом проявляют большую терпимость по отношению к ЛГБТ-сообществам и высказываются в пользу равных прав для людей нетрадиционной сексуальной ориентации [10, с. 28–29].

Для молодёжи России участие в политических митингах является одной из форм политической активности. Однако поскольку молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет находятся в стадии формирования мировоззрения, очень важно объединить усилия самых разных социальных институтов, и в том числе высших учебных заведений, по недопущению деструктивных проявлений во время проведения массовых политических акций.

Дополним портрет современного молодого человека картиной ценностных ориентаций, представленных в диаграмме 1.

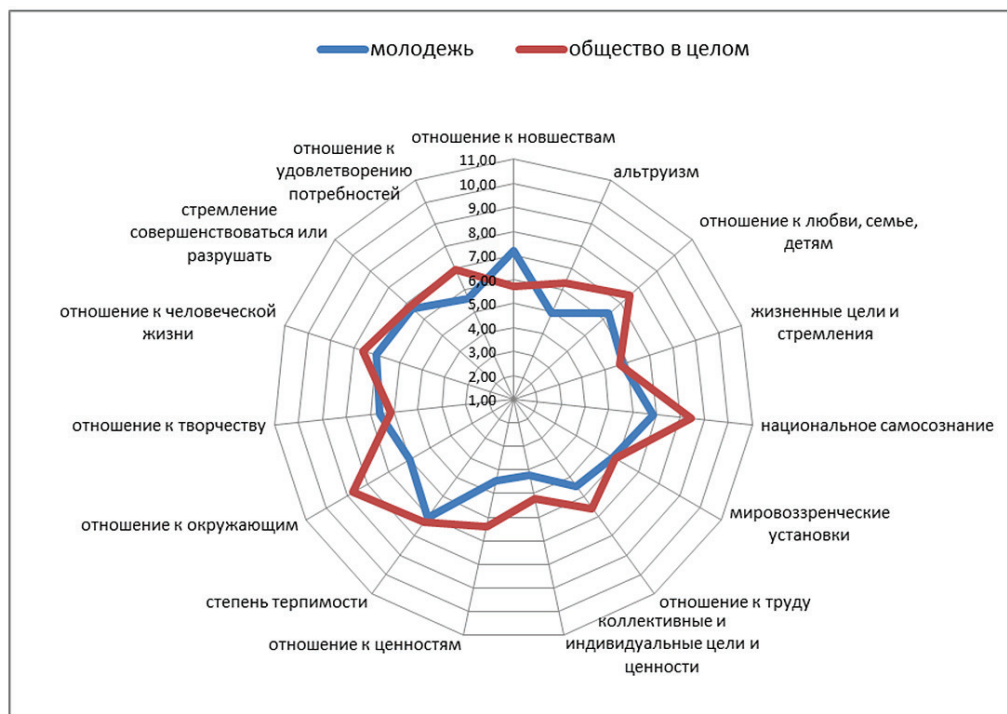

Диаграмма 1. Результаты социологических исследований ценностных ориентаций современной молодёжи [10].

На диаграмме видно, что между ценностными ориентациями общества и молодыми людьми есть некоторые расхождения. Особенно это касается ценностей, связанных с отношением «Я – Другой». Диаграмма фиксирует, что именно ориентация на другого, к которому необходимо проявлять толерантность, сострадание, уважение, принятие и другие, для молодых людей не является приоритетной. Это вполне объясняется переориентацией либеральных ценностей с коллективизма на индивидуализм, а также

утратой былых позиций коллектива в воспитании личности. Вместе с тем доказано, что усвоение норм эффективного социального взаимодействия невозможно вне социальной группы. Человеку нужен другой человек и жизнь в социальной общности. Обращает на себя внимание то, что такая ценность, как отношение к семье, также не занимает первого места, хотя и оценивается довольно высоко, а вот отношение к инновациям и терпимость выходят на лидирующие позиции. Таким образом, можно констатировать тенденцию усиления индивидуального начала в социальных проявлениях молодёжи, нарастание эгоизма, обострение внимания к себе.

Сравнительный анализ данных исследования, представленных на диаграмме, указывает на то, что такая ценность, как отношение к семье также не занимает первого места, хотя и оценивается довольно высоко, а вот отношение к инновациям и терпимость выходят на лидирующие позиции. Таким образом, можно констатировать тенденцию усиления индивидуального начала в социальных проявлениях молодёжи.

В этом смысле воспитание, как системная составляющая педагогического процесса современного вуза, должно наполниться новым осмыслением и стать важнейшим инструментом формирования ценностных ориентаций студенчества. История воспитательной работы в вузе содержит богатейший опыт, который, безусловно, нуждается в анализе и переосмыслении в соответствии с современным социальным контекстом. Какие же точки бифуркации в качестве условий коррекции установившегося в настоящее время режима работы педагогической системы в вузе можно использовать?

Во-первых, учитывая, что обучение невозможно рассматривать отдельно от процесса воспитания и наоборот, педагог по определению не может являться лишь ретранслятором информации по своей дисциплине. В настоящее время в образовательном процессе уделяем больше внимания технологиям в ущерб оказанию студенту помощи в поиске самого себя, смысла жизни. А вместе с тем содержанием учебной работы, кроме самой информации по предмету и средств педагогической деятельности, является и эмоциональный интеллект педагога, его отношение к студентам и к своей профессиональной деятельности и многое другое. Многие определяет и способность педагога включать в содержание своего курса межпредметные связи. Эти связи обнаруживают синергические эффекты, так как позволяют вырабатывать «универсальный ключ» к пониманию научных и культурных открытий, преодолеть ограниченность мировоззрения и профессионализации студентов. Междисциплинарные связи позволяют устанавливать «взаимопонимание» не только внутри гуманитарных или естественно-научных дисциплин, но и между ними. Использование знаний одной дисциплины

в рамках другой может быть эффективным инструментом для углубления не только понимания содержания дисциплины, но и для формирования целостности восприятия мира, Другого, самого себя. Эта тенденция является ключевой, так как именно педагог в процессе работы со студентами прямо или косвенно оказывает огромное влияние на сознание обучающихся. И здесь необходимо учитывать возрастные устремления студентов, научно установленные возрастной психологией. В возможностях педагога наполнять содержательное поле своей деятельности информацией, которая чрезвычайно актуальна для студентов. К значимым для этой возрастной группы вопросам относятся, например: «Кто я?», «Каковы смыслы моего существования?», «Каково моё место в жизни, в профессиональной деятельности, рядом с другими?», «Что есть любовь»? И другие. Именно поэтому так важно формировать у обучающихся метапредметные компетенции, реализация которых позволяет осуществлять рефлексию, эффективно жить в мире, делать осознанный нравственный выбор и т.д.

Во-вторых, учитывая, что студенчество, так или иначе, задумывается о решении матримониальной задачи, но при этом о браке и отношениях в нём зачастую имеет весьма размытые или даже искажённые представления, в учебные планы необходимо вводить дисциплины, направленные на формирование таких ценностей, как семья, «Я – Другой». В этом направлении в Самарском государственном институте культуры некоторыми субъектами образовательного процесса сделаны первые шаги. Так, в учебный план по направлению 530401 «Актёр драматического театра» введена дисциплина «Семейное воспитание», содержание которой ориентировано не только на формирование представлений о семье как о важной составляющей жизни каждого человека, но и на формирование особых умений выстраивать эффективные коммуникации.

Современные социальные ожидания и социальный запрос ориентированы на формирование толерантной личности, способной к уважению Другого, не такого, как Я, в том числе людей с ОВЗ. Формированию таких ценностных ориентаций может способствовать, например, курс «Основы инклюзивного образования», причём этот курс, по нашему мнению, должны слушать студенты всех направлений профессиональной подготовки в вузах культуры. Это обусловлено тем, что в ряду трудовых функций большинства направлений профессиональной подготовки в вузе культуры находится педагогическая функция. Это означает, что выпускники института культуры смогут реализовывать себя в педагогической деятельности в сфере дополнительного образования детей, пространство которого по закону является инклюзивным [6; 9]. Именно поэтому отсутствие в планах предметов, которые были бы направлены на формирование соответствующих компетенций, а значит, ценностных ориентаций

в системе «Я – Другой», отрицательно сказывается как на профессиональном, так и на личностном становлении студента.

В-третьих, очень важно учитывать, что ценности формируются не только в процессе изучения специальных дисциплин, но и в условиях внеучебной работы. К таким формам относятся традиции вуза, а также научные кружки, диспут-клубы, клубы встреч с интересными для студентов людьми и другие, где бы обсуждались острые темы, нравственные проблемы, отражённые в художественных произведениях (фильмы, спектакли, литературные произведения и т.д.). Воспитательные эффекты приносят и такие формы, как волонёрское движение, клубы по интересам и многие другие. Однако дело не только в самих формах воспитательной направленности. Важно неформальное, заинтересованное участие всех участников того или иного мероприятия.

Таким образом, формирование ценностных ориентаций студентов в вузах культуры представляет собой многогранный синтетический процесс, эффективная направленность которого требует учёта изменившегося социально-психологического профиля современной молодёжи и ориентации на её мотивационно-потребностную сферу; построения учебно-воспитательного процесса на основе не только компетентностного, но и культурологического подхода; наполнения содержания педагогического процесса по принципу установления синергичности связей между содержанием различных дисциплин, между учебными и внеучебными формами воспитательной работы; использования междисциплинарного и рефлексивного подходов в выстраивании содержания педагогической деятельности преподавателей вуза как инструмента формирования нормативно-этической рефлексии студентов, позволяющей им отделять нравственную норму от отклонения; формирования ценностных ориентаций в системе «Я – Другой», в том числе благодаря введению в учебные планы элективных курсов, направленных на формирование метапредметных компетенций, позволяющих жить в мире, выстраивать нетоксичные, продуктивные коммуникации.

Список литературы

1. Кузнецова Ю. Н. Влияние ценностных ориентаций личности на её социальное поведение в обществе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования : электронный научный журнал. – 2015. – № 2-2. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21781>
2. Крежевских О. В. Мировоззренческие компетенции воспитателя : Опыт теоретического и экспериментального изучения : монография. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 148 с.
3. Кулагина В. А. Русский менталитет : аспекты исследования [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования : электронный научно-практический журнал. – 2015. – № 9. – URL: <http://human.snauka.ru/2015/09/12688>

4. Кулебякин Е. В. Проблема менталитета и формирование личности // Ойкумена. – 2015. – № 1. – С. 16–22.
5. Леонтьев Д. А., Ильченко А. Н. Уровни мировоззренческой активности и их диагностика // Психологическая диагностика. – 2017. – № 3. – С. 3–17.
6. Новожилова Т. Н. Формирование когнитивной компетентности слабослышащих студентов в условиях инклюзивного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 2 (88). – С. 185–192. – DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10217
7. Новожилова Т. Н. Формирование специалиста социокультурного профиля : теоретические основы, концепции, методы. – Saarbrucken Germany, LAP LAMBERT Acadtmic publishing GmbH, 2011. – 181 с.
8. Рокич М. Методика «Ценностные ориентации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://dip-psi.ru/psikhologicheskiye-testy/post/metodika-m-rokicha-tsennostnyye-orientatsii>
9. Социальная педагогика в инклюзивной практике : учебное пособие / М. Н. Акимова, О. В. Воронова, Т. Н. Новожилова, Л. И. Родина. – Самара : Издательство Самарского университета, 2020. – 232 с.
10. Сулакшин С. С., Захаренко (Хвыля-Олинтер) Н. А. Система ценностей российской молодежи : экспертная оценка [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoj-molodeji-ekspertnaya-ocenka>
11. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1960. – 156 с.
12. Юрезич А. В. Факторы формирования менталитетов и эволюции национальных менталитетов [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2016. – Том 1. – № 3 (3). – С. 83–110. – URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document254.pdf>

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДУХОВИКОВ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНО- ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.878

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-133-142>

Павел Юрьевич ДЕЛИЙ,

заслуженный артист Российской Федерации,
кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой духовых оркестров и ансамблей факультета музыкального искусства Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия,
e-mail: artmaestro-ru@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу причин стагнации в отечественной системе подготовки профессиональных исполнителей на оркестровых духовых инструментах. Осуществляется аспектация данной проблемы на основе ряда научных публикаций и исследований. В статье анализируется состояние отечественной системы подготовки профессиональных духовиков в условиях реформирования, связанного с перестройкой на компетентностно-ориентированную модель и интеграцией в Болонский процесс. Выявляются причины кризисного состояния отечественного духового исполнительства в целом и системы подготовки духовиков как её неотъемлемой части. Кризисное состояние отечественной духовой школы усугубляется отсутствием достаточного количества научных исследований, направленных на поиск путей интеграции компетентностно-ориентированной парадигмы образования в отечественную трёхступенную систему профессиональной подготовки духовиков, формировавшуюся в течение более 100 лет по уникальной траектории. Отмечается, что нет исследований, обосновывающих системный и эволюционный переход в самой педагогической науке от системно-деятельностной концепции к компетентностно-ориентированной, что приводит к смешению понятийно-терминологической базы, смысловому и содержательному разрыву между научными исследованиями «докомпетентностного» периода и современными научными поисками.

Ключевые слова: профессиональная подготовка духовиков, компетентностный подход в музыкальном образовании, уникальная отечественная система музыкального образования, реформы музыкального образования, музыкальное образование и Болонский процесс, профессиональный стандарт духовика, исполнительство на духовых инструментах.

Для цитирования: Делий П. Ю. Отечественная система профессиональной подготовки духовиков в контексте компетентностно-ориентированной парадигмы образования // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 133–142. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-133-142>

THE RUSSIAN SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF SPIRITUAL TEACHERS IN THE CONTEXT OF THE COMPETENCE-ORIENTED PARADIGM OF EDUCATION

Pavel Yu. Deliy, Honored artist of the Russian Federation,
PhD in Pedagogic Sciences, Professor, Head at the Department of Brass Bands
and Ensembles, the Faculty of Music Art, the Moscow State Institute of Culture,
Khimki City, Moscow Region, Russia, e-mail: artmaestro-ru@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the causes of stagnation in the domestic system of training professional performers on orchestral wind instruments. The aspect of this problem is carried out on the basis of a number of scientific publications and studies. The article analyzes the state of the Russian system of training professional spiritual teachers in the context of the reform associated with the restructuring to a competence-based model and integration into the Bologna process. The author reveals the reasons for the crisis state of the Russian brass performance in general, and the system of training of brass players as an integral part of it. The crisis state of the Russian spiritual school is aggravated by the lack of a sufficient number of scientific studies aimed at finding ways to integrate the competence-oriented educational paradigm into the domestic three-stage system of professional training of spiritual teachers, which has been formed for more than 100 years along a unique trajectory. There are also no studies that justify the systematic and evolutionary transition in pedagogical science itself from a system-activity concept to a competence-oriented one, which leads to a confusion of the conceptual and terminological base, a semantic and content gap between scientific research of the “pre-competence” period and modern scientific research.

Keywords: professional training of brass players, competence approach in music education, unique domestic system of music education, music education reforms, music education and the Bologna process, professional standard of brass players, wind instrument performance.

For citation: Deliy P. Yu. The Russian system of professional training of spiritual teachers in the context of the competence-oriented paradigm of education. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 133–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-133-142>

Современные реформы образования ориентированы на повышение его качества и приведение в соответствие с общеевропейскими и мировыми стандартами. В первую очередь это связано с пересмотром целей и задач образовательного процесса, со смещением акцентов с содержательной стороны образовательного процесса на его результативную составляющую – подготовленность специалиста к реалиям профессиональной деятельности. В контексте такой трансформации на передний план выходят требования потенциальных работодателей по формированию комплекса компетенций, необходимых для успешного трудоустройства и эффективной профессиональной деятельности студентов по окончании обучения в вузе. Характеризуя современный период в жизни музыкальных вузов, Д. К. Кирнарская задаётся вопросом, а туда ли мы движемся в ходе этих реформ. По её мнению, «российское образование на протяжении всех

последних лет находится в состоянии реформирования. Меняются образовательные стандарты, меняются показатели аккредитации, внедряются революционные нововведения – Болонский процесс, сущность которого до сих пор остаётся для многих terra incognita, и замена всем известным ЗУНов (знаний, умений и навыков) на не вполне прозрачные “компетенции”. И это лишь краткий и отнюдь не полный перечень изменений, с которыми консервативная и громоздкая система образования вынуждена считаться. Что-то со скрежетом и скрипом сдвигается с места, но туда ли?» [7].

Болонский процесс с самого начала его реализации сопровождался широким разбросом мнений педагогического сообщества по его оценке: от позитивно-оптимистичных до полного неприятия. «Совершенно очевидно, что каким бы образом ни интерпретировали сущность и цели Болонского процесса, каким бы искажениям он ни подвергался в российском (и не только) высшем образовании, сколь бы энергично ни доказывали его неуместность с позиций “самобытности” отечественных традиций высшей школы, нельзя сомневаться в том, что его главная цель – совершенствование качества высшего образования – это важнейшая для России задача», – такая оценка содержится в статье В. И. Байденко и Н. А. Селезнёвой [3, с. 95].

Но те же авторы дальше пишут о том, что всё больше нивелируется «огромный инновационный потенциал, с которым вузы России входили в XXI век. К сожалению, ныне наши уникальные механизмы обеспечения единства общероссийского образовательного пространства в сфере высшей школы, наши в хорошем смысле “доморощенные” инструменты совершенствования качества образования – эти самые Учебно-методические объединения – всё более трансформируются в нежизнеспособные бюрократически-чиновничьи конструкции. Они в равной степени отстают и от добротных отечественных традиций, и от международных тенденций» [3, с. 96]. Л. В. Русских в статье «Реформа образования в России: промежуточные итоги» отмечает: «Профессиональное академическое сообщество практически не участвовало в разработке и осуществлении этого процесса, поэтому и проходил он не по пути приспособления отечественного образования к Болонской системе и сохранения того лучшего, что создавалось в нём многими поколениями профессорско-преподавательского состава, а по пути его неразумного разрушения» [8, с. 89]. По мнению Л. С. Гребнёва, «можно констатировать фундаментальную чуждость Болонского процесса как такового российской управленческой культуре в целом и её реализации в образовании, в том числе – в высшем» [4, с. 8].

Похоже, наступает отрезвление от эйфории насильственного встраивания России в глобальное образовательное пространство и интеграции

с западной образовательной моделью и понимание того, что повысить качество отечественного образования можно лишь поиском собственных путей развития, соответствующих национальным традициям и состоянию нашей российской экономики.

Профессиональная подготовка отечественных исполнителей на оркестровых духовых инструментах, являясь отдельной ветвью системы музыкального образования, испытывает те же трудности, что и остальные образовательные структуры в стране. Факультеты, осуществляющие подготовку музыкантов-духовиков, с большим трудом интегрируются в новую стратегию образования. Помимо этого, есть факторы, дополнительно дестабилизирующие эту сферу образования. Так, из-за отсутствия в настоящее время для профиля подготовки «Оркестровые духовые и ударные инструменты» профессиональных стандартов, а также из-за весьма размытых формулировок необходимых профессиональных компетенций у выпускников музыкальные вузы лишены чётких ориентиров в подготовке своих студентов и находятся в довольно неустойчивом состоянии. Декларируемые ФГОС третьего поколения требования к высшим учебным заведениям определить собственные уникальные ниши в образовательной системе разбиваются о реалии настоящего времени, в которых нет достаточного количества комплексных исследований, направленных на выявление требований работодателей к выпускникам этих вузов, а также систематизирующих методов формирования образовательных программ в контексте этих требований.

О том, что отечественная система подготовки профессиональных исполнителей на духовых инструментах переживает сегодня времена тяжёлого и затяжного кризиса, пишут давно и много. Первые признаки стагнации и деградации системы обозначились ещё в советское время. Многие авторы к признакам этого кризиса относят:

1) существенное, если не сказать критическое снижение конкурентоспособности отечественной духовой школы на международном уровне, которое проявляется отсутствием громких побед наших исполнителей на престижных международных конкурсах, тогда как такие победы во второй половине XX века были постоянны, а о выдающихся отечественных исполнителях-духовиках знали во всём мире;

2) резкое, тотальное и повсеместное снижение среднестатистического уровня исполнительского мастерства студентов музыкальных училищ и вузов, а также исполнителей профессиональных творческих коллективов.

Ситуация достигла сегодня такого предела, когда и в учебные заведения, и в творческие коллективы принимают духовиков, чей уровень исполнительского мастерства существенно ниже, чем уровень духовика-любителя в странах, где духовое исполнительство сегодня процветает. Комплектация штата духовиков в профессиональные оркестры стала

трудно разрешимой проблемой для администрации и художественных руководителей, о чём они регулярно сообщают в СМИ.

В большинстве публикаций, анализирующих причины кризиса духового исполнительства в России, выделяют чаще всего факторы, локализованные вне системы подготовки, – факторы внешние, средовые: снижение популярности духового исполнительства, низкий уровень заработной платы исполнителей и педагогов, отсутствие социальных гарантий и т.п. В частности, приводятся статистические данные по духовым классам в ДМШ и ДШИ, которые показывают, что лидируют в них флейта и саксофон, а такие редкие инструменты, как гобой, валторна или фагот, как шутят сами педагоги, пора заносить в «Красную книгу». Причина этого явления лежит не внутри педагогической системы подготовки исполнителей на духовых инструментах и не может быть существенно изменена усилиями представителей педагогического сообщества. Она связана со снижением популярности профессионального духового исполнительства, которое перестало восприниматься как мощный социальный лифт. Сегодня детей отдают в музыкальную школу на флейту по медицинским показаниям чаще, чем в целях комплексного формирования разносторонне развитой личности!

Дисбаланс исполнительских специальностей в музыкальных школах неизменно отражается на состоянии музыкальных вузов. Из-за низких конкурсов в них приходится закрывать классы редких духовых инструментов или, в лучшем случае, принимать абитуриентов с крайне низким уровнем начальной подготовки. В интервью ректор РАМ имени Гнесиных А. С. Рыжинский на вопрос Вадима Симонова: «Сейчас нередко говорят о нехватке преподавательских кадров в музыкальных вузах России. Как Вы смотрите на эту проблему, и есть ли она в нашей академии?» ответил: «В вузах, особенно региональных, присутствует острая нехватка не столько преподавателей, сколько качественно подготовленных абитуриентов. Главная проблема – в училищах, а проблема училищ кроется в музыкальных школах. Цепная реакция. Проблема с духовиками не вчера появилась, но то, что она толком не решалась, привело к сегодняшней нехватке представителей этой славной профессии в консерваториях. Боюсь, этот дефицит скоро коснётся практически всех музыкальных специальностей. За предшествующие годы было много потеряно, особенно в 1990-е» [1]. Статья Зои Игумновой так и называется «Духовые оркестры могут недосчитаться музыкантов» [6]. В ней говорится о катастрофическом положении в системе профессиональной подготовки исполнителей на духовых инструментах: «Отечественные духовые оркестры, прежде всего в регионах, – под угрозой. Директора музыкальных училищ бьют тревогу: по итогам приёмных экзаменов в музыкальные училища страны стал очевиден дефицит студентов-исполнителей на

медных духовых инструментах. Так, в одном из старейших музыкальных училищ России – Ярославском – на семь мест было лишь пять заявлений. В Череповце на четыре бюджетных места пришло четыре человека. Недостаток желающих учиться играть на трубах, тромбонах и тубах ощущается и во многих других городах страны ... в Ярославском музыкальном училище имени Л. В. Собинова, чтобы совсем не остаться без духовиков, на обучение готовы брать даже ребят, не имеющих начальной музыкальной подготовки» [6].

К внешним причинам, тормозящим развитие духового образования, следует отнести также:

1) существенное снижение массовости любительского и детского духового исполнительства;

2) закрытие отечественных фабрик по производству духовых музыкальных инструментов, результатом чего стала наша зависимость от зарубежных производителей, вызвавшая существенное повышение стоимости духовых инструментов и сделавшая их недоступными бюджету учебных заведений;

3) эмиграция за рубеж в 1990-е годы многих выдающихся исполнителей-духовиков;

4) невыстроенность государственной политики, направленной на поддержку и популяризацию духового исполнительства.

В то же время выявлению и изучению факторов, тормозящих развитие отечественной духовой школы и расположенных не вне, а внутри самой системы, посвящено значительно меньше исследований и публикаций. К негативным факторам относится кризисное состояние всей системы отечественного образования в целом, которая в последние десятилетия претерпела ряд глобальных трансформаций, связанных с присоединением к Болонскому процессу и перестройкой на компетентностно-ориентированную парадигму образования. В педагогике музыкального образования пока нет логически последовательной и систематизированной концепции условий перехода на парадигму компетентностно-ориентированного подхода.

Нет осмысленного и выверенного вектора развития научных исследований в области обучения исполнительству на духовых инструментах. Отменяет ли компетентностный подход достижения отечественной педагогической науки или же продолжает их? Как согласуются идеи системно-деятельностного подхода с компетентностной ориентацией, и согласуются ли они вообще? В работах современных авторов старые понятия и термины из деятельностного подхода свободно «дрейфуют» внутри научных исследований параллельно с новой терминологией компетентностной парадигмы, порождая путаницу, неоднозначность и даже многозначность используемых понятий, окончательно заводя в тупик

педагога, пытающегося разобраться в сущности современных реформ образования.

Интеграция в российское образование идей и принципов компетентностной модели не завершена, многие, принципиально важные аспекты реформирования до конца не разработаны, и это существенно обнуляет результаты реформ и преимущества новой образовательной концепции. Ярчайшим примером такого пробела можно считать отсутствие профессионального стандарта исполнителя-духовика, который должен быть основным ориентиром для построения образовательной программы подготовки этих специалистов. Не обнаруживаются даже попытки провести научное исследование, направленное на определение наиболее ёмких профессиональных ниш, в которые трудоустраиваются выпускники духовых кафедр вузов, а также выявить работодателей, представляющих эти ниши, способных сформулировать актуальные и перспективные требования к своим сотрудникам, наконец, нет даже перечня трудовых функций, которые должен этот сотрудник выполнять. Вне таких исследований эффективное построение компетентностно-ориентированной модели обучения маловероятно. Уход от старой модели образования и незаконченный переход на новую поставил всю систему профессиональной подготовки музыкантов-духовиков в крайне сложное и неустойчивое положение, требующее скорейшего завершения реформирования и выстраивания полноценной образовательной системы. Незаконченность реформирования, путаница между элементами компетентностной парадигмы и Болонского процесса, помноженные на недостаточную осведомлённость профессионального педагогического сообщества духовиков о принципах и преимуществах компетентностной модели, – всё это ведёт к неприятию реформ профессорско-преподавательским составом учебных заведений, которые, по сути, продолжают в новых реалиях работать по старым методикам.

При всём обилии исследований, посвящённых переходу на новую образовательную парадигму в различных сферах профессионального обучения, применительно к профессиональной подготовке исполнителей на духовых инструментах вопрос практически не изучен. В профессиональной среде духовиков-исполнителей и педагогов до сих пор периодически возникают дискуссии об обоснованности перехода на новую парадигму обучения и нередко говорится о преимуществах старых образовательных концепций по отношению к новым. В среде педагогов бытует мнение о надуманности и нежизнеспособности как структурных элементов компетентностно-ориентированного образования, так и новой парадигмы в целом. Одной из причин, ставящих под сомнение применимость современных западных образовательных технологий в отечественной системе образования, является её уникальность. Действительно, отечественное музы-

кальное образование развивалось иначе, чем европейские, американская и ряд азиатских образовательных систем. В результате более чем столетних поисков и апробаций в России закрепилась трёхступенная система профессиональной подготовки, аналогов которой нет в других странах: музыкальная школа, училище, вуз. В ней малоэффективны те подходы и стратегии, которые с успехом применяются при иной архитектуре образовательной системы. Простым копированием чужих шаблонов эту систему можно только погубить.

Болонский процесс, к которому Российская Федерация присоединилась в 2003 году, сегодня тоже подвергается активной критике. Представители профессионального музыкального образования, возможно, критикуют его активнее всех других. И это вполне объяснимо: на смену устоявшейся и вполне конкурентоспособной отечественной пятилетней системе высшего профессионального музыкального образования, достигшей в эпоху СССР своего высочайшего расцвета, насильственно, в угоду сиюминутным конъюнктурам, без вдумчивого и системного согласования с представителями профессиональных сообществ внедрена двухкомпонентная система – 4 года бакалавриата плюс 2 года магистратуры, которая поставила профессиональное педагогическое сообщество (духовое в первую очередь) в условия, существенно ухудшающие процесс подготовки специалистов. Есть сферы человеческой деятельности, в которых стандарты и традиции складываются десятилетиями, а бывает, и веками. Эти сферы подобны экосистемам, каждый мельчайший компонент которых является частью общего равновесия и незаменим. Такие системы неминуемо губят любые грубые искусственные, непродуманные вмешательства. Отечественную систему подготовки духовиков в полной мере можно отнести к таким «экосистемам», в которых всё, включая поэтапность, продолжительность, согласованность, методы обучения, инструментарий, структуру организации и управления образовательными учреждениями, складывалось не один десяток лет.

Приходится признать, что, несмотря на все усилия профессионального сообщества, правительственных и неправительственных организаций России, стремящихся реанимировать отечественное исполнительство на духовых инструментах, пока не удаётся вдохнуть в него новую жизнь, придать ему импульс для развития. Внимание представителей федеральной государственной власти к проблемам российских духовиков, их активное участие в разнообразных проектах, направленных на преодоление кризисной ситуации, безусловно, вселяют большую надежду на то, что кризис когда-нибудь будет преодолен и мы увидим возрождение былой славы российской духовой школы. Однако пока нет оснований утверждать, что властные структуры, а также представители власти и видные деятели культуры, так или иначе вовлечённые в этот процесс, обладают

действительно глубоким пониманием самой структуры явления, с которым они имеют дело, – исполнением на духовых инструментах. А явление это системное и состоит из целого ряда компонентов, стагнация в каждом из которых неизбежно приводит к замедлению развития и последующей деградации всей системы в целом.

Для преодоления кризиса в системе профессиональной подготовки исполнителей на духовых инструментах и её модернизации сегодня необходимы масштабные исследования:

1) истории становления и развития профессиональной подготовки исполнителей на духовых инструментах в России, для того чтобы выявить отличия исполнительских и педагогических традиций русской духовой школы от зарубежных аналогов;

2) научное обоснование путей ненасильственной интеграции компетентностно-ориентированного подхода в российское музыкальное образование, адаптируя его к уникальной отечественной системе подготовки духовых исполнителей;

3) сопоставление понятийно-терминологического аппарата системно-деятельностных исследований отечественной педагогики и психологии с современными компетентностно-ориентированными теориями для разработки единой понятийно-терминологической базы, что позволит в процессе образовательных реформ опираться на богатейший исследовательский опыт отечественных учёных и определить дальнейший вектор научных исследований.

Список литературы

1. Александр Рыжинский: «Всё рождается из интереса» [Электронный ресурс] // ClassicalMusicNews.Ru : [веб-сайт]. – Электронный ресурс. – 18.12.2019. – URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/interview/alexander-ryzhinsky-2019/>
2. *Базиков А. С.* Музыкальное образование в современной России : основные противоречия и пути их преодоления : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук / Базиков Александр Сергеевич. – Москва, 2003. – 52 с.
3. *Байденко В. И., Селезнёва Н. А.* Нынешний раунд Болонского процесса : сохранение оптимизма. И немного о российском... (статья 1) // Высшее образование в России. – 2017. – № 10. – С. 94–108.
4. *Гребнёва Л. С.* Нынешний раунд Болонского процесса : Россия и не только (по работам В. И. Байденко и Н. А. Селезнёвой) // Высшее образование в России. – 2018. – Том 27, № 1. – С. 5–18.
5. *Зенкин К. В.* Что необходимо изменить для дальнейшего развития русской музыкальной культуры // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». – 2013. – № 3 (3). – С. 7–12.
6. *Игумнова З.* Духовые оркестры могут недосчитаться музыкантов [Электронный ресурс] // Известия : [веб-сайт]. – Электронные данные. – 26 июля 2017 года. – URL: <https://iz.ru/621936/zoia-igumnova/delo-truba>

7. *Кирнарская Д. К.* Три источника и три составные части реформы российского образования : опыт музыкального искусства // Современное образование. – 2017. – № 4. – С. 1–16.
8. *Русских Л. В.* Реформа образования в России : промежуточные итоги // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. – 2014. – Том 14, № 4. – С. 88–90.
9. *Юдин А. П.* Некоторые проблемы отечественной педагогики музыкального исполнительства // Наука и школа. – 2016. – № 2. – С. 145–148.

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ МЕДИАНАВЫКОВ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

УДК 374.1:004.738.5

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-143-151>

Андрей Дмитриевич ЖУКОВ,

соискатель кафедры педагогики, психологии и философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация
заместитель заведующего Центром медиапрактик Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация,

e-mail: polkovodets@mail.ru

Аннотация: В представленной статье анализируется ситуация с медиаобразованием в студенческой среде. Под медиаобразованием понимается процесс и результат овладения навыками успешной жизни в цифровой среде, в том числе навыками критического анализа медиатекстов, креативными и эстетическими навыками, коммуникативными навыками и навыками безопасности. В пилотажном эксперименте были использованы такие методы эмпирического исследования, как опрос и беседа. Референтная группа составила около 100 учащихся двух вузов – МГИК и ВШЭ. Анализ полученных данных показывает, что большинство студентов, независимо от профиля подготовки, осознаёт необходимость медиаобразования. В то же время они оценивают свой уровень медианавыков по всем направлениям недостаточным, что свидетельствует о наличии противоречия между потребностями современной социальной ситуации и практикой образования.

Ключевые слова: медианавыки, медиаобразование, медиаграмотность, компетенции, медиа.

Для цитирования: Жуков А. Д. Диагностика сформированности медианавыков у современных студентов // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 143–151. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-143-151>

DIAGNOSTICS OF THE FORMATION OF MEDIAN SKILLS IN MODERN STUDENTS

Andrey D. Zhukov, at the Department of Pedagogy, Psychology and Philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

Deputy Head of Media Practice Center, the HSE University, Moscow, Russian Federation,

e-mail: polkovodets@mail.ru

Abstract: The presented article analyzes the situation with media education in the student environment. Media education refers to the process and result of mastering the skills of a successful life in the digital world, including the skills of critical analysis of media texts, creative and aesthetic skills, communication skills and safety skills. In the pilot experiment, empirical research methods such as polling and

conversation were used. The reference group consisted of about 100 students from two universities – MGIK and HSE University. The analysis of the received data shows that the majority of students, regardless of the profile of training, are aware of the need for media education. At the same time, they assess their level of median skills in all areas as insufficient, which indicates that there is a contradiction between the needs of the modern social situation and the practice of education.

Keywords: media skills, media education, media literacy, competencies, media.

For citation: Zhukov A. D. Diagnostics of the formation of median skills in modern students. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 1 (40), pp. 143–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-140-143-151>

Современный этап развития цивилизации многие представители социально-гуманитарных наук рассматривают в парадигме транзитивности, то есть такого этапа существования общества, когда осуществляется трансформация и переход от традиционных и устоявшихся систем к новым. Перманентный рост новаций и перемен в нашей жизни позволяет заключить, что транзитивность становится постоянной характеристикой современного социума.

Один из аспектов транзитивности связан с процессом становления цифрового общества. Появление и стремительное расширение информационно-коммуникационной среды, кардинальное упрощение и удешевление средств производства и доставки информации привели к феномену гибридной реальности – расширению границ бытия человека за счёт онлайн-формата. Это стало особенно очевидным в период ограничений, связанных с пандемией COVID-19.

По справедливому замечанию С. Н. Костроминой, движение личности вперёд определяет смыслы, поэтому цифровой мир должен стать пространством порождения новых личностных смыслов, помогать разным социальным группам объединяться на аксиологической основе, а отдельным личностям – самовыражаться через ту или иную активность. «Смысл свободы в цифровом мире не в доступности, а в усилении осознанности деятельности. В противном случае можно получить одержимость “цифровым бытиём”, стать объектом манипуляции, оказаться жертвой недостоверной информации», – отмечает С. Н. Костромина в докладе «Цифровой мир: ценности и цена» на VII Санкт-Петербургском зимнем фестивале практической психологии [3]. По её словам, сегодня необходимы «инъекции смыслов», чтобы цифровое пространство не превратилось в социокультурный вакуум.

В данном контексте исключительное значение приобретает повышение уровня медиаграмотности. Некоторыми исследователями она рассматривается как сочетание технологических, когнитивных, социальных и этических навыков, необходимых для критической оценки соци-

альных сетей [9; 11]. По нашему мнению, такое определение несколько сужает область медиаграмотности до только одного аспекта – критического анализа. Более правильной и универсальной выглядит формула, которая предлагается в Московской декларации Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Медиа- и информационная грамотность рассматриваются в качестве совокупности установок, умений и навыков, которые позволяют получать доступ к информации и знаниям, анализировать, оценивать, использовать, создавать и распространять их с максимальной продуктивностью в соответствии с законодательными и этическими нормами и с соблюдением прав человека [2].

На сегодняшний день большинство исследователей считает, что медиаграмотность – это результат и составная часть более широкого и ёмкого понятия – медиаобразования. Ведущий российский исследователь медиаобразования А. В. Фёдоров даёт такое определение медиаобразования: «Процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники. Обретенная в результате этого процесса медиаграмотность помогает человеку активно использовать возможности информационного поля телевидения, радио, видео, кинематографа, прессы, Интернета» [7, с. 27]. Таким образом, медиаобразование является процессом и результатом овладения учащимся рядом компетенций, необходимых и достаточных для успешного существования в транзитивном мире.

ЮНЕСКО повышение уровня медиаграмотности объявило одной из важнейших задач XXI века. Среди прочего это связано с тем, что традиционные программы медиаобразования, сложившиеся в индустриальные времена, оцениваются как устаревшие в эпоху, когда ключевую роль начинают играть социальные сети. В связи с этим в англоязычных источниках уже появился термин «новая грамотность» (*new literacy*), который противопоставляется традиционной медиаграмотности [10].

На сегодняшний день исследователи выделяют два основных подхода к медиаобразованию – интегрированный (изучение медиа в курсе традиционных предметов) и специальный (введение нового предмета). Интегрированный подход обычно реализуется в программах родного языка и литературы, обществознания, эстетического блока предметов. Например, в Великобритании медиаобразование интегрировано в уроки родного языка. Специализированный подход реализован, в частности, в средних школах Канады и Австралии, где с 1990-х годов медиаобразование стало обязательным компонентом обучения (с 1-го по 12-й класс). В России медиаобразование до сих пор не является обязательным пред-

метом (исключение составляет только профильное направление подготовки медиарботников). Другой аспект этой же проблемы – нехватка квалифицированных медиапедагогов и дидактических материалов по медиаобразованию [1, с. 71].

Общероссийское научное исследование цифровой компетентности (2013) констатировало, что две трети (67%) российских родителей и три четверти (75%) подростков приобретали знания по использованию Интернета самостоятельно. Только 13% детей указали, что освоение Интернета произошло у них в школе [8]. Это означает, что медиаобразование происходит стихийно и несистемно, в отсутствие учебного плана и логики, индуктивным способом на практике и собственных ошибках, по советам и примеру сверстников. Безусловно, это не способствует формированию высоких стандартов медиаобразования.

На сегодняшний день Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) по целому ряду направлений подготовки содержат требования по овладению компетенциями в области медиаграмотности. В частности, ФГОС ВО по направлению подготовки 53.03.01 «Музыкальное искусство эстрады» устанавливает требование овладения студентами бакалавриата общепрофессиональной компетенцией самостоятельно искать информацию в области музыкального искусства (ОПК-4) и освоения информационно-коммуникационных технологий (ОПК-5) для решения профессиональных задач [4].

ОПК-2 ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» устанавливает следующее требование: «Способен решать стандартные задачи профессиональной деятельности с применением информационно-коммуникационных технологий и с учётом основных требований информационной безопасности» [5].

ОПК-3 ФГОС ВО по направлению подготовки 52.03.06 «Драматургия» определяет требование «осуществлять поиск информации в области культуры и искусства с помощью информационно-коммуникационных технологий, использовать её в своей профессиональной деятельности» [6].

Исследования этой сферы позволили предположить, что существует разрыв между требованиями по овладению медианавыками, содержащимися в ФГОС 3++, и реальной компетентностью студентов разных направлений подготовки.

Для подтверждения актуальности темы исследования и диагностики современного состояния уровня медиаобразования у студентов было проведено пилотажное исследование.

Важную роль для нашего исследования играют:

– концептуальные положения компетентностного подхода (А. А. Алабяна, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, А. В. Хуторской, М. Н. Скаткин, И. Я. Лернер, В. В. Краевский, Г. П. Щедровицкий, Д. Б. Эльконин);

- концептуальные положения дидактики высшей школы (Г. С. Селевко, В. И. Черниченко, Т. В. Христидис, Н. Д. Булатова);
- концептуальные положения теории медиаобразования (А. В. Фёдоров, А. В. Шариков, И. В. Чельшева, Л. Мастерман);
- исследования в профессиональном и массовом медиаобразовании (Я. Н. Засурский, Е. Л. Вартанова, И. М. Дзялошинский, И. В. Жилавская, А. Г. Асмолов и другие).

Для анализа эмпирических данных, которые обобщаются в исследовании, был использован метод онлайн-опроса и беседы по результатам опроса.

Для того чтобы определить уровень самооценки учащимися уровня медиаобразования, был задан вопрос: «Ощущаете ли Вы недостаток медианавыков?» (варианты ответа «да»/«нет»).

Затем был задан уточняющий вопрос: «Каким медианавыкам Вы хотели бы научиться?».

В качестве вариантов ответа были использованы четыре компонента, которые в материалах ЮНЕСКО фигурируют как ключевые составные части медиаобразования:

- эстетические и креативные навыки, то есть способность синтезировать собственный оригинальный контент, опираясь на достижения культуры;
- навыки критического анализа, то есть умение видеть/слышать, интерпретировать и оценивать медиаконтент, определять фейки, используя различные аналитические инструменты;
- интерактивные навыки, то есть способность общаться со своей аудиторией, увеличивать её лояльность и количество подписчиков, продвигать своё медиа;
- навыки безопасности, то есть использование разумных мер предосторожности в Интернете, знание этических и правовых норм.

При этом потребность в каждой из четырёх групп навыков можно было оценить по шкале от 1 (абсолютно нет потребности) до 10 (максимально необходимо).

В пилотажном исследовании приняли участие 94 учащихся Московского государственного института культуры и Высшей школы экономики.

Первую группу (38 человек) составили студенты 1 курса бакалавриата МГИК по направлению «Социально-культурная деятельность». Вторая группа (22 человека) – студенты бакалавриата НИУ ВШЭ социально-гуманитарных направлений подготовки, записавшиеся на проект «Медиамастерская». Третья группа (21 человек) – магистранты МГИК по направлению «Культурология». Четвёртая группа (13 человек) – студенты-заочники МГИК, будущие режиссёры любительского театра.

**Результаты ответов на вопрос
«Ощущаете ли Вы недостаток медианавыков?»**

Группы	Да	Нет	Нет ответа
1.	29 (76%)	8 (21%)	1 (3%)
2.	19 (86%)	3 (14%)	–
3.	16 (76%)	5 (24%)	–
4.	10 (67%)	5 (33%)	–

Таким образом, мы видим, что от 2/3 до 3/4 учащихся ощущают нехватку медианавыков. При этом несколько более высокий процент желающих освоить медианавыки среди студентов НИУ ВШЭ, очевидно, связан с тем, что все они записались на проект по повышению уровня медиаграмотности. В то же время среди студентов МГИК мы видим определённое увеличение тех, кто удовлетворил свои потребности в медиаобразовании по мере взросления студентов (средний возраст бакалавров из группы 1 – 17,8 лет, магистров из группы 3 – 20,6 года, заочников из группы 4 – 28,8 года).

Во втором вопросе учащимся было предложено оценить по шкале от 1 до 10 нехватку тех или иных медианавыков.

**Распределение ответов на вопрос: «Каким медианавыкам
Вы хотели бы научиться?» (по баллам и по группам)**

Группа 1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Нет ответа	Средний балл
Креатив	2	1	0	1	3	0	4	8	4	15	–	7,9
Критический анализ	2	2	1	2	6	1	3	7	4	10	–	7
Коммуникация	3	2	2	3	6	2	2	4	2	11	1	6,5
Безопасность	3	2	3	7	5	4	5	3	3	3	–	5,5

Группа 2	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Нет ответа	Средний балл
Креатив	0	0	0	0	3	2	2	4	2	8	1	8,1
Критический анализ	3	0	1	2	1	1	4	4	2	4	–	6,5
Коммуникация	2	2	0	1	1	0	2	5	2	6	1	7
Безопасность	2	2	2	3	4	2	2	2	1	2	–	5,2

Группа 3	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Нет ответа	Средний балл
Креатив	0	0	0	0	1	0	2	1	3	13	1	9,2
Критический анализ	0	0	2	0	1	3	2	3	2	8	–	7,9
Коммуникация	0	1	0	2	0	3	1	3	2	9	–	8
Безопасность	0	1	1	1	2	1	1	2	3	9	–	7,9

Группа 4	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Нет ответа	Средний балл
Креатив	1	0	0	0	1	0	1	1	1	8	–	8,5
Критический анализ	1	0	1	0	4	1	0	4	0	2	–	6,3
Коммуникация	1	0	0	1	4	0	1	1	0	3	2	6,4
Безопасность	0	3	0	1	1	0	1	1	1	5	–	6,8

Мы видим, что по всем группам максимально востребованным остаётся получение навыков в области создания медиатекстов. При этом запрос на овладение навыками в области критического анализа (и выявления фейков), коммуникации и продвижения своего медиа, а также в сфере безопасности находятся примерно на одном уровне. Также примечательно, что в более старших возрастных группах респондентов возрастает потребность в овладении навыками в сфере безопасности. Если у бакалавров эта проблема находится на последнем, четвёртом, месте, то у магистров и заочников становится второй по важности после овладения креативными навыками. Можно предположить, что это связано с личным опытом респондентов, которые в 20–30 лет уже сталкивались с проблемами кибербезопасности – от сохранности персональных данных до кибербуллинга и от соблюдения этических норм до нарушения авторских прав.

В дальнейшем в ходе индивидуальных бесед мы постарались уточнить, для каких целей, по мнению учащихся, им необходимы медианавыки. В ответах студентов можно выделить следующие два наиболее характерных варианта:

1) возможность использовать медианавыки в работе, чтобы быть более успешным;

2) овладение медиазнаниями как важный надпрофессиональный навык, который поможет стать успешным в жизни, или как своего рода «запасной аэродром» – возможность новой трудовой деятельности.

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что медиаобразование воспринимается студентами как умения, которые будут не только востребованы, но и монетизированы в рамках трудовой деятельности.

Подводя итог, можно констатировать, что практически все студенты осознают необходимость овладения медианавыками по ключевым направлениям медиаобразования. Учитывая, что сегодня в цифровую среду так или иначе вовлечено подавляющее большинство молодых людей, можно говорить о том, что степень их готовности к информационным реалиям значительно уступает уровню развития технических средств. В связи с этим как никогда актуальным становится вопрос о необходимости обучения комплексу медианавыков широкого круга людей, которые в медиа не работают, но интересы которых (профессиональные или личные) находятся в информационном поле. Кроме того, как показывают эмпирические исследования, медианавыки становятся одним из ключевых гибких неспециализированных навыков (soft skills), влияющих в том числе и на представление об успешности будущих специалистов, а также неотъемлемой частью в системе непрерывного образования.

Список литературы

1. Жилавская И. В. Системные и институциональные трансформации российского медиаобразования : факторы и тенденции : специальность 10.01.10 «Журналистика» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Жилавская Ирина Владимировна. – Москва, 2021. – 466 с.
2. Московская декларация о медиа- и информационной грамотности от 28 июня 2012 года [Электронный ресурс] // Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» : [веб-сайт]. – Электронные данные. – URL: <http://www.ifapcom.ru/ru/news/1347>
3. Светлана Костромина: «Цифровой мир : ценности и цена» [Электронный ресурс] // Психологическая газета : [веб-сайт]. – Электронные данные. – URL: www.psy.su/feed/8881/
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению 53.03.01 Музыкальное искусство эстрады [Электронный ресурс] : приказ Министерства образования и науки РФ № 563 от 15 июня 2017 года. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/530301_B_3_10072017.pdf
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению 51.03.03 Социально-культурная деятельность [Электронный ресурс] : приказ Министерства образования и науки РФ № 1179 от 6 декабря 2017 года. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510303_B_3_12012018.pdf
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 52.03.06 Драматургия [Электронный ресурс] : приказ Министерства образования и науки РФ № 1130 от 16 ноября 2017 года. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/520306_B_3_07122017.pdf
7. Фёдоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. – Москва : МОО «Информация для всех», 2014. – 64 с.

8. Цифровая компетентность подростков и родителей : результаты всероссийского исследования : [монография] / Г. У. Солдатова [и др.] ; Фонд Развития Интернет, Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. – Москва : Фонд Развития Интернет : Google, 2013. – 143 с.
9. Hobbs R. *Digital and media literacy: A plan of action*. – Washington, DC : The Aspen Institute, 2010. – 67 p.
10. Manca S., Vocconi S., Gleason B. “Think globally, act locally”: A glocal approach to the development of social media literacy. *Computers & Education*. – 2021. – Vol. 160. – P. 104025.
11. McDougall J., Berger R., Fraser P., Zezulkova M. Media literacy, education & (civic) capability: A transferable methodology. *Journal of Media Literacy Education*. – 2015. – No. 7 (1). – Pp. 4–17.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.

2. Объём статьи не должен превышать 15–16 тыс. печатных знаков, включая пробелы, но не более 20 тыс. знаков, включая пробелы.

3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (один абзац 100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;

б) сведения об авторе: ФИО полностью, на русском и английском языках (на английском языке ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать систему транслитерации по стандарту BSI (British Standards Institution), место учебы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), электронный адрес;

в) рецензия научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполняется работа, на бланке учреждения, с заверенной подписью (к статье на соискание докторской степени необходимо представить 2 рецензии специалистов в данной области).

5. Статьи принимаются в двух экземплярах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может находиться в редакционном портфеле до года. Отклонённые статьи не возвращаются и не рецензируются.

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been previously published. The article should have a scientific novelty, should reflect the main results of the author's research, should correspond with the general direction of the magazine and should be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article can include (if necessary) a minimum amount of tables, formulas, and plots. The article should include a conclusion. All abbreviations and scientific terms should be disclosed. You should not abuse the Internet sources. If their use is necessary you should give references in accordance with the rules of registration of bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word, font – Times New Roman, size 14, spacing – 1,5.

2. The scope of article should not exceed 15–16 thousand printed characters, including spaces, but no more than 20 thousand characters, including spaces.

3. References should be located at the end of the article in the alphabetical order, bibliographic descriptions in the list should be drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article should be given in brackets.

4. You should add to the article:

a) the abstract (one paragraph of 100–250 words) in English and Russian, as well as keywords to an article in the Russian and English languages;

b) information about the author: full name, in the Russian and English languages (English name of the authors should be represented in accordance with one of the accepted international system of transliteration, it is desirable to use either the International Standard BSI (British Standards Institution), place of study and work, position, telephone number (preferably a mobile), e-mail;

c) review and recommendations of the supervisor of the Department where the work is performed in a form of the institution with certified signature; 2 reviews from the specialists in the certain filed should be added to the article for a reward of Doctorate.

5. Articles are accepted in two copies – printed and electronic. The printed text on the paper must be identical to the text of the electronic version.

The Editorial Board reserves for itself the right to select the materials. The article, after its approval by the editorial board of the journal, may be in an editorial portfolio up to one year. Rejected articles will not be returned and will not be reviewed.

Scientific academic journal "Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts" is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of major scientific results of dissertation research for the award of a scientific degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them:

- 24.00.01 – Theory and history of culture (Cultural Studies),
- 24.00.01 – Theory and history of culture (Philosophical Sciences),
- 10.01.01 – Russian literature (Philological Sciences),
- 10.01.08 – Theory of literature. Textology (Philological Sciences),
- 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education (Pedagogical Sciences),
- 13.00.05 – Theory, methods and organization of social and cultural activity (Pedagogical Sciences),
- 13.00.08 – Theory and methods of professional education (Pedagogical Sciences)

It is published since 2008. It is issued four times a year

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«**MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE**»

CHIEF EDITOR – CHAIRMAN OF THE EDITORIAL COUNCIL

UZHANKOV Aleksandr Nikolaevich,

Full Doctor of Philology, Professor, Vice Rector for Research of the Moscow State Institute of Culture,
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

DEPUTY EDITOR

I. A. Esaulov, Full Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITOR

N. N. Yarosnenko, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

EXECUTIVE EDITOR

L. N. Voevodina, Full Doctor of Philosophy, Professor

EDITORIAL BOARD

A. O. Arakelova, Full Doctor of Arts Criticism, Professor,
Honored Worker of the Culture of the Russian Federation

O. N. Astafieva, Full Doctor of Philosophy, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation

N. P. Vidmarovich, Full Doctor of Philology, Professor (Croatia)

E. E. Drobysheva, Full Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg)

V. A. Esakov, Full Doctor of Cultural Studies, Professor,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation,
Honored worker of the General Education of the Russian Federation

L. S. Zorilova, Full Doctor of Cultural Studies, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

I. I. Irkhen, Full Doctor of Cultural Studies, Professor (St. Petersburg)

V. V. Lepakhin, Full Doctor of Philology, Professor (Hungary)

R. A. Litvak, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation (Chelyabinsk)

L. S. Maykovskaya, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation

V. V. Milkov, Full Doctor of Philosophy

V. V. Motorin, Full Doctor of Philology, Professor (Novgorod)

N. I. Nezhnets, Full Doctor of Philosophy, Professor

E. Yu. Streltsova, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Sugay, Full Doctor of Philology, Professor (Slovakia)

E. A. Fedorova, Full Doctor of Philology, Professor (Yaroslavl)

D. V. Shamsutdinova, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored worker of science of the Republic of Tatarstan (Kazan)

N. V. Sharkovskaya, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor